

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

РОССИЯ

В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Том 28. Выпуск 2

Санкт-Петербург
2025

Россия в глобальном мире
Редакционная коллегия журнала

Лбова Л.В. – д. ист. н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **главный редактор**;

Погодин С.Н. – д. ист. н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **ответственный редактор**;

Баранов Н.А. – д. полит. н., профессор (Северо-западный институт управления (филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия);

Бахтуридзе З.З. – д. полит. н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия);

Гафаров М. – д. юр. н., профессор (Бакинский Государственный Университет, г. Баку, Азербайджан);

Дай Юнхун – д.э.н., профессор (Шэньчжэньский университет, г. Шэньчжэнь, Китай);

Калашикова Н.П. – д. полит. н., профессор (Евразийский Национальный Университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

Кефели И.Ф. – д. филос. н., профессор (Северо-западный институт управления (филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия);

Кожирова С.Б. – д. полит. н. (Институт востоковедения Министерства науки и образования РКБ г. Алматы, Казахстан);

Ли Цзинчен – к. полит. н., (Шэньчжэньский университет, г. Шэньчжэнь, Китай);

Михайленко В.И. – д.ист.н., профессор (Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия);

Русакович А.В. – д. ист. н., профессор (Белорусский государственный университет; г. Минск, Республика Беларусь);

Сидорчук И.В. – д. ист. н., доцент (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия);

Табарев А.В. – д. ист. н., доцент (Институт археологии и этнографии Сибирского Отделения Российской Академии Наук; г. Новосибирск, Россия).

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал, в котором представлены публикации, соответствующие отраслевым направлениям и научным специальностям (*по номенклатуре специальностей ВАК*):

5.5. Политология (5.5.1. История и теория политики, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

5.6. Исторические науки (5.6.1. Отечественная история, 5.6.2. Всеобщая история).

Рубрики ГРНТИ: 03 История. Исторические науки, 11 Политика и политические науки, 23 Комплексное изучение отдельных стран и регионов.

Рубрики OECD 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

Цели журнала - создание и развитие постоянно действующей платформы для публикации актуальных материалов по вопросам развития международных отношений и социальных вызовов XXI века; развитие методологии и методики современного научного гуманитарного знания в области политологии, отечественного и зарубежного регионоведения; научный обмен между научными школами и направлениями. Журнал публикует научные статьи, обзоры, рецензии, информацию о научных мероприятиях. Издание адресовано преподавателям и студентам вузов, ученым, аспирантам и соискателям, а также заинтересованным в обсуждении современных идей и практик в области международных отношений, регионоведения, истории науки и политологии.

Редакционная политика журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении авторского права, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированных Комитетом по этике научных публикаций (COPE), строится с учетом Декларации Сараево по целостности и видимости научных публикаций и Декларации «Этические принципы научных публикаций», принятой Ассоциацией научных редакторов и издателей (АНРИ). В состав Редколлегии входят ведущие отечественные и зарубежные ученые. Публикация научных статей для всех авторов бесплатна. Статьи публикуются на русском и английском языках.

ИНДЕКСАЦИЯ: сведения о публикациях Журнала представлены в базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенной на платформе Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>, на научной платформе Open Access «КиберЛенинка», а также в Российской государственной библиотеке (РГБ). С 2024 г. входит в Перечень ВАК Минобрнауки РФ.

ISSN 2304-9472; ISSNе 2949-3501

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 - 84167 от 09.11.2022.

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

Тел. редакции: 8(812)606-62-42; e-mail редакции: russiaglobal@spbstu.ru; сайт редакции: <https://russiaglobal.spbstu.ru>

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2025

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

**PETER THE GREAT SAINT PETERSBURG
POLYTECHNIC UNIVERSITY**

RUSSIA

IN THE GLOBAL WORLD

Volume 28. Issue 2

Saint Petersburg
2025

Russia in the Global World

Editorial Board:

Lyudmila V. Lbova – Doctor of History Sciences, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Editor in Chief**;

Sergey N. Pogodin – Doctor of History Sciences, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Associate Editor**;

Nikolay A. Baranov – Doctor of Political Sciences, Professor (*North-West Institute of Management (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia)*);

Zeynab Z. Bakhturidze – Doctor of Political Sciences, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*);

Midhad Qafarov – Doctor of Law, Professor (*Baku State University, Baku, Azerbaijan*);

Yonghong Dai – Doctor of Economics, Professor (*Shenzhen University, Shenzhen, China*);

Natalya P. Kalashnikova – Doctor of Political Sciences, Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*);

Igor F. Kefeli – Doctor of Philosophy, Professor (*North-West Institute of management (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Saint Petersburg, Russia*);

Svetlana B. Kozhirova - Doctor of Political Sciences, (*Institute of Oriental Studies of the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan*);

Li Jingcheng – PhD of Political Science, (*Shenzhen University, Shenzhen, China*);

Valerij I. Mihajlenko – Doctor of History Sciences, Professor (*Ural Federal University; Ekaterinburg, Russia*);

Andrej V. Rusakovich – Doctor of History Sciences, Professor (*Belarusian State University, Minsk, Belarus*);

Ilya V. Sidorchuk – Doctor of History Sciences (*Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*);

Andrej V. Tabarev – Doctor of History Sciences (*Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*)

“*Russia in the Global World*” is a quarterly peer –reviewed publication that presents the research papers corresponding to the following scientific specialties (according to the nomenclature of the Higher Attestation Commission):

5.5. Political Science (5.5.1 History and Theory of Politics, 5.5.3 Public Administration and Industry Politics, 5.5.4 International Relations, Global and Regional Studies).

5.6. Historical Sciences (5.6.1. National Russian History, 5.6.2. Global History).

CSCSTI Headings: 03 History. Historical Sciences, 11 Politics and Political Sciences, 23 Comprehensive Studies of Special Countries and Regions.

OECD Headings: 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

ASJC Scopus Political Science and International Relations, Sociology and Political Science, Cultural Studies.

The Mission of the Journal. Keeping the traditions of the best Russian publications, the journal is open to the publication of the relevant materials on the development of international relations and social challenges of the 21st century; evolution of methodology and methods of modern scientific humanitarian knowledge in the field of political science, elaboration of domestic and foreign regional studies; scientific exchange between scientific schools and directions, specialists and young researchers. The publication accepts and publishes the scientific articles, reviews, information about scientific events. The publication is addressed to university teachers and students, scientists, graduate students and applicants, as well as those interested in discussing modern ideas and doing the research in the field of International Relations, Regional Studies, the History of Science and Political Science.

The Editorial Policy of the Journal is based on the modern legal requirements for copyright. The Editorial Policy underpins the Code of Ethics for Scientific Publications formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE), is grounded on the Sarajevo Declaration on the Integrity and Visibility of Scientific Publications and the Declaration “Ethical Principles of Scientific Publications”, adopted Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The Editorial Board consists of a group of prominent national and foreign scientists.

The publication of scientific articles for all authors is free. The articles are published in Russian and English.

INDEXING: the information about the publications of the Journal is presented in the database "Russian Science Citation Index" (RSCI), hosted on the platform of the Scientific Electronic Library <http://www.elibrary.ru>, on the scientific platform Open Access "CyberLeninka" and the Russian State Library (RSL). Since 2024. it has been included in the list High Certification Commission, Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

ISSN 2304-9472; ISSN e 2949-3501

Mass media registration certification EL № FS 77 – 84167, dated 09.01.2022

Founder and publisher: Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University

Editorial address: Polytekhnikeskaya, 29, St. Petersburg, 195251, Russia
Editorial e-mail: russiaglobal@spbstu.ru; URL: <https://russiaglobal.spbstu.ru>

© Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения

<i>Бахтуридзе З.З., Кожирова С.Б., Шурунова Е.В.</i> Этапы развития российско-китайских торгово-экономических отношений	7
<i>Асадов М.</i> Геополитическое положение Каспийского моря. Сотрудничество и конкуренция	18

Общество и политика

<i>Барабанов О.Н., Наумова Е.В.</i> Современный вооруженный конфликт: эволюция и влияние беспилотных летательных аппаратов	35
<i>Цумарева Е.П.</i> Деятельность военно-цензурного отдела Ставки Верховного главнокомандующего Вооруженными силами России в 1915–1918 гг.	55
<i>Глухов В.В., Ульянова С.Б., Коломысова М.В.</i> Организации предпринимателей и индустриальное развитие России (XIX – начало XX в.)	70
<i>Солнышкин А.А.</i> Роль «чистки» 1924 г. в изменении социально-политического состава студенчества Ленинградского государственного университета	85

Евразийская интеграция

<i>Пьянникова Д.Е.</i> Геополитические аспекты транспортных коридоров: как конкуренция великих держав формирует политическую динамику в Центральной Азии	98
<i>Хусаинова С.С.</i> Русский язык как инструмент мягкой силы евразийской интеграции	111

Страны, народы, культуры

<i>Власова А.И.</i> Взаимодействие государственных структур и общественных организаций по улучшению медико-санитарной службы в Степном крае (конец XIX – начало XX вв.)	124
<i>Носкова Н.В., Ван Цзюньтао.</i> Социальная адаптация российской эмиграции в Шанхае в 1917–1939 гг.	133

Мир и цифровая трансформация

<i>Чжан Цзинькай.</i> Китай и Россия: международное право и кибербезопасность (проблемы, размышления и контрмеры)	144
---	-----

История науки и техники

<i>Волков П.В.</i> Технологии каменного века и поиски начала человеческой истории	162
---	-----

CONTENTS

International Relations

- Bakhturidze, Z.Z., Kozhirova, S.B., Shurunova, E.V.* Stages of Development of Russian-Chinese Trade and Economic Relations 7
- Asadov, M.* Caspian Sea's Geopolitical Position. Collaboration and Competition 18

Society and Politics

- Barabanov, O.N., Naumova, E.V.* Modern Armed Conflict: the Evolution and Impact of Unmanned Aerial Vehicles 35
- Tsumarava, A.P.* Activities of the Military Censorship Department at the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief of the Russian Armed Forces in 1915–1918 55
- Glukhov, V.V., Ulyanova, S.B., Kolomysova, M.V.* Business Organizations and Industrial Development of Russia (XIX – early XX century) 70
- Solnyshkin, A.A.* The Role of the «Purge» of 1924 in Changing the Socio-Political Composition of the Students of Leningrad State University 85

Eurasian Integration

- Pyannikova, D.E.* Geopolitical Aspects of Transport Corridors: How Great Power Competition Shapes the Political Dynamics in Central Asia 98
- Khusainova, S.S.* Russian Language as a Soft Power Instrument of Eurasian Integration 111

States, Nations and Cultures

- Vlasova, A.I.* Interaction Between Government Agencies and Public Organizations to Improve Health Care Services at the Steppe Territory (Late XIX – Early XX Century) 124
- Noskova, N.V., Wang Juntao.* Social Adaptation of Russian Emigration in Shanghai in 1917–1939 133

The World and Digital Transformation

- Zhang Jinkai.* China and Russia: International Law and Cybersecurity 144

History of Science and Technology

- Volkov, P.V.* The Technologies of the Stone Age and the Search for the Beginning of Human History 162

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL RELATIONS

research article / научная статья

УДК: 327

EDN: [IUGTQU](#)

DOI: [10.48612/RG/RGW.28.2.1](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

This work is licensed under [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](#)
Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](#)

Stages of Development of Russian-Chinese Trade and Economic Relations

Zeynab Z. Bakhturidze ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ bahtur_zz@spbstu.ru

Svetlana B. Kozhirova

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, the Republic of Kazakhstan
s.kozhirova@yandex.ru

Eugenia V. Shurunova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
eshurunova@mail.ru

Abstract

Introduction. Russia and China have a long history of cooperation, which consists of both periods of rapprochement and periods of cooling. The relevance of the chosen topic is determined by the fact that today the countries actively interact in a wide range of areas, one of which is the trade and economic sphere. The process of establishing trade relations between Russia and China has its roots in the distant past. The purpose of the study is to identify and characterize the stages of development of Russian-Chinese trade and economic relations.

Materials and methods. The information basis of the study was scientific publications, official documents of Russian-Chinese relations. The research was based on scientific publications, official documents of Russian-Chinese relations XVII–XXI centuries. The results obtained through retrospective analysis made it possible to analyze the history of Russian-Chinese trade and economic relations, and the analytical generalization of historical and political science material contributed to the identification of the general trend of trade relations between the two countries.

Results. Based on the established historical experience, having identified its patterns, it became possible to draw certain conclusions about the current state and development of Russian-Chinese trade and economic relations. Chinese wisdom says: "When you drink water, remember the source – look back at the path, you have traveled". The conducted historical and political analysis of trade and economic relations will allow new researchers to identify the main areas and prospects of interest of the People's Republic of China in trade relations with the Russian Federation.

Discussion. The conducted analysis allows us to conclude that historical facts confirm the dual nature of Russian-Chinese relations. In historical retrospect, we can note the problems of trade and economic relations that exist today. The problem of transportation due to the remoteness of the central regions of Russia from China, the dependence of trade on the internal state of states, the influence of external economic factors.

Conclusion. After each period of tension in trade and economic relations between Russia and China, both states sought to find a compromise and come to the harmonization of relations. The following stages of trade and economic relations between the countries can be distinguished: pre-revolutionary, soviet period and the modern stage. Historically, Russian-Chinese trade and economic cooperation has been built on the principles of friendship and mutual understanding, which gives reason to speak about the possibility of further positive trends in this direction.

Keywords: Russia; China; trade and economic relations; stages of economic cooperation; history of Russian-Chinese interactions

For citation: Bakhturidze, Z.Z., Kozhirova, S.B., Shurunova, E.V. Stages of Development of Russian-Chinese Trade and Economic Relations. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 2. P. 7–17. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.1

© Bakhturidze, Z.Z., Kozhirova, S.B., Shurunova, E.V., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Этапы развития российско-китайских торгово-экономических отношений

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
 bahtur_zz@spbstu.ru

Кожирова Светлана Басиевна

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
s.kozhirova@yandex.ru

Шурунова Евгения Валерьевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
eshurunova@mail.ru

Аннотация

Введение. Россия и Китай имеют длинную историю сотрудничества, которая состоит как из периодов сближения, так и периодов охлаждения. Актуальность выбранной темы определяется тем фактом, что на сегодняшний день страны активно взаимодействуют в обширном спектре областей, одной из которых является торгово-экономическая сфера. Процесс становления торговых связей между Россией и Китаем уходит корнями в далекое прошлое. Цель исследования – обозначить и охарактеризовать этапы развития российско-китайских торгово-экономических отношений.

Материалы и методы. Информационной основой исследования послужили научные публикации, официальные документы русско-китайских отношений XVII–XX вв. Результаты, полученные с помощью ретроспективного анализа, позволили проанализировать историю российско-китайских торгово-экономических отношений, а аналитическое обобщение историко-политологического материала способствовало выявлению общей тенденции торговых отношений между двумя странами.

Результаты. Основываясь на сложившемся историческом опыте, выявив его закономерности, стало возможным сделать определенные выводы о современном состоянии и

развитии российско-китайских торгово-экономических отношений. Китайская мудрость гласит: «когда пьешь воду, помни об истоке - оглянуться на пройденный путь». Проведенный историко-политологический анализ торгово-экономических отношений позволит новым исследователям выделить основные направления и перспективы заинтересованности Китайской Народной Республики в торговых отношениях с Российской Федерацией.

Обсуждение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что исторические факты подтверждают двойственную природу российско-китайских отношений. В исторической ретроспективе можно отметить проблемы торгово-экономических отношений, существующие и сегодня: проблема транспортировки в связи с удаленностью центральных областей России от Китая, зависимость торговли от внутреннего состояния государств, влияние внешних экономических факторов.

Заключение. После каждого периода напряжения в торгово-экономических отношениях между Россией и Китаем, оба государства стремились найти компромисс и прийти к гармонизации отношений. Можно выделить следующие этапы торгово-экономических отношений между странами: дореволюционный, советский период и современный этап. Исторически русско-китайское торгово-экономическое взаимодействие строилось на принципах дружбы и взаимопонимания, что дает основания говорить о возможности дальнейших положительных тенденций в этом направлении.

Ключевые слова: Россия; Китай; торгово-экономические отношения; этапы экономического сотрудничества; история российско-китайских взаимодействия.

Для цитирования: Бахтуридзе З.З., Кожирова С.Б., Шурунова Е.В. Этапы развития российско-китайских торгово-экономических отношений // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 2. С. 7–17. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.1

© Бахтуридзе З.З., Кожирова С.Б., Шурунова Е.В., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction

The current level of relations between Russia and China, which is positioned by both sides as "high", has not always been that way. States have a long history of cooperation, which is characterized by periods of mutual rapprochement, active beneficial interaction, as well as periods of cooling, sometimes even confrontation. It is important to take this into account when analyzing modern relations, including trade and economic ones. One of the determining factors influencing development of relations between states is the historical heritage. Understanding history contributes to a more accurate prediction of possible trade and economic ties between Russia and China. It is only on the basis of accumulated experience and identified patterns that it is possible to draw reasonable conclusions about the real interests of countries in maintaining interconnections and developing active cooperation. As noted by A.I. Denisov, Russian Ambassador to China: "Having achieved such a significant progress in our bilateral relations, it is appropriate, in accordance with Chinese wisdom – "when you drink water, remember the source" – to look back on the path taken" [1, p. 7].

As a result of the last visit to China in 2024 by the President of the Russian Federation Vladimir Vladimirovich Putin and his meeting with the Chairman of China Xi Jinping, fifteen packages of bilateral cooperation were discussed and signed¹.

¹ Визит Владимира Путина в Китай (2024) // Википедия. Свободная энциклопедия: [сайт]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Визит_Владимира_Путина_в_Китай_\(2024\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Визит_Владимира_Путина_в_Китай_(2024)) (дата обращения: 15.03.2025).

Despite active partnership relations in many areas, in the trade and economic area of cooperation, according to 2019 data, the main trading partner of the Russian Federation is the People's Republic of China, but Russia is in 11th place in the list of China's main partners in terms of trade turnover [2, p. 47]. This trend still exists today. Therefore, China is a priority area of foreign trade and economic policy for Russia, while Russia is not for China.

The purpose of the study is to identify and characterize the stages of development of Russian-Chinese trade and economic relations. Based on the established historical experience, having identified its patterns, it became possible to draw certain conclusions about the current state and development of Russian-Chinese trade and economic relations.

Methods

The object of the research is the study of the stages of Russian-Chinese trade relations. The authors of the paper have set a task of a retrospective analysis of trade and economic relations between the two countries. This analysis will enable new researchers to identify the main directions and prospects of the People's Republic of China's interest in trade relations with the Russian Federation.

Based on a retrospective analysis of the above issues using Chinese sources, the stages of development of Russian-Chinese trade and economic relations are identified and characterized, general trends in trade relations between the two countries are revealed, and conclusions are made about the current state and development of Russian-Chinese trade and economic relations.

In the analysis of the history of Russian-Chinese trade and economic relations was used the method of retrospective analysis. The analytical generalization of historical and political science material made it possible to study the general trend of trade relations between two countries.

Materials

The basis for the retrospective analysis of Russian-Chinese relations were works of Akhmadeev B.A., Gayazov I.R. [3], Vasilyeva N.I. [2], Moldovan A.A. [4], Paramonov V. and Stokov A. [5], Popova I.F. [6], Sankovets A.A. and Xu Li. [7], Sladkovsky M.I. [8], Wang Xiaoqi [9] and Liu Xiao [10]. Of particular note is the collection of official documents on Russian-Chinese relations from 1689 to 1916 [11] and the collection "Russia and China: Four Centuries of Interaction" edited by A. V. Lukin [1], which present a historical picture of the interaction between Russia and China. The current challenges and problems of trade and economic relations between China and Russia that have arisen since 1992 are presented in the study of Chinese author Cui Long, who assesses the economic situation and prospects of trade and economic relations between China and Russia [12].

There are several periods in the relationship between Russia and China, each of which has its own characteristic features. According by Akhmadeev B.A. and Gayazov I.R., employees of the Plekhanov Russian University of Economics, the following periods are distinguished: pre-revolutionary, Soviet times and the modern stage [3, p. 14]. The first attempts to establish communication with China were made back in the XVIth century by Ivan the Terrible, who sent two missions to find ways to China. Precisely in those times fundamental changes began to take place in Eurasia. Even then, certain changes began to

occur on the territory of Eurasia; in particular, in 1587 the city of Tobolsk and other fortifications were built. In the XVIIth century, the Russian Empire has already established a presence in Siberia and the Far East by annexing vast territories, which opened ways to the countries of Central Asia. The Chinese government treated the Russian settlers, who were located near the border of China, in an unfriendly manner. In this regard, the first step towards the beginning of diplomatic cooperation was the establishment of the Russian embassy in Beijing in 1618, which was headed by Siberian Cossack Ivan Petlin [13, p. 66]. The embassy was not a success, as Ivan was not granted access to the imperial court. Chinese officials explained this by stating that the embassy had not prepared appropriate gifts for the head of the Celestial Empire. However, Petlin did not leave without some good news – he was able to receive a letter from the emperor, which granted permission for mutual trade relations. Despite the limited success, a first step towards reconciliation was nevertheless taken.

Results

One of the most significant events of the pre-revolutionary period was the conclusion of the first treaty in the history of Russian-Chinese relations in 1689 in Nerchinsk. Traditionally, the beginning of trade and economic relations between Russia and China is considered to be from this date, since thanks to the Nerchinsk Treaty, trade relations became official and open [9]. It was at this time that the borders between the two empires were first established, which was a major point of the treaty. According to Paramonov, the initial basis of Russian-Chinese relations was "cooperation on border issues". The 1689 treaty also addressed issues such as resolving disputes and conducting trade. Russia was a major supplier of fur to China, while the Chinese Empire in turn offered Russia the opportunity to purchase silk and a wide variety of tea. This indicates the mutual trade interests of the two countries. The agreement itself was ambiguous. Russian researchers consider this to be unequal and inconsistent with the norms of negotiation. There was no exchange of maps or texts in different languages, and the interpretation varied. This demonstrates the particular caution of the imperial government in conducting relations with another state, despite the really existing trade interest.

The next significant event of the pre-revolutionary period was the signing of the Kyakhta Treaty in 1727. The document legitimized the border trade issues, which became free for merchants: "... as agreed with the Russian ambassador, Count Savoy Vladislavovich of Illyria, merchants would be free to travel between two empires..." [11, p. 19]. Also, according to the fourth paragraph of the text, the Russian government sent trade caravans to Beijing three times a year and constant trade activity took place on the borders in cities such as Kyakhta and Tsurukhaitu. Tea was still the most important imported commodity from China to Russia at that time. Until the XXth century, the tea trade accounted for 88% of the total volume of Russian-Chinese trade.

In 1730, construction of the Chinese trading city of Maimachen, located on the border with Kyakhta, began in order to conduct business with Russia. The further development of Kyakhta and Maimachen led to the active growth of cross-border trade between Russia and China. In the 1730s, there was already a noticeable increase in the volume of imports and exports of goods. For example, in 1736–1740, an average of 1,430 carts and 96 sleds of Russian goods were delivered to Kyakhta each year, while 806 carts and 37 sleds of Chinese

goods were imported. In 1741–1745, the number of Russian goods amounted to 1,200 carts per year, and Chinese – to 944 [6, p. 28].

In 1732, the Chinese government sent its first diplomatic delegation to Russia. After seeing the capital of the empire and learning about the way of life, scientific and educational achievements of the people, the Chinese were even more interested in cooperation. At the same time, the perception of Russia by the Chinese has changed for the better – now it is no longer seen as a "barbaric" country, but rather as a major power. The XVIIIth century saw a period of active trade between Russia and China, which greatly influenced the development of the economies of both countries. Russia continued to import large quantities of fur and cloth, as well as exporting tea, silk, cotton products, and other goods.

However, despite the success, it is worth noting that the Kyakhta trade also had some contradictions. After all, initially, the interests of the two countries regarding mutual trade were quite different. Russia's goal was to achieve economic growth, address the shortage of goods, and develop industry, where the money received from trade in Kyakhta was invested. Russia has managed to increase its production capacity and change the structure of its imports and exports through industrial modernization. At the same time, the Chinese government primarily invested in establishing imperial control over the country, strengthening and securing its borders, and suppressing rebellions. Unlike Russia, China did not focus on industrial development, instead employing the majority of its workforce in agriculture. It is also worth noting that during the 1790s, merchants who traded in Kyakhta and Maimachen received instructions from Beijing regarding the conduct of trade with Russia. They had to introduce quotas for the sell products, increase prices, and misinform Russian merchants about the current state of the Chinese market. According to experts, the tightening of regulations is due to China's traditional focus on agriculture rather than trade. This suggests that the Chinese government may not have fully understood the trends in the global market. During the XVIIIth century, there was still no direct contact between Russia and China, which prevented the establishment of strong trade and economic relations.

At the beginning of the XIXth century, discussions about the Russian-Chinese border arose again. Due to the outbreak of the Second Opium War in China, Russia felt the need to protect its Far East from the arrival of merchant ships from Western countries. In 1858, the Treaty of Aigun was signed, establishing the transfer of the Left-Bank Amur River to Russia and regulating Russian-Chinese trade in the Amur region. According to the treaty, only Russian and Chinese vessels were allowed to sail on the Amur, Sungari, and Ussuri rivers, and for mutual friendship, it was allowed to trade the products of both states living in the valleys of these rivers [11, p. 30]. Almost simultaneously with the signing of the Treaty of Aigun, the Treaty of Tientsin was also signed. According to it, Russia was able to conduct not only land-based, but also maritime trade with China, through the ports of Shanghai, Fuzhou, and Guangzhou, among others. Overland trade was no longer limited by "the number of persons involved, the amount of goods imported, or the capital invested" [11, p. 31]. However, overland trade has become less significant due to the high costs of transportation.

Additionally, according to the agreement, Russia has offered military assistance in the form of weapons and training of Chinese troops and officers. For this purpose, a mission was sent to China led by N.P. Ignatiev, a Russian statesman. However, after the victory over the British and French at Dagu, the Chinese began to feel stronger and refused to help, and they began to think about revising the previously signed treaties. But not for long after the next

setback, Chinese officials began to seek help again in the form of Russian citizen N.P. Ignatiev. In other words, not only trade and border relations began to develop between Russia and China, but also military and political relations. And the development of comprehensive cooperation contributes, in particular, to the strengthening of trade and economic relations.

With the accession of Alexander III to power, Russian-Chinese relations received a fresh impetus in their development. Sergei Witte, the Minister of Foreign Affairs, was greatly interested in economic cooperation with China. It was thanks to his initiative that the Russian-Chinese bank was founded in 1895. And in 1896, an agreement was signed on the construction of the CER². These events had a significant impact on the economic and political cooperation between the two empires. It is noted that the CER disrupted the Kyakhta trade, but at the same time, it saved the overland route for the import and export of goods due to the speed of delivery between the western part of Russia and China. This contributed to the growth of Russian-Chinese trade.

According to the results of the study by B.A. Akhmadeeva and Gayazova I.R., «... in the last years of the Russian Empire, China became an important trading partner of Moscow: China accounted for 2,1% of Russian exports and 6.1% of imports. At the end of the 19th century Russia was one of the largest foreign investors in the economy of Northeast China, accounting for 30,3% of all foreign investments in that region» [3, p. 14].

Despite the strengthening and stabilisation of relations between Russia and China, there was a cooling period at the very end of the XIXth century and the beginning of the XXth century. In 1898, there were uprisings in China. The Western powers sent troops to put them down, with Russia's support. It was a double blow to China, as Russia is a reliable ally. As a result, anti-Russian feelings flared up and relations between the two countries became strained.

The Soviet period began with economic decline in Russia, due to the establishment of a new governmental system. Russia saw the newly established relations with China as a potential solution to the current situation. Negotiations began and in 1920 the Ili Agreement, that reflected the agreed-upon terms of trade between the parties, was signed. Despite China's interest in the Soviet market, the Chinese government was reluctant to actively cooperate and chose to wait for the recognition of the Soviet state by other countries. However, the poor economic situation in China has become the reason to meet Russia halfway. By 1924, trade turnover had increased by 34% compared to the pre-revolutionary period. China began exporting silk, tobacco, fur, and tea to Russia and importing industrial goods and petroleum products.

In the 1930s, relations between the two countries became even closer, as both Russia and China were interested in opposing Japan's aggressive military policy. In both 1937 and 1945, when Japan attacked China, the Soviet Union provided all possible support. This included loans to China, for which the Chinese government used to buy weapons and military equipment from the Soviet Union.

In 1949, China experienced significant internal political changes, transforming from an empire to the People's Republic of China. The Chairman of the People's Republic of China, Mao Zedong, and Joseph Stalin, the leader of the Soviet Union, shared similar political

² China-Eastern Railway

views. The Communist Party of the Soviet Union provided all possible assistance to the Chinese Communist Party, contributing to the development of China's scientific, technical, and professional potential. At the same time, Russia continued to provide military and technical assistance. China, in turn, exported textiles, light industrial products, and non-ferrous metals to the Soviet market. It was then that the foundation of the partnership was laid, when China saw Soviet Russia as a role model, a loyal and reliable partner in the fight against external enemies. Positioning Moscow as a key "friend", Mao Zedong emphasized: "It is essential for us to develop Sino-Soviet relations and strengthen our friendship. China needs to be built, and we need the comprehensive support of the Soviet Union" [10, p. 64]. In the 1950s, the Soviet Union provided significant financial assistance to China in the form of a loan of approximately 2 billion rubles. These funds were invested in the construction of over 250 businesses and other facilities, as well as the development of the aviation, automotive, and other industries.

In the second half of the 1950s, tensions between the countries began to rise again, as both ideological and economic differences emerged. After N. S. Khrushchev exposed the cult of Stalin, the Chinese government questioned the reliability of Soviet-Chinese relations. After all, undermining the reputation of Joseph Stalin meant undermining the authority of Mao Zedong and Chinese socialism as a whole. Since Nikita Sergeevich Khrushchev came to power, the approach to domestic policy and the international situation has changed significantly. The Soviet Union promoted peaceful and cooperative relations, while China created tensions and revolutionary sentiments, which it saw as the foundation for building socialism. Such disagreements led to misunderstandings and deterioration of relations over the course of nearly three decades.

Regarding the economic sphere of cooperation, in 1959, the USSR announced the termination of all agreements related to nuclear issues, as well as assistance and support issues. The extent of the deterioration in relations is reflected in the following statistics: "The volume of trade in 1962 was only about 5% of the 1959 level. By 1965, trade turnover had decreased by four times compared to 1960 and had dropped below the level of 1950. In 1966, the USSR accounted for only 7% of the total foreign trade turnover of the People's Republic of China (less than 300 million rubles), whereas in 1959 the share of the Soviet Union was approximately 50% [1, p. 245].

Deep-seated resentments and a lack of willingness to move closer have resulted in acute border issues. In the spring of 1969, there were disputes over the ownership of Damansky Island, where bloody clashes between the Soviet Union and China took place. At that time, China's foreign policy direction underwent a dramatic change – now China was moving towards the United States and even Japan.

The first steps towards improving Soviet-Chinese relations were made only in 1979, and significant improvements were seen only after the end of the perestroika period in the Soviet Union. In 1989, Mikhail Gorbachev paid an official visit to China, during which the heads of state discussed the future direction of cooperation between the two countries. Russia was admitted as an equal partner again in 1991 after the collapse of the USSR, when China recognized Russia as the legitimate successor of the Soviet Union. It was then that a modern stage in Russian-Chinese relations began.

Today, Russian-Chinese relations are based on a modern model that is based on the principles of "strategic cooperation" and "partnership". These principles were first

introduced by President of the Russian Federation Boris Yeltsin in a personal letter to President of the People's Republic of China Jiang Zemin. In 2010, the relationship between Russia and China started to be described as "comprehensive strategic partnership". In 2012, some statements began to include words like "equal" and "trusting" [14, p. 22].

Conclusion

Therefore, a retrospective analysis of Russian-Chinese trade and economic relations was conducted. Historical facts really confirm the complex nature of Russian-Chinese relations. In retrospect, it is possible to highlight the problems of trade and economic relations that exist to this day. These include the problem of transportation due to the remoteness of Central Russia from China, the dependence of trade on the internal state of states and other external factors. However, it is worth noting that after each period of tension in trade and economic relations between Russia and China, both states sought to find a compromise and come to the harmonization of relations. The following stages of trade and economic relations between the countries can be distinguished: pre-revolutionary, Soviet period and the modern stage. Historically, Russian-Chinese trade and economic cooperation was built on the principles of friendship and mutual understanding, which gives grounds to talk about the possibility of further positive trends in this direction.

REFERENCES

1. Rossiya i Kitaj: chetyre veka vzaimodejstviya. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossijsko-kitajskih otnoshenij [Russia and China: Four Centuries of Interaction. History, Current State and Prospects of Development of Russian-Chinese Relations]. Pod red. A.V. Lukina. Moskva: Ves mir, 2013. 701 p. (In Russian).
2. Vasilyeva N.I. Strategic Partnership of the Russian Federation and the People's Republic of China: Legal and Economic Aspects of Interaction. *Journal Bulletin of Moscow University. Series 27. "Global Studies and Geopolitics"*. 2019. No. 4. P. 41–54. (In Russian).
3. Akhmadeev B.A. Gayazov, I.R. Relations Between Russia and China: Historical Heritage and Prospects of Development. *Herald of Omsk University. Series: "Economics"*. 2017. No. 1 (57). P. 13–22. (In Russian).
4. Moldovan A.A., Istoriya razvitiya rossijsko-kitajskogo torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva. [The History of the Development of Russian-Chinese Trade and Economic Cooperation]. *E-SCIO*. 2021. No. 8 (59). Available at <https://elibrary.ru/item.asp?id=46569016> (accessed: 30.03.2025). (In Russian).
5. Paramonov V., Strokov A., Rossijsko-kitajskie otnosheniya: istoricheskoe nasledie. [Russian-Chinese Relations: Historical Legacy]. 06.07.2012. *Tsentrlnaya Yevraziya – politika [Central Eurasia – Politics]*. Available at <http://www.ceasia.ru/politika/607-2012-07-06.html> (accessed: 30.03.2025). (In Russian).
6. Popova I.F. Trade in Russia and China through the Kyakhta and Maymaychen. *MONGOLICA*. 2013. Vol. 11. P. 28–36. (In Russian).
7. Sankovets A.A., Xu Li. Istoriya rossijsko-kitajskih ekonomicheskikh otnoshenij: dorevolucionnyj i sovetiskij period. [The History of Russian-Chinese Economic Relations in the Pre-Revolutionary and Soviet Periods]. *Globus: ekonomika i yurisprudentsiya [Globe: Economy and Law]*. 2019. No. 4 (34). P. 11–13 (In Russian).
8. Sladkovsky M.I., Istoriya torgovo-ekonomicheskikh otnoshenij SSSR s Kitaem (1917–1974). [The History of Trade and Economic Relations between the Soviet Union and China from 1917 to 1974]. M.I. Sladkovskij; AN SSSR. In-t Dal'nego Vostoka. Moskva: Nauka, 1977. 368 p. (In Russian).
9. Wang Xiaoqi. The Impact of Chaktu Trade on the Economy of China and Russia. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2020. No. 6 (74). P. 145–147. (In Russian). <https://doi.org/10.24158/fik.2020.6.27>.

10. Liu Xiao 刘晓 Chu shi sulian 出使苏联 [8 years as Ambassador to the Soviet Union]. Chjun gun danshi czilyao chubanshe «世界知识» [Publishing House of Materials on the History of the Communist Party of China]. 1986. P. 63-65. (In Chinese).
11. Russko-kitajskie dogovorno-pravovye akty (1689–1916): sbornik [Russian-Chinese Contractual Legal Acts (Collection)]. Pod obshch. red. akad. V.S. Myasnikova; [Sost. I.T. Moroz, V.S. Myasnikov]. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli [Monuments of Historical Thought]. 2004. 694 p. (In Russian).
12. Cui Long. The History of Chinese–Russian Relations’ Development Since 1990s. *Russia in the Global World*. 2022. No. 24 (47): 104–114. (In Russian). <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.24.7>.
13. Wanner, M. First Russian-Chinese Diplomatic Relations and Business Relationship 1689–1728. *Prague Papers on the History of International Relations*. Charles University in Prague. 2013. Available at https://www.academia.edu/43255821/First_Russian_Chinese_Diplomatic_Relations_and_Business_Relationship_1689_1728 (accessed: 31.03.2025).
14. Muratshina K.G. 20 let partnerstva Rossii i Kitaya: rezul'taty i uroki [20 Years of Partnership Between Russia and China: Results and Lessons]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta [Publishing House of the Ural University], 2016. 248 p. (In Russian).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А. В. Лукина. Москва: Весь мир, 2013. 704 с.
2. Васильева Н.И. Стратегическое партнерство Российской Федерации и Китайской Народной Республики: правовые и экономические аспекты взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 27. «Глобалистика и геополитика». 2019. № 4. С. 41–54.
3. Ахмадеев Б.А., Гаязов И.Р. Взаимоотношения России и Китая: историческое наследие и перспективы развития // Вестник Омского университета. Серия: «Экономика». 2017. № 1 (57). С. 13–22.
4. Молдован А.А. История развития российско-китайского торгово-экономического сотрудничества // Е-SCIO. 2021. № 8 (59). С. 13–19. [эл. доступ]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46569016> (дата обращения: 30.03.2025).
5. Парамонов В., Строков А. Российско-китайские отношения: историческое наследие. 06.07.2012 // Центральная Евразия – политика. [эл. доступ]. URL: <http://www.ceasia.ru/politika/607-2012-07-06.html> (дата обращения: 30.03.2025).
6. Попова И.Ф. Торговля России и Китая через Кяхту и Маймайчен // MONGOLICA. 2013. Т. 11. С. 28–36.
7. Санковец А.А., Сюй Ли. История российско-китайских экономических отношений: дореволюционный и советский период // Globus: экономика и юриспруденция. 2019. № 4 (34). С. 11–13.
8. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974) / М.И. Сладковский; АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. Москва: Наука, 1977. 368 с.
9. Ван Сяоци. Влияние Кяхтинской торговли на экономику Китая и России // Общество: философия, история, культура. 2020. № 6 (74). С. 145–147. <https://doi.org/10.24158/fik.2020.6.27>.
10. Лю Сяо 刘晓 Чу ши Сулянь ба нянь 出使苏联八年 [8 лет на посту посла в СССР], Чжун гун данши цзыляо чубаньшэ 中共党史资料出版社 [Издательство материалов по истории КПК]. 1986. С. 63–65.
11. Русско-китайские договорно-правовые акты. (1689–1916): [Сб.] / Под общ. ред. akad. В.С. Мясникова; [Сост. И.Т. Мороз, В.С. Мясников]. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 694 с.
12. Цуй Лун. История развития китайско-российских отношений с 1990-х гг. // Россия в глобальном мире. 2022. № 24(47). С. 104–114. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.24.7>.
13. Wanner, M. First Russian-Chinese Diplomatic Relations and Business Relationship 1689–1728 // *Prague Papers on the History of International Relations*. Charles University in Prague. 2013. [эл.

доступ]. URL: https://www.academia.edu/43255821/First_Russian_Chinese_Diplomatic_Relations_and_Business_Relationship_1689_1728 (дата обращения: 31.03.2025).

14. Муратшина К.Г. 20 лет партнерства России и Китая: результаты и уроки. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2016. 248 с.

Сведения об авторах / Information about authors

Bakhturidze Zeynab Z. – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Acting Director of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: bahtur_zz@spbstu.ru

ORCID: 0000-0001-7280-6466

Kojirova Svetlana B. – Doctor of Political Sciences, Professor Senior Researcher Chief Scientist, Institute of Oriental Studies by R.B. Suleimenova, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

E-mail: s.kozhirova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7545-6676

Shurunova Eugenia V. – Graduate of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: eshurunova@mail.ru

The authors confirm that there is no conflict of interest.

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна – доктор политических наук, доцент, и.о. директора высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: bahtur_zz@spbstu.ru

ORCID: 0000-0001-7280-6466

Кожирова Светлана Басиевна – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник; Институт востоковедения ИМ. Р.Б. Сулейменова Министерства образования и науки Республики Казахстан.

E-mail: s.kozhirova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7545-6676

Шурунова Евгения Валерьевна – выпускница высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: eshurunova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.04.2025.
Одобрена после рецензирования 29.04.2025.
Принята 29.04.2025.

Received 14.04.2025.
Approved after reviewing 29.04.2025.
Accepted 29.04.2025.

research article / научная статья

УДК: 32 (327)

EDN: [JUVLCN](#)

DOI: 10.48612/RG/RGW.28.2.2

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

This work is licensed under [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](#)
Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](#)

Caspian Sea's Geopolitical Position. Collaboration and Competition

Asadov Murad

Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

 muradasadov@bsu.edu.az

Abstract

Introduction. Since the collapse of the USSR, geopolitical games around the Caspian Sea basin have further intensified interest in the region. Despite periodic brief lulls in the rivalry between the world's superpowers over this territory, tensions have always been present. Strategic cooperation has been made possible by the ongoing geopolitical games over the legal status of the Caspian Sea. As a result, the governments of the Caspian littoral states are increasing their efforts to reach a consensus on the legal status of the Caspian Sea, due to the global growth in demand for energy resources. The aim of the study is to characterize the position of dominance and use of energy resources of the Caspian Sea as the most important elements of geopolitical struggle.

Materials and Methods. International official documents, positions of state leaders, current events have been analyzed. The methodological basis of the research was the study of regional dynamics, considering shifts in foreign policy and the involvement of actors from outside the region. The article also identifies the main principles of multilateral participation of regional governments as well as their priority in decision-making on the main directions of the region's development and issues related to the legal status of the Caspian Sea.

Results. The launch of new infrastructure projects and the development of international platforms for interaction have led to the emergence of new trends with marked differences in recent years, which has shown the dynamics of the processes taking place in the Caspian Sea region. Issues, related to gas and oil transport routes have been the main manifestation of the competition between Russia and the West for the region's energy resources. It is obvious that the states of the Caspian basin and the South Caucasus are developing the foreign security policy.

Conclusion. The independence of new states after the collapse of the Soviet Union led to a reassessment of the legal status of the Caspian Sea. This raised the question of how to use the Caspian Sea to define the borders of the littoral states. Having studied all the different points of view and approaches to resolving this issue, it can be concluded that since the Caspian Sea is an international lake, its legal system should be based on the idea of its division into national segments.

Keywords: Russia; Azerbaijan; Caspian Basin; Energy Politics; Geopolitics; International Law

For citation: Asadov, M. Caspian Sea's Geopolitical Position. Collaboration and Competition. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 2. P. 18–34. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.2

© Asadov, M., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Геополитическое положение Каспийского моря. Сотрудничество и конкуренция

Асадов М.

Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан
 muradasadov@bsu.edu.az

Аннотация

Введение. После распада СССР геополитические игры вокруг бассейна Каспийского моря еще больше усилили интерес к региону. Несмотря на периодические кратковременные затишья в конкуренции между мировыми сверхдержавами за эту территорию, напряженность всегда присутствовала. Стратегическое сотрудничество стало возможным благодаря продолжающимся геополитическим играм вокруг правового статуса Каспия. В результате правительства прикаспийских стран наращивают свои усилия по достижению консенсуса по правовому статусу Каспийского моря в связи с глобальным ростом спроса на энергоресурсы. Цель исследования – характеристика позиции доминирования и использования энергетических ресурсов Каспийского моря как важнейших элементов геополитической борьбы.

Материалы и методы. Проанализированы международные официальные документы, позиции лидеров государств, текущие события. Методологической основой исследования стало изучение региональной динамики с учетом сдвигов во внешней политике и вовлеченности акторов из-за пределов региона. В статье также определены основные принципы многостороннего участия региональных правительств, а также их приоритет в принятии решений по основным направлениям развития региона и вопросам, связанным с правовым статусом Каспийского моря.

Результаты. Запуск новых инфраструктурных проектов и разработка международных платформ для взаимодействия привели к появлению в последние годы новых тенденций с заметными различиями, что показало динамику процессов, происходящих в регионе Каспийского моря. Вопросы, связанные с маршрутами транспортировки газа и нефти, были главным проявлением конкуренции между Россией и Западом за энергетические ресурсы региона. Очевидно, что государства Каспийского бассейна и Южного Кавказа разрабатывают свою внешнюю политику безопасности.

Заключение. Независимость новых государств после распада Советского Союза привела к переоценке правового статуса Каспийского моря. Это подняло вопрос о том, как использовать Каспийское море для определения границ прибрежных государств. Изучив все различные точки зрения и подходы к решению этого вопроса, можно сделать вывод о том, что, поскольку Каспийское море является международным озером, его правовая система должна основываться на идее его разделения на национальные сегменты.

Ключевые слова: Россия; Азербайджан; Каспийский бассейн; энергетическая политика; геополитика; международное право

Для цитирования: Асадов М. Геополитическое положение Каспийского моря. Сотрудничество и конкуренция // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 2. С. 18–34. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.2

© Асадов М., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction

Kipling R. wrote his novel “Kim” based on his XIX century imagination and a series of anecdotes. Today’s literature borrowed its central term from Kipling. The concept of the New Great Game [1; 2; 3; 4] has been structured and explained differently by different

scholars at different times. However, the relevant literature does not recognize the fundamental difference between the nineteenth century state-centric system and the modern system of the twenty-first century. Many of the analyses that use this concept do so without any qualification or reservation. In the following, I focus on the persistent shortcomings that are characteristic of the studies discussed [4; 5; 6; 7]. The Caspian Sea, which lies in the middle of Eurasia, is an isolated water basin with no natural connections to other seas or oceans but for networks of rivers and canals. Currently, canals built to the branches of the Volga and Don Rivers link the Caspian Sea, which borders the Russian Federation, Iran, Azerbaijan, Kazakhstan, and Turkmenistan, to the Black Sea and the Baltic Sea [8; 9; 10]. The Caspian Sea, which has garnered prominence owing to the oil wells near Baku, is not only a significant waterway for ancient trade but has also been known “by other historical names, including Caspium, Acem, Bab el-Ebvab, Cil, Deylem, Curyan, Baku, and Tabaristan Sea” [10, p. 281]. The Caspian Basin is more than 371,000 square kilometers in size, 1,200 kilometers long from north to south, and 320 kilometers wide on average. “Kazakhstan has a coastline of 2,320 kilometers on the Caspian Sea, followed by 1,200 kilometers in Turkmenistan, 955 kilometers in Azerbaijan, 724 kilometers in Iran, and 695 kilometers in Russia” [1, p. 256].

The Caspian, the world’s largest closed water basin that is not directly connected to the oceans, is suitable for oil and natural gas resources as well as the sturgeon fish, which has a high economic return. In addition to its geographical importance, the rich hydrocarbon resources of the Caspian Basin have further increased the strategic value of the region since the 20th century. Today, “there is a geopolitical and geoeconomic struggle between regional and global powers that want to be effective in the hydrocarbon resources in the Caspian and in the transportation of these resources to international markets” [8, p. 402].

The Caspian Sea's advantageous position and subterranean riches have long served as the primary driving forces behind the conflict for the area. Maintaining control over the oil and natural gas resources in the Caspian Sea and expanding its influence in the former Soviet states was one of Moscow's top goals, particularly following the fall of the Soviet Union in 1991. With the help of strong oil corporations and brand-new pipeline projects, the United States and the European Union (EU) sought to neutralize Moscow's energy position during this process. As China's economy grows and its energy demands rise steadily, the Caspian area and its governments have emerged as a significant alternative for the China’s government [9, p. 136–137]. Four options for Central Asian governments without ocean or marine links to open up to the outside world arose in the post-Cold War era. First, from the north of the Caspian Sea, they were to reach Europe and the Atlantic via Russia; second, from the south of the Caspian Sea, to the Pacific via China; third, from the south via Afghanistan, to the Indian Ocean via India or Pakistan; and fourth, from the south of the Caspian Sea, to the Mediterranean via Turkey or Iran. Comparing these routes reveals that in the 1990s, Turkey, Russia, and Iran engaged in a major race to open up to the West via the Caspian Sea [7, p. 182].

Zbigniew Brzezinski also argued that the energy struggle in the Caspian Sea was not only an economic problem but also a geopolitical one. The famous geopolitician stated that if the pipelines continued to pass through Russia and exit from the Black Sea, Moscow would maintain its strong influence in the region without making any significant moves. In contrast, the transportation of energy resources in the Caspian Sea to Turkey via Azerbaijan

and then to Europe was seen as an important project that could break Russia's energy monopoly.⁶ For this reason, many large Western companies made investments in the region in the early 1990s and tried to put a plan in motion in this direction. Azerbaijan, which is close to Turkey both politically and geographically, has been the country that has taken the most serious steps in cooperating with the West. In parallel with these developments, Azerbaijan rejected Russia's request for a military base and opposed Russia's request for a project that would reach a Black Sea port instead of a pipeline from Georgia to Turkey [6, p. 195–196].

As M. Bilgin says that: “The appeal of Western investments in coastal states like as Azerbaijan, Kazakhstan, and Turkmenistan is growing. Because Russia is not currently involved in particular energy projects in the region. This is prompting the aforementioned states to distance themselves from Moscow” [5, p. 161]. In our opinion, Russia should take immediate action to avoid this. On the other side, Russia and Iran believed they would incur significant economic losses and lose their political and economic sway over these three fledgling Turkic republics if they processed and shared their oil resources with ease. In fact, a number of Russian elites have long maintained that it would be better not to exploit the region's resources if Moscow did not have complete control over the Caspian Sea. In a way, it was better not to find the treasure than to have economies in the area dominated by foreign money. Currently, Russia's most crucial strength in comparison to Western nations is its abundance of energy resources, which gives Moscow an edge. Because Russia is the second-largest producer of natural gas and oil in the world, after the United States of America. Greece, Austria, and Hungary are 60% dependent on Russian gas, while Latvia, Slovakia, Finland, and Estonia are 100% dependent; Czechia, Bulgaria, and Lithuania are 80% dependent. The impact of Russia on Europe's energy requirements is evident in the international ties between the European Union and Russia. The Caspian Basin has gained prominence in this context during the 1990s, despite the fact that Europe's reliance on Russia for oil has given rise to new initiatives [12; 13; 14; 15; 16; 17].

The creation of the Caspian Sea's new international legal status was the most pressing matter. The resolution of this problem became the main focus of the Caspian area governments' energy strategy, as it was more important to the region's future growth. The primary economic concerns surrounding the execution of projects intended to establish international transportation routes, advance shipping, and build coastal infrastructure were a significant aspect of multilateral cooperation.

The Goal and Methods

The goal of this research is to evaluate the status of energy resource reserves and production in the Caspian Basin, their geo-economic and geopolitical significance in the global energy market, the orientation of regional and global powers toward the region, and the importance of energy resources in reaching the region's markets for Russia and Azerbaijan's energy security. For this case study, a thorough literature research was undertaken, and the findings were evaluated descriptively utilizing qualitative methodologies. Because of Russia and Azerbaijan's fortunate geographical position in the Caspian Basin, they have a significant impact on transit communications between the sea basins. The Caspian Basin, on the other hand, suffers greatly from a lack of access to the sea. Azerbaijan and other countries in the region will gain more political and economic strength

as they become more aware of their disadvantage as a result of Russia's powerful and strategically positioned position. Because Russia is the most effective, vital, and indispensable country in exporting the region's abundant energy resources to Western nations.

Thus, both theoretical studies and the international legal framework governing the developing situation in the Caspian Sea lag behind the constantly evolving and changing reality, necessitating additional regulation and indicating that this aspect of international law is not sufficiently developed theoretically.

Materials and Results

The Question of the Caspian Sea's Legal Status

Up until 1991, Russia and Iran shared the Caspian Sea, which is regarded as the world's biggest lake geographically. Following the fall of the Soviet Union, Turkmenistan, Azerbaijan, and Kazakhstan became independent, and the Caspian region's political landscape underwent significant shift. Since then, there are now five states that border the Caspian Sea instead of just the two, and there are more people debating the region's legal status. Rich in energy riches, the legal status of the Caspian Sea has unavoidably become a major point of contention between surrounding governments. Resource exploitation in the region has also long been hampered by disputes over the boundaries of the nation's surrounding the Caspian Sea [2, p. 47].

The first major question about the Caspian's classification is whether it should be considered a sea or a lake because it is an isolated body of water with no connections to the oceans. All five riparian governments put up various recommendations and occasionally modified their own views along the process, as each naturally sought to ascertain a position that would best suit its own political and economic interests. The talks could not produce a conclusion for a long time because the topic of whether the Caspian is a sea or a lake and the agreement reached on this matter would have distinct consequences for each state. Russia now maintained that the United Nations (UN) Convention on the Law of the Sea could not be enforced in the Caspian because it was not a sea. For many years, Moscow has advocated for a unique status based on cooperative management in the Caspian, referring to it as a "closed water basin.". Preventing the area from obtaining an international status and the influence of non-regional players in the Caspian are the primary goals of the Russian administration in this regard [1, p. 272].

The Iranian government, which has long profited from the Caspian Sea's resources alongside Russia, has likewise backed the thesis of the Caspian Sea's shared usage and maintained opinions about the region's status that are strikingly similar to the Moscow administration's theses. Periodic political events have caused them to periodically dispute over the Caspian Sea, although both sides have quickly moved over these differences. Because Moscow and Tehran have become closer due to geopolitical realities rather than commercial objectives in the Caucasus and the Caspian Sea. Tehran has not stopped trying to obstruct efforts in this direction under various pretexts since it finds the strategic links that Azerbaijan, Turkmenistan, and Kazakhstan would develop with the West through Turkey difficult in terms of its own interests. Because of this, it has also voiced strong opposition to significant initiatives like the Baku-Tbilisi-Ceyhan Oil Pipeline, which uses Georgia to transport Azeri oil to Turkey's Mediterranean ports [1, p. 277–278].

Another country bordering the Caspian Sea is Azerbaijan, which calls the sea a "border lake" and has demanded that its seas and underwater areas be divided in accordance with each country's own zone of sovereignty for all mining, including oil. The Baku government is vehemently opposed to Moscow's plan for shared usage, arguing that it is not customary. Stated differently, Azerbaijan views the division of the Caspian Sea into areas under state sovereignty as more important than the sea or lake status of the region. In fact, Baku – the entity that first put up the concept of a "border lake" – has declared that the Caspian Sea may receive maritime status and may ratify the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea. Azerbaijan's primary objective is for every coastal state to have the autonomy to govern its own territory [11; 13; 14; 15; 16; 17]. But Kazakhstan, claimed that the Caspian should be governed by the terms of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea and described the region as an "internal sea." Despite this, the primary objective of the Nur Sultan administration has been the acceptance of sovereign powers over its own coastlines, not legal status. With a few exceptions, the ideologies of Kazakhstan and Azerbaijan are comparable in this regard [17, p. 7].

Turkmenistan's position on the Caspian Sea has been hazy for a while and has changed during the process, as is the case with many international issues. Turkmenistan said that the accords of 1921 and 1940 could be put into effect until a new status was decided, despite the country being closer to Moscow and Tehran's theses until February 1997 in particular. During this period, Turkmenistan – which in particular claimed rights to several Azerbaijani oil fields – had major disagreements with Baku and grew more in line with Iran's theses. Nonetheless, Kazakhstan and Turkey's efforts at the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE) Istanbul Summit in November 1999 were able to resolve the issues between Baku and Ashgabat. Following the conference, Turkmenistan started working with Kazakhstan and Azerbaijan on the Caspian Sea's status [20, p. 620].

In reality, for years, Iran and Russia – two of the three riparian nations with the fewest borders to the Caspian Sea – have promoted the concept of dividing up the five nations' portion of the region's resources equally so that they may reap the most benefits. In reality, this reasonable-seeming plan calls for pooling Azerbaijan's, Kazakhstan's, and Turkmenistan's subterranean resources. Because of this, even if these three nations disagreed with the thesis at hand, their arguments kept the Caspian Sea's riches from being used to their maximum potential for a long time. Tensions between the two countries have periodically risen as a result of this circumstance. Specifically, the Central Asian republics declared during their 1991 process of independence that they would uphold all agreements signed by the Soviet Union, such as the 1940 and 1921 accords and the Almaty Declaration signed by the Caspian littoral nations.

But over time, Baku and Ashgabat questioned the legality of the Soviet Union-Iran accords, claiming that the 1940 and 1921 agreements were vague on the exploitation of seabed resources. These governments contend that the in issue accords gave Iran and Russia substantial advantages while failing to safeguard their own interests. They thus called for the UN Convention on the Law of the Sea to be ratified and the Caspian to be divided into national zones.

But it's also important to keep in mind that the majority of Russia's reserves are located on the shelf of the Barents and Karelian Seas, not in these two regions. How transportation

will be done in the Caspian Sea is another area of contention. Iran, Russia, Oman, and India inked a deal on September 12, 2000, to begin building the North-South Transportation Corridor. Within this scope, a transportation network is intended to run from the Indian Ocean to Iran's Bandar Abbas Port and, via Russia and the Caspian Sea in the north, to European nations. The goal of this kind of strategy is to make sure that the economic corridor moves geopolitically from the south to the north [14].

Another significant project is the Middle Corridor, which Ankara has once again placed to the Turkic Council's agenda. This project begins in Turkey and travels by rail and road connections to Georgia and Azerbaijan, reaching the Caspian Sea. From there, it travels to China via the Turkmenistan, Uzbekistan, Kazakhstan, or Kyrgyzstan route. The ports of Baku/Alat, Aktau/Kuryk, and Turkmenbashi are utilized in this framework for various modes of transit throughout the Caspian Sea. The transport ministers of the Turkic Council nations signed a Joint collaboration Protocol to facilitate collaboration within the framework of the Middle Corridor. In addition, it is observed that the east-west corridor is functioning better in terms of trade and transport lines. The moves of Turkey and China are especially important at this point.

The Russian authorities acknowledge the significant rise in influence from the US and Turkey, and that these nations now pose a danger to Russian interests in the Caspian. In addition to wanting Western investments and technology, several of the littoral governments also want a Western presence to balance out any possible Russian meddling. Curiously, though, it doesn't seem like Russia is pursuing a single, cohesive strategy in this area. Generalizing, however, it is possible to identify several overarching objectives that appear to support the positions of all the ministries:

- first, secure a friendly buffer zone to ensure Russia's security and geopolitical interests;
- secondly, ethnic tensions in the region may have an impact on Russia. Therefore, Russia is obliged to ensure stability in the region.
- third, maximize the economic benefits from Azerbaijan's substantial oil and gas deposits if possible;
- fourth, dismantle US power in the region; fifth, weaken the re-emergence of OPEC;
- finally, strengthen ties with Iran and join the Caspian via a pipeline with the Persian Gulf. The policies and actions of former CIS economic supporter, Boris Berezovskiy, have further reinforced these objectives. Berezovsky has tried to support Russian interests in the region.

Using local conflicts to their advantage, penetrating the littoral states from the inside (using the Russian private firm Lukoil or another firm to negotiate favorable agreements with a littoral that the Russian government cannot achieve), treating the Caspian Sea area as a zone of Russian interest or influence (in the psychological or ideological sense), and creating legal and other barriers to prevent new competitors from participating in foreign investments in the Caspian region are some possible strategies to achieve these goals. Russia may, for instance, try to obstruct any pipeline that connects Azerbaijan to Kazakhstan, Turkmenistan, or Baku-Ceyhan (Turkey).

The Volga-Don canal's effective blockage would be another barrier. This system connects the Caspian and Black Seas in low flow during the winter and leads into the

internal European waterway network. For huge offshore drilling rigs and other Caspian support equipment, this is basically the sole point of entry. We believe that if Russia does not rapidly handle some of the issues in the Caspian area, it will cause political challenges for the region's republics. The Volga-Don canal was closed to ships flying the flag of Azerbaijan by the Russian government during the conflict with Chechnya that lasted from 1995 to 1996. Due to the unresolved situation in the Caspian, Russia has now restricted transit to Azeri boats. Regarding the "question of maintaining joint use of the Caspian Sea's water surface and water mass for purposes of ensuring freedom of navigation and compliance with uniform standards of fishing and environmental protection," Russia has made it clear that it is prepared to sign papers with Azerbaijan [10, p. 5].

Russia needs to be able to get into the subterranean gas and oil reserves in order to have any influence in the area. It has never been easy to remove these minerals from the Caspian Sea region. Three often mentioned Russian explanations highlight the challenges associated with producing oil from the Caspian. Initially, there are issues with the oil's quality. Its high sulfur content reportedly "requires additional financing for expensive corrosion-resistant pipes for transport" [15].

The Caspian Sea is a confined body of water situated at a considerable distance from the areas where it is consumed. Long transportation distances have an impact on the oil's ultimate cost. An average of \$2 to \$5 is needed to pump one ton of Persian Gulf oil, \$10 for North Sea oil, and \$17 for Azerbaijani oil. Oil extraction from Siberia costs between \$35 and \$45 per metric ton. Russia is understandably concerned about the loss of cash profits if both are exporting to the same markets, given the Caspian markets are twice as inexpensive as the Siberian markets. Last but not least, the Caspian Sea is situated in a region plagued by extreme weather and climate, where some of the worst storms on the continent happen. The Russians say that the difficulty of extracting minerals from this location is second only to Siberia [13, p. 16].

According to Russia, the preferred route of the Caspian Pipeline Consortium seems to be headed toward execution. Russia accepts this for a variety of reasons. To encourage members to use the route, all CPC members have first committed to pay Russian transit costs, regardless of whether oil is supplied. Second, during the first operation of the route, Russia is authorized to send eight million tons of oil a year (of a total capacity of 28 million tons) through the pipeline, and if they lack enough Kazakh crude, they can replace oil produced in Russia.

Lastly, Russian businesses own 44% of CPC, guaranteeing a substantial financial return on their investment. Operating at maximum capacity should result in the annual pumping of about 20 million tons of oil (out of a total capacity of 67 million tons) to the port of Novorossiysk in Russia. Investor confidence in the project should be bolstered by the fact that the current component of the CPC pipeline, which will feed into new construction, is only 10 years old. Russia's inability to influence the international game taking place around the Caspian Sea has led to a decrease in the need for littoral states to distance themselves from the Kremlin, as it increases the likelihood of instability in the region.

The Baku-Ceyhan corridor is the second pipeline alternative that keeps proving to be resilient. The US Ambassador to the Caspian Sea, Richard Morningstar, stated in late December 1998 that although the pipeline would be constructed, it is unclear when – 2002,

2004 or 2006 – it will be done. Determining the availability of oil alone, as well as the economic incentives and even the building subsidies provided by the transit governments of the pipeline, required a considerable amount of time. Finally, in November 1999, an intergovernmental agreement was concluded by Turkey and Azerbaijan to promote the Baku–Tbilisi–Ceyhan line. Now, those states need to come to a consensus with Georgia. Additionally, negotiations are underway between Kazakhstan and Turkmenistan to let oil to traverse the Caspian Sea and enter the Baku-Ceyhan pipeline.

Russia has experimented with a number of methods to manage competition. Russia has effectively employed economic cooperation as a tactic. For instance, Russia's willingness to participate in the commercial exploitation of offshore Azerbaijan resources was shown by Lukoil's admission into the AIOC. Russia is a crucial CPC partner, providing labor, communications infrastructure, and an existing pipeline to the projected 1500-kilometer pipeline that would run from Tengiz to Novorossiysk on the Black Sea.

In order to accomplish her goals, Russia has also used coercive measures inside the area. Russia has been slow to get transit licenses for the CPC, giving in to calls for increased regional pipeline tolls and attempting to transfer these expenses to the consortium. Furthermore, Russia is still in competition with other routes out of Baku for the offshore oil resources of Azerbaijan, while also managing the instability concerns in Georgia/Abkhazia, Nagorno-Karabakh, and Chechnya. Depending on the effect on Russian economic goals and political hegemony, each calls for a distinct strategy. For Russia, the Caspian Sea area presents the government a unique task. This assessment is supported by others. For instance, the Caspian Sea is a major geopolitical issue rather than an economic, geological, or engineering one, according to US former Secretary of State James Baker.

Some Russian analysts believe that workable options to meet the challenges presented above include:

➤ Guarantee the region's energy resources' access to the global market by pressing for the Tengiz-Novorossiysk CPC major pipeline's development, accelerating the building of a pipeline that avoids Chechnya, and rejecting the Baku-Ceyhan proposals for Caspian energy access. Use every tool at your disposal to cut off the Turkish route, including diplomatic maneuvers, political and economic pressure on neighbors, increased psychological and informational influence on ethnic Russians outside of Russia, support for national liberation movements in the Trans Caucasus and the near East, and the closure of the Volga-Don waterway system. Take advantage of long-standing and unavoidable animosities between some western participants in the Caspian Pipeline Consortium, which give the Russian Federation a wide range of maneuvering opportunities.

➤ Address and resolve international political issues: Russia needs to create a cohesive plan for its many ministries of power and infrastructures with large corporations; back pro-Russian organizations and groups in the Commonwealth of Independent States (CIS); back the "enemies of our enemies" in the Near and Middle East and South Asia; form an alliance or relationship with China, Iran, India, and Iraq to balance out Western organizations; and redirect efforts toward CIS integration (as of yet, excluding Azerbaijan).

➤ Redefine the key geostrategic elements of Russian national security as follows: set limits on what Russia will allow or will not allow on its southern borders and give this area more attention; create a system to counter threats and devise a system to gauge the level of

risk posed by the south; and incorporate the country's "southern policy" into its national security doctrine.

Thus, the analysis indicates that it is untenable for Russia to initiate a new confrontation in the Caspian area and the South Caucasus. Because any new crisis in the area would reduce power there, with political and economic consequences for Moscow. This is especially crucial because initial expenditures made in oil extraction processes won't pay off for 35–40 years. Long-term strategy and stability thus remain essential components. Without them, Russian influence in the region may fall too far behind to be of any concern to the other littoral states in the coming years.

Discussion

New status: the deal of the century?

Disagreements in the area are also fueled by political considerations. The many political systems of the Caspian region define them. Every nation has unique features, despite a general trend toward authoritarianism becoming stronger. For instance, Azerbaijan is an Islamic state but a secular one, whereas Iran is an Islamic state where the statehood is granted to the spiritual authority. In the event that the Caspian Sea is not ultimately divided, the competition for hydrocarbon resources at the regional level will drive coastal governments to develop their naval capabilities. Outside partners are willing to assist with this. The US specifically collaborates with Kazakhstan and Turkmenistan. Turkey and Azerbaijan have good relations. The issue is made worse by the engagement of two major regional countries, Iran and Turkey, who are on opposing sides of the conflict with the United States, in the military domain (selling of military equipment, training of military personnel, etc.).

Their strategic partner in NATO is the second, and their strategic enemy is the first. The pursuit of hegemony by both nations in the Caspian Sea region only serves to exacerbate the conflict rather than find a solution, posing hazards and difficulties to the already precarious regional security framework. After 25 years of discussions, there was an agreement reached during the 5th Summit of the Heads of State of the Caspian Countries, which took place in Aktau, Kazakhstan on June 12, 2018. These discussions were attended by Turkmen President Gurbanguly Berdimuhamedov, Iranian President Hassan Rouhani, Russian President Vladimir Putin, and then-Kazakh President Nursultan Nazarbayev. During the summit, which covered potential areas of cooperation in the Caspian Basin's economics, transportation, security, and environment, the five governments came to an agreement on the document that essentially establishes the Caspian's legal position. Protocols for collaboration in areas including border security, organized crime, and terrorism prevention, as well as averting conflicts in the Caspian, were also inked [3, p. 19].

In regards to the region, a new process has been sparked by the decline of global order and international relations. In fact, all coastal states came to an agreement in August 2018 after making concessions on their own positions. The increase in interventions, especially in crisis regions, and the expansion of confusion in the global system have been effective in the will of regional nations to settle their problems among themselves [12]. According to the agreement, the Caspian Sea will be accorded a special status and the depth of the water will be established based on the lake concept, not adopting the 1982 UN Convention on the Law

of the Sea. With an estimated 50 billion barrels of oil and 8.4 trillion cubic meters of natural gas reserves, a new process has now begun in the energy sea [17; 19].

The agreement agreed says that the Caspian Sea's surface would be shared among the coastal governments in accordance with international law, while the bottom and resource-rich areas will be split among them. The Caspian Sea will henceforth be regarded as neither a lake nor a sea. The necessary work will be completed in accordance with the pipeline installation, with consideration given to ecological considerations. The seabed borders have not yet been discussed, but whereas a multilateral agreement was previously necessary, the fact that bilateral agreements would be implemented with the agreement obtained is a very major advance. Security is one of the main outcomes of the Agreement on the Legal Status of the Caspian Sea. It is forbidden for foreign armed forces to be present in the Caspian Sea, with the exception of the five coastline nations. Particularly on the request of Moscow and Tehran, this provision was inserted into the wording of the accord. Discussions over the usage of the airspace in the basin will go on. Because the Black Sea-Caspian region is the focus of close attention from other countries, including Iran, Turkey, the Balkans, the Middle East, the United States, and China. It is a zone of competition and confrontation between the world's leading powers. The south of Russia remains the most vulnerable link in the Russian post-Soviet system: armed conflicts periodically break out here and there is a constant potential threat of their new emergence. Thus, in the modern world process, states are trying to implement various models of socio-political security. NATO member countries, led by the United States, consistently defend the thesis of the need to implement a collective security model with a primary focus on the military-technical power of the bloc; the national strategies of these states consider the option of interfering in the internal affairs of other states under the guise of protecting their own national interests [18, p. 43–44]. According to the agreement; Each state will have a fishing area of ten nautical miles and territorial seas up to fifteen nautical miles in the Caspian Sea. States must be permitted, in compliance with the order recognized in international agreements, to install main pipelines and undersea cables on the bottom of the Caspian Sea. The path that will be used to construct pipelines and undersea cables across the seabed will be decided upon in consultation with the state. With the exception of the nations that border the Caspian Sea, no foreign military forces will be present in the region. The country adjoining the region has the right to develop, use and operate artificial islands, infrastructures and buildings. We'll make an effort to find peaceful solutions for any issues pertaining to the Caspian Basin.

Why Russia agreed to this deal in August 2018 and conceded on some points is now a crucial topic that has to be addressed. Indeed, while the accord is of considerable economic importance for the three Turkic republics, Moscow and Tehran regard the arrangement in the Caspian Sea primarily from a political and geopolitical standpoint. The outcomes of the Caspian state chiefs' fifth summit significantly influenced the five-sided collaboration in important sectors. First and foremost, all of the Caspian states have focused especially on the growth of their economies and transportation systems throughout the past 10 years. Despite the lack of support from the participating nations for the establishment of the Caspian Economic Cooperation Organization (CECO), which they saw as premature, an intergovernmental agreement was reached about trade and economic cooperation. This enabled the establishment of a new platform for communication, the Caspian Economic

Forum (CEF), and sparked discussions between the pertinent ministries of the participating nations. As a consequence, on August 11–12, 2019, were discussed the inaugural CEF was held in Turkmenbashi, where topics of trade and economic cooperation, as well as soliciting foreign investment [18].

From another side Washington places a high value on the region, it is significant that in January 2018, Kazakhstan and the US struck an agreement in principle on the use of the Aktau and Kurik ports for humanitarian purposes instead of military activity. The Caspian Five's agreement on August 12, 2018, was greatly influenced by this accord in concept. Following this US action in the region, Russia and Iran began to back down from some of the long-standing differences they had been voicing due to their growing fears about a foreign military push in the region. In fact, after the agreement, the US could not set up a military post on the Caspian shore, according to the Kazakh Ministry of Foreign Affairs. Despite this, the US oil corporations' presence in Kazakhstan and Azerbaijan gives these emerging nations more room to compete with Moscow and Tehran (87). In summary, by making some compromises in an effort to thwart any foreign military action in the Caspian Sea, Russia and Iran have demonstrated that they view the region from a geopolitical and security-oriented perspective. Azerbaijan, Kazakhstan and Turkmenistan intended to earn major economic advantages with the pact. In actuality, initiatives with this goal started to be worked on following the agreement.

The region's nations are now working together more closely in the sector of transportation thanks to the fifth Caspian summit. As a result, the governments of the Caspian republics signed a five-party agreement on cooperation in this field during the summit. The goal of the document is to steadily turn the area into a significant center for logistics. This agreement sparked talks amongst the Caspian states' relevant ministers, who have long been debating matters pertaining to the unification of national transportation laws and the removal of obstacles that hinder the region's ability to draw in more transit cargo.

The region has seen the implementation of several transit and transportation developments in recent decades. European governments funded the Transport Corridor Europe Caucasus-Asia (TRACECA). The "One Belt, One Road" worldwide project for economic cooperation was proposed by China. Furthermore, the concept of establishing an international transport corridor (ITC) dubbed the "South-West" and a Trans-Caspian route is being put out by extra-regional entities and nations in the area. Furthermore, the "North-South" multimodal ITC is still in the creation stage. It was established to transport products from Asia to Europe and back, based on an intergovernmental agreement between Russia, India, and Iran on September 12, 2000. On February 14, 2020, the Russian government approved a package of actions to develop it, which should improve the project's efficacy.

The Caspian republics have been busily building port infrastructure for the past ten years. There is now more motivation for rebuilding the ports that already exist and for building new ones. Every year, the Caspian states make more investments in this field. Specifically, national initiatives have been created with the goal of boosting the amount of cargo that has to transit through the ports of the nations in the area. The expansion of cooperation between the Caspian countries is accompanied by increased competition between them for commodity flows, primarily transit ones. The struggle for container shipping volumes and hydrocarbon resources is pushing the states of the region to apply

various financial and administrative mechanisms to attract cargo. The development of port infrastructure, supplemented by new railway lines, was considered by them in the context of solving their geopolitical problems. In addition to issues of economic development, primarily coastal territories, the Caspian countries sought to participate in global transit flows formed by extra-regional actors. Accordingly, the facilities that the Caspian countries have created in recent years were part of large-scale infrastructure projects. China, the EU, and Turkey were interested in their implementation, for whom the Caspian infrastructure is part of global transport flows [19, p. 40–41].

The Caspian region's states are weak and in serious political, social, and economic difficulties, which makes them susceptible. They have a tremendous deal of potential for tension and conflict. Since the mid-1990s, the USA's influence in the area has grown significantly; yet, many commentators have questioned whether the US would be willing to play a significant role in ensuring security in Central Asia or the South Caucasus. It is only possible to ensure US influence for the long run if it is a member of a global framework. On the other hand, NATO's function is evolving away from direct military support in times of crisis and toward creating a more expansive framework for subregional cooperation. It seems unlikely that NATO will have a significant impact in the case of a major confrontation in Central Asia, even though it may help maintain calm in the South Caucasus.

Conclusion

Azerbaijan, Kazakhstan, and Turkmenistan's independence following the fall of the USSR necessitated a reconsideration of the Caspian Sea's legal status. This raised the question of how to use the Caspian Sea to define the borders of the coastline governments in the Caspian basin. Because the Caspian Sea's wealth of hydrocarbon resources, the intersection of energy and transport arteries, and at the same time the uncertainty of its international legal status, its strategic position against the backdrop of a high probability of "color revolutions" in the Caspian states – all this creates a potential threat to Russia's national security.

Studying the geopolitical features of the Caspian region allows us to identify possible points of intersection of interests of global players, which is especially relevant at the present stage. Studying the geopolitical features of the Caspian region gives researchers the opportunity to identify key points of confrontation and threats to Russia's national security. With the agreement reached by the parties in August 2018, the long-running and much-debated negotiations over the legal status of the Caspian Sea were brought to a certain degree of consensus. It is anticipated that talks about the Caspian Sea will go on for a very long time. China, whose population is growing globally, has also begun to influence the Caspian Sea's dynamics. China, a major energy trader, currently imports natural gas and oil from Kazakhstan and Turkmenistan, and a deal signed in July 2020 with Iran indicates that it would purchase much more from the Caspian area. Even while Beijing appears to be challenging American sanctions with the China-Iran pact, Moscow is also concerned about China's growing influence in the Caspian Sea. With the energy deals it has struck with the Caspian littoral countries and the investments it will make as part of the One Belt One Road initiative, Beijing's profile in the Caspian Sea will only grow over time. In a global environment where energy is becoming increasingly important, the Caspian resources are becoming more valuable every day.

Western countries, especially since the beginning of the 21st century, have influenced Russia's efforts to promote peace and tolerance in the South Caucasus, which is illegal under international law, causing confusion among regional states seeking to maintain relations with Russia. For this reason, countries such as Azerbaijan, Kazakhstan and Turkmenistan are becoming more prominent as alternatives to Russia. In short, depending on global developments, a period in which the Caspian will be on the agenda much more frequently and serious struggles will be waged for new projects may be experienced in the coming period.

We might conclude that since the Caspian Sea is an international lake, its legal system ought to be founded on the idea of partition into national sections after analyzing all viewpoints and methods for resolving the issue. Çünki the Caspian Sea's geographical characteristics, namely its lack of direct connectivity to the oceans and seas of the world, provide justification for its classification as a lake. Taking into account the above, it is considered appropriate to follow the following suggestions and recommendations in order to solve the problem of the legal status of the Caspian Sea:

- The Caspian states' interests and the current international legal norms should be taken into consideration at this time;
- The Caspian littoral states should show a strong political will to resolve the issue and take concrete action, and for this reason should strengthen their activities through high-level meetings;
- The Caspian lake's status should be recognized as an international lake, and its legal regime should be established based on the principle of division into national sectors along the middle line;
- Russia's persistent efforts to determine the Caspian's status should be applauded. The expansion of political and humanitarian ties between Russia and the foreign ministers of the Caspian littoral states is necessary for this purpose;
- The Caspian littoral states' forces must be brought together in the field of Caspian ecology. The Caspian littoral states must adhere to international legal standards when using Caspian resources.

REFERENCES

1. Abdullayev, C. Uluslararası Hukuk Çerçevesinde Hazarın Statüsü ve Doğal Kaynaklarının İşletilmesi Sorunu [The Problem of the Status of the Island and the Exploitation of its Natural Resources Within the Framework of International Law]. *Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi* [Ankara University Faculty of Law Journal]. 1999. Vol. 48. Iss. 1. P. 255–290. (In Turkish). https://doi.org/10.1501/Hukfak_0000000631.
2. Aliyeva, S. Azerbaijan getting closer to Russia? *Caspian Sea status. The Long-awaited Convention. EaP Think Bridge*. 2018. No. 4. P. 7–8. Available at https://prismua.org/wp-content/uploads/2018/10/ETB_4_2018_en-2.pdf (accessed: 07.12.2024)
3. Bilgin, M. Orta Asya ve Kafkasya'da Enerji Stratejileri: Rekabet, İşbirliği ve Bölgesel Sorunlar [Energy Strategies in Central Asia and the Caucasus: Competition, Cooperation and Regional Issues]. *Orta Asya ve Kafkasya: Rekabetten İşbirliğine* [Central Asia and the Caucasus: From Competition to Cooperation]. Ed. by Tayyar Arı. Bursa: MKM Yayıncılık, 2010. P. 157–191. (In Turkish).
4. Bayramov, A. Conflict, Cooperation or Competition in the Caspian Sea Region: A Critical Review of the New Great Game Paradigm. *Caucasus Survey*. 2021. Vol. 9. Iss. 1. P. 1–21. <https://doi.org/10.1080/23761199.2020.1774856>.
5. Brzezinski, Z. Büyük Satranç Tahtası. Amerika'nın Küresel Üstünlüğü ve Bunun Jeostratejik Gereklikleri [The Grand Chessboard. America's Global Supremacy and Its Geostrategic

- Requirements]. Çeviren: Yelda Türedi. İstanbul: İNKILAP Publications, 2005. 270 p. Available at https://www.academia.edu/44340304/Zbigniew_Brzezinski (accessed: 04.12.2024). (In Turkish).
6. Davutoğlu, A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu [Strategic Depth: Türkiye's International Position]. İstanbul: Küre Publications, 2001, 584 p. (In Turkish).
7. Harunoğullari, M. Jeopolitik Rekabet Alanı: Hazar Havzası ve Türkiye. [Geopolitical Competition Region: Caspian Sea Basin and Turkey]. *TÜCAUM Uluslararası Coğrafya Sempozyumu [International Geography Symposium]*. 13–14 Ekim 2016. Ankara. P. 401–413. Available at https://www.researchgate.net/publication/332497459_Jeopolitik_Rekabet_Alani_Hazar_Havzasi_ve_Turkiye_Geopolitik_competition_region_Caspian_Sea_Basin_and_Turkey (accessed: 04.12.2024) (In Turkish).
8. Harunoğullari, M. Hazar Havzasındaki Jeoekonomik Mücadele ve Devletlerin Bölge Politikaları [Gеоeconomic Struggle in Caspian Basin and State Policies in the Region]. *International Journal of Eurasia Social Sciences*. 2016. Vol. 7. Iss. 25. P. 133–162. (In Turkish).
9. Gadzhieva A., Gerasirov M. Azerbajdzhanskie suda zaperty na Kaspıi [Azerbaijani Ships Are Locked in the Caspian]. 15.04.1998. *Nezavisimaja gazeta [Independent Newspaper]*. Available at <https://viperson.ru/uploads/attachment/file/862379/nz84f035.txt> (accessed: 07.10.2024). (In Russian).
10. Gökçe, M. Tarihsel Perspektiften Rusya'nın Hazar Denizi'ne Olan İlgi ve Bölge Politikaları [Russia's Interest in the Caspian Sea and Regional Policies from a Historical Perspective]. *Rusya'nın Doğu Politikası [Russia's Eastern Policy]*. Ed. Sezgin Kaya. Bursa. Ekin Yayıncılık, 2013. P. 281–309. (In Turkish).
11. Caspian Summit: Consequences for the Region. 14.09.2018. *Warsaw Institute*. Available at <https://warsawinstitute.org/caspian-summit-consequences-region/> (accessed: 03.03.2025).
12. Mammadli, N. North-South Transportation Corridor Could Be a Boon for Azerbaijan & India. 29.11.2019. *Caspian News*. Available at <https://caspiannews.com/news-detail/north-south-transportation-corridor-could-be-a-boon-for-azerbaijan-india-2019-11-29-33/> (accessed: 07.08.2024).
13. Marshall, T. Coğrafya Mahkumları: Dünyanın Kaderini Değiştiren On Harita [Prisoners of Geography: Ten Maps That Changed the Fate of the World]. İstanbul: Epsilon, 2018, 289 p. (In Turkish).
14. Muradova M. Russia and Azerbaijan Terminate Baku-Novorossiysk Agreement. Field Reports 2013. Available at <https://www.cacianalyst.org/publications/field-reports/item/12767-russia-and-azerbaijan-terminate-baku-novorossiysk-agreement.html> (accessed: 22.07.2024).
15. Orazgaliyev, S., Araral, E. Conflict and Cooperation in Global Commons: Theory and Evidence from the Caspian Sea. *International Journal of the Commons*. 2019. Vol. 13. Iss. 2. P. 962–976. <https://doi.org/10.5334/ijc.914>.
16. Raimbekova, A. 5 Ülke Hazar Denizi'nin Hukuki Statüsü Konusunda Anlaştı [Countries Agree on Legal Status of Caspian Sea]. 12.08.2018. *Anadolu Ajansı [Anadolu Agency]*. Available at <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/5-ulke-hazar-denizinin-hukuki-statusu-konusunda-anlasti/1228982> (accessed: 04.07.2024). (In Turkish).
17. Schensnovich V.N. Geopolitika v Kaspıjskom regione (Obzor) [Geopolitics in the Caspian Region (Overview)]. *Rossija i musul'manskij mir [Russia and the Muslim World]*. 2018. № 3 (309). P. 33–44. (In Russian).
18. Zhilcov S.S., Zonn I.S., Kostjanoj A.G., Semenov A.V. Kaspıj. Mezhdunarodno-pravovye dokumenty [Caspian Sea. International Legal Documents]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya [International Relations], 2018. 568 p. (In Russian).
19. Zhilcov S.S. Kaspıjskij region: itogi razvitija i novye tendencii [Caspian Region: Development Results and New Trends]. *Central Asia and the Caucasus*. 2021. Vol. 24. Iss. 4. P. 33–42. Available at https://www.ca-c.org.ru/journal/2021/journal_rus/cac-04/ca-cR.4.21.pdf (accessed: 07.08.2024). (In Russian).
20. Vinogradov, S., Wouters, P. The Caspian Sea: Current Legal Problems. *Heidelberg Journal of International Law (HJIL)*. 1995. Vol. 55. P. 604–623. Available at https://www.zaoerv.de/55_1995/55_1995_2_a_604_623.pdf (accessed: 07.08.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Abdullayev, C. Uluslararası hukuk çerçevesinde hazarın statüsü ve doğal kaynaklarının işletilmesi sorunu // Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi. 1999. Cilt 48. Sayı 1. S. 255–290. https://doi.org/10.1501/Hukfak_0000000631.
2. Aliyeva, S. Azerbaijan Getting Closer to Russia? // Caspian Sea Status. The Long-Awaited

- Convention. EaP Think Bridge. 2018. № 4. P. 7–8. [эл. доступ]. URL: https://prismua.org/wp-content/uploads/2018/10/ETB_4_2018_en-2.pdf (дата обращения: 07.12.2024).
3. Bilgin, M. Orta Asya ve Kafkasya'da Enerji Stratejileri: Rekabet, İşbirliği ve Bölgesel Sorunlar // Orta Asya ve Kafkasya: Rekabetten İşbirliğine. Ed. by Tayyar Arı. Bursa: MKM Yayıncılık, 2010. S. 157–191.
4. Bayramov, A. Conflict, Cooperation or Competition in the Caspian Sea Region: A Critical Review of the New Great Game Paradigm // Caucasus Survey. 2021. Vol. 9. Iss. 1. P. 1–21. <https://doi.org/10.1080/23761199.2020.1774856>.
5. Brzezinski, Z. Büyük Satranç Tahtası. Amerika'nın küresel üstünlüğü ve bunun jeostratejik gereklilikleri. Çeviren: Yelda Türedi. İstanbul: İNKILAP Publications, 2005. 270 p. [эл. доступ]. URL: https://www.academia.edu/44340304/Zbigniew_Brzezinski (accessed: 04.12.2024).
6. Davutoğlu, A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001, 584 s.
7. Harunoğullari, M. Jeopolitik Rekabet Alanı: Hazar Havzası ve Türkiye // TÜCAUM Uluslararası Coğrafya Sempozyumu. 13–14 Ekim 2016. Ankara. S. 401–413. [эл. доступ]. URL: https://www.researchgate.net/publication/332497459_Jeopolitik_Rekabet_Alani_Hazar_Havzasi_ve_Turkiye_Geopolitical_competition_region_Caspian_Sea_Basin_and_Turkey (дата обращения: 04.12.2024).
8. Harunoğullari, M. Hazar Havzasındaki Jeoekonomik Mücadele ve Devletlerin Bölge Politikaları // International Journal of Eurasia Social Sciences. 2016. Vol. 7. Iss. 25. S. 133–162.
9. Гаджиева А., Герасилов М. Азербайджанские суда заперты на Каспии. 15.04.1998 // Независимая газета: [сайт]. URL: <https://viperson.ru/uploads/attachment/file/862379/nz84f035.txt> (дата обращения: 07.10.2024).
10. Gökçe, M. Tarihsel Perspektiften Rusya'nın Hazar Denizi'ne Olan İlgisi ve Bölge Politikaları // Rusya'nın Doğu Politikası. Ed. Sezgin Kaya. Bursa. Ekin Yayıncılık, 2013. S. 281–309.
11. Caspian Summit: Consequences for the Region. 14.09.2018 // Warsaw Institute. [эл. доступ]. URL: <https://warsawinstitute.org/caspian-summit-consequences-region/> (дата обращения: 03.03.2025).
12. Mammadli, N. North-South Transportation Corridor Could Be a Boon for Azerbaijan & India. 29.11.2019 // Caspian News: [сайт]. URL: <https://caspiannews.com/news-detail/north-south-transportation-corridor-could-be-a-boon-for-azerbaijan-india-2019-11-29-33/> (дата обращения: 07.08.2024).
13. Marshall, T. Coğrafya Mahkumları: Dünyanın Kaderini Değiştiren On Harita. İstanbul: Epsilon, 2018, 289 s.
14. Muradova, M. Russia and Azerbaijan Terminate Baku-Novorossiysk Agreement. Field Reports 2013. Available at <https://www.cacianalyst.org/publications/field-reports/item/12767-russia-and-azerbaijan-terminate-baku-novorossiysk-agreement.html> (дата обращения: 07.08.2024).
15. Orazgaliyev, S., Araral, E. Conflict and Cooperation in Global Commons: Theory and Evidence from the Caspian Sea. International Journal of the Commons. 2019. Vol. 13. Iss. 2. P. 962–976. <https://doi.org/10.5334/ijc.914>.
16. Raimbekova, A. 5 Ülke Hazar Denizi'nin Hukuki Statüsü Konusunda Anlaştı [Countries Agree on Legal Status of Caspian Sea]. 12.08.2018. Anadolu Ajansı [Anadolu Agency]. Available at <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/5-ulke-hazar-denizinin-hukuki-statusu-konusunda-anlasti/1228982> (accessed: 04.07.2024). (In Turkish).
17. Сченснович В.Н. Геополитика в Каспийском регионе (Обзор) // Россия и мусульманский мир. 2018. № 3 (309). С. 33–44.
18. Жильцов С.С., Зонн И.С., Костяной А.Г., Семенов А.В. Каспий. Международно-правовые документы. М.: Международные отношения, 2018. 568 с.
19. Жильцов С.С. Каспийский регион: итоги развития и новые тенденции // Central Asia and the Caucasus. Russian Edition. 2021. Т. 24. Вып. 4. С. 33–42. [эл. доступ]. URL: https://www.cac.org.ru/journal/2021/journal_rus/cac-04/ca-cR.4.21.pdf (дата обращения: 07.08.2024).
20. Vinogradov, S., Wouters, P. The Caspian Sea: Current Legal Problems // Heidelberg Journal of International Law (HJIL). 1995. Vol. 55. P. 604–623. [эл. доступ]. URL: https://www.zaoerv.de/55_1995/55_1995_2_a_604_623.pdf (дата обращения: 07.08.2024).

Сведения об авторах / Information about authors

Asadov Murad – Professor assistant, Faculty of International Relations and Economics, Department of Diplomacy and Modern Integration; Baku State University.

E-mail: muradasadov@bsu.edu.az

ORCID: 0000-0003-1528-2533

The author confirms that there is no conflict of interest.

Асадов Мурад – доцент кафедры дипломатии и современной интеграции факультета международных отношений и экономики; Бакинский государственный университет.

E-mail: muradasadov@bsu.edu.az

ORCID: 0000-0003-1528-2533

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 27.03.2025.

Одобрена после рецензирования 28.03.2025.

Принята 31.03.2025.

Received 27.03.2025.

Approved after reviewing 28.03.2025.

Accepted 31.03.2025.

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА SOCIETY AND POLITICS

научная статья / research article

УДК: 327,5

EDN: [MZFOLF](#)

DOI: [10.48612/RG/RGW.28.2.3](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](#)

Современный вооруженный конфликт: эволюция и влияние беспилотных летательных аппаратов

Барабанов Олег Николаевич

Московский государственный институт международных отношений МИД России,
Москва, Россия
esi@inno.mgimo.ru

Наумова Евгения Валерьевна

Московский государственный институт международных отношений МИД России,
Москва, Россия
ev.naumova@my.mgimo.ru

Аннотация

Введение. Современный вооруженный конфликт претерпевает значительные изменения. Одним из импульсов таких изменений стали беспилотные летательные аппараты (БПЛА). В исследовании проанализирована эволюция военных БПЛА в современных вооруженных конфликтах и адаптация гражданских беспилотников для военных задач, учтены особенности применения беспилотных технологий в асимметричных конфликтах с участием США, в Нагорном Карабахе 2020 г. и в ходе специальной военной операции на Украине. Анализируется их влияние на тактику боевых действий, способность менять подходы к планированию и проведению операций, какие новые вызовы и угрозы это создает для военных, политиков и международной безопасности в целом. Актуальность статьи обусловлена возросшей значимостью беспилотных летательных технологий в вооруженных конфликтах и стремительными изменениями самих беспилотных технологий.

Материалы и методы. Метод контент-анализа позволяет выявить и обобщить практику применения БПЛА. Сравнительный метод используется при сопоставлении опыта применения, во-первых, беспилотных технологий в асимметричных конфликтах и в специальной военной операции на Украине, во-вторых, рассматриваются коммерческие беспилотные аппараты, адаптированные для военных нужд, и FPV-дроны – новация текущего конфликта. При помощи этого метода были выделены общие и частные характеристики беспилотных летательных аппаратов и опыт их применения. Статья опирается на комплекс материалов, включающий теоретические работы, исследующие эволюцию вооруженных

конфликтов в условиях изменения системы международных отношений (конец XX – начало XXI вв.); аналитические материалы оперативно-тактического применения беспилотных систем в современных военных кампаниях; эмпирические данные, верифицированные посредством методов OSINT-анализа: отчеты мониторинговых групп, официальные сводки Министерств обороны, медиа-документация боевых действий.

Результаты. Беспилотные летательные аппараты во многом поменяли вооруженный конфликт, став фактором изменений многолетних обычаев ведения войны. В ходе СВО гражданские беспилотные аппараты, адаптированные для ударных и разведывательных целей, продолжают расширять функционал, что значительно упрощает ведение высокотехнологичного конфликта. При этом современные технологии во многом остаются зависимы от традиционных вооружений. Вывод о радикальном изменении способов ведения войны и отмирании отдельных видов боевой техники представляется преждевременным.

Заключение. Исследование позволяет предположить, что перспективы боевого применения БПЛА будут определяться факторами технологической доступности, оперативно-тактической интеграции в существующие системы вооружений и способности международного сообщества выработать правовые механизмы регулирования их использования, что совокупно формирует новый вызов системе международной безопасности.

Ключевые слова: вооруженный конфликт; специальная военная операция; беспилотные летательные аппараты; FPV-дроны; коммерческие беспилотные аппараты; асимметричные конфликты

Для цитирования: Барабанов О.Н., Наумова Е.В. Современный вооруженный конфликт: эволюция и влияние беспилотных летательных аппаратов // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 2. С. 35–54. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.3

© Барабанов О.Н., Наумова Е.В., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Modern Armed Conflict: The Evolution and Impact of Unmanned Aerial Vehicles

Oleg N. Barabanov

Moscow State Institute of International Relations MFA of Russia, Moscow, Russia
esi@inno.mgimo.ru

Evgenia V. Naumova

Moscow State Institute of International Relations MFA of Russia, Moscow, Russia
 ev.naumova@my.mgimo.ru

Abstract

Introduction. Modern armed conflict is undergoing significant changes. Unmanned aerial vehicles (UAV) have become one of the impulses of such changes. The article examines the evolution of military UAV in modern armed conflicts and the adaptation of civilian drones for military needs. The study considered the use of unmanned technologies in the asymmetric conflicts of the United States, the conflict in Nagorno-Karabakh in 2020 and during the Special Military Operation in Ukraine. The article analyzes their impact on the tactics of military operations, the ability to change approaches to planning and conducting operations, what new challenges and threats this creates for the military, politicians and society as a whole. The relevance of the article is due to the increased importance of unmanned aerial technologies in armed conflicts and the rapid changes in unmanned technologies themselves.

Materials and methods. The content analysis method allows us to identify and summarize the practice of using UAV. The comparative method is used to compare the experience of using, firstly, unmanned technologies in asymmetric conflicts and in special military operations in Ukraine, and

secondly, commercial unmanned vehicles adapted for military needs, and FPV drones are compared – an innovation of the current conflict. Using this method, the general and specific characteristics of unmanned aerial vehicles and the experience of their use were highlighted. The article is based on a set of materials, including theoretical works investigating the evolution of armed conflicts in the context of a changing system of international relations (late XX – early XXI centuries); analytical materials on the operational and tactical use of unmanned systems in modern military campaigns; empirical data verified by methods of OSINT analysis: reports of monitoring groups, official summaries of the Ministry of Defense, media documentation of military operations.

Results. Unmanned aerial vehicles have changed the armed conflict in many ways, becoming a factor in changing long-standing customs of warfare. During the special military operation, civilian unmanned aerial vehicles have been adopted for strike and reconnaissance purposes and continue to expand their functionality, which greatly simplifies the conduct of high-tech conflict. At the same time, modern technologies remain largely dependent on traditional weapons and the conclusion about a radical change in the ways of warfare and the death of certain types of military equipment seems premature.

Conclusion. The study suggests that the prospects for the combat use of UAV will be determined by factors of technological accessibility, operational and tactical integration into existing weapons systems and the ability of the international community to develop legal mechanisms to regulate their use, which together creates a new challenge to the international security system.

Keywords: armed conflict; special military operation; unmanned aerial vehicles; FPV drones; commercial drones; asymmetric conflicts

For citation: Barabanov, O.N., Naumova, E.V. Modern Armed Conflict: The Evolution and Impact of Unmanned Aerial Vehicles. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 2. P. 35–54. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.3

© Barabanov, O.N., Naumova, E.V., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Вооруженные конфликты остаются важным элементом глобальной политики и международных отношений. Война, как и на протяжении всей истории человечества, демонстрирует высокую степень адаптивности к изменениям и внедрению новых методов борьбы. Теоретик войны К. Клаузевиц описывал этот феномен как «настоящий хамелеон, так как она в каждом конкретном случае несколько изменяет свою природу» [1, с. 57]. Подтверждением этого стал конфликт в Донбассе (2014–2022 гг.) и последовавшая специальная военная операция (далее – СВО) на Украине.

Окончание Холодной войны в период однополярности международных отношений породили убеждение об «отмирании» войн как средства разрешения противоречий между суверенными государствами. Несмотря на непрекращающиеся локальные конфликты, исследователи предполагали, что тринитарная война «по Клаузевицу», включающая армию, правительство и народ, осталась в прошлом. Её место должны были занять асимметричные конфликты низкой интенсивности, где регулярные армии противостоят слабо организованным повстанческим движениям [2, с. 308]. Специфика таких войн заключалась в противостоянии сильной и слабой сторон, при этом асимметрия сил считалась принципиально непреодолимой. Историк М. Кревельд подчеркивал, что в таких конфликтах основным оружием станет «нож», подразумевая широкий спектр вооружений от примитивного стрелкового оружия до самодельных взрывных устройств, доступный «различного рода инсургентам: от

партизан до террористов» [3, с. 90]. Люди с «ножами» противостояли армиям с танками, как это наблюдалось в конфликтах 1990–2014 гг., что укрепляло мнение о бесповоротном изменении войн и снижении вероятности вооружённых столкновений между суверенными индустриальными государствами.

Начавшаяся в феврале 2022 г. специальная военная операция на территории Украины, отказ от переговоров в Стамбуле в марте-апреле привели к интенсивным боевым действиям двух суверенных государств непосредственно и широкого круга государств, поддерживающих одну из сторон, опосредованно. Три года интенсивных боевых действий на европейском континенте опровергли утверждения о снижении вероятности вооружённых столкновений между суверенными государствами и переходе к асимметричным конфликтам. Вооруженный конфликт на Украине между политически и экономически развитыми государствами вернул на повестку дня масштабные вооружённые столкновения. При этом СВО имеет свои характерные особенности, отличные и от классических войн XVIII–XIX веков или тотальных войн первой половины XX века. Этот конфликт, крупнейший на европейском континенте с момента окончания Второй мировой войны, стал местом применения новых технологий и методов ведения боевых действий. Одним из новшеств СВО, существенно изменивших стратегию и тактику военных действий, стало повсеместное применение беспилотных летательных аппаратов.

Методы исследования

В военной и научной среде, анализируя ход текущего конфликта, проводят параллели с Первой мировой войной [4], находя сходства с появлением новых видов вооружений и качественной смены стратегий и тактик. Более радикальные мнения сравнивают распространение беспилотной авиации с Синопским сражением 1853 г., после которого парусный флот уступил место паровым кораблям. Предполагая судьбу парусного флота для привычных, конвенциональных видов вооружения, беспилотные системы могут поставить под сомнение эффективность традиционных вооружений, таких как тяжелая бронетехника и военная авиация.

Целью исследования является определить степень влияния беспилотных летательных аппаратов на трансформацию современного вооруженного конфликта. Основной исследовательский вопрос: какова роль беспилотных аппаратов в современных вооруженных конфликтах, и как их использование трансформирует традиционные подходы к ведению войны. Достижение цели ставит ряд вопросов. Во-первых, какие типы БПЛА применяются в ходе СВО, каковы их основные технические характеристики и возможности? Во-вторых, в чём состоят тактические преимущества и уязвимости БПЛА в сравнении с другими видами вооружений? В-третьих, какова степень автономности современных беспилотных систем и их зависимость от сопутствующих технологий? Вопросы представляют интерес для политической науки и международных отношений, поскольку беспилотные системы становятся неотъемлемой частью современных вооружённых конфликтов. Ответы на них помогут понять роль технологий в изменении характера войны и прогнозировать их влияние на будущее международных отношений.

Исследование сочетает комплексное применение ряда научных методов. На основе открытых данных использования БПЛА, был применен контент-анализ масс-

медиа, социальных сетей, официальных сводок и заявлений для определения степени их влияния на ход конфликта, изменения военно-промышленного комплекса, а также на изменение в способах освещения конфликта, влияние на общественное мнение и на международную реакцию. С целью обобщения опыта применения беспилотных систем в конфликтах на Ближнем Востоке, в Нагорном Карабахе, в зоне СВО и определения места БПЛА в системе военных технологий использовался сравнительный анализ.

Материалы

Предлагаемое исследование основано на трех взаимодополняющих категориях материалов. К первой категории относятся работы, исследующие генезис современных вооруженных конфликтов в контексте переформатирования системы международных отношений. Теоретическая дискуссия о постклассических конфликтах XX века началась с исследования Э. Макка. В своей статье 1976 г. «Почему большие страны проигрывают малые войны: политика асимметричного конфликта» [5], анализируя кампанию США во Вьетнаме, автор приходит к выводу, что военный конфликт изменился, военной мощи, без политической гибкости со значительно слабым противником, недостаточно. В 1991 г. выходит исследование М. Кревельда «Трансформация войны» [3]. Продолжая исследование Э. Макка, автор утверждает, что классические тринитарные войны XIX–XX вв. уступают место новым формам конфликта. Характерными чертами новых форм конфликта представлялись широкий круг сторон конфликта и непреодолимая асимметрия в военной мощи. Решающую роль в подобных конфликтах, наряду с военной силой, будут играть информационное влияние, гибридные методы борьбы и способность идти на крайние жертвы ради достижения цели. Анализируя последствия войны в Боснии и Герцеговине, выходит работа М. Калдор «Новые и старые войны» 1999 г. [2]. Соглашаясь с тем, что вооруженные противостояния стали иными, автор подчеркивает, что современный конфликт основан на террористических методах борьбы, приватизации насилия и глобальных потоках ресурсов, что требует пересмотра традиционных подходов к безопасности. При этом оба исследователя современности войны соглашались, что в новом веке вооруженные конфликты не прекратятся, окончание Холодной войны и изменение устоявшегося порядка не положили конец войнам, а скорее стали их переломным моментом.

Вторая категория материалов – работы, анализирующие вооруженные конфликты с применением беспилотных аппаратов. Одна из первых таких работ «Война среди стен» [6], исследующая урбанизированный характер современных боевых действий. Исследование анализирует боевые действия в условиях плотной городской застройки на Ближнем Востоке и специальной военной операции на Украине. Учитывая особую сложность городских боев, авторы подчеркивают значительные изменения в разведке, корректировке и нанесении ударов, которые стали возможными с появлением как военных БПЛА, так и адаптированных коммерческих аппаратов.

Продолжает комплексное исследование специальной военной операции аналитический сборник «У края» Центра анализа стратегий и технологий [7]. Комплексное исследование военной операции на территории Украины в течение трех

лет, рассматривает конфликт как с военной точки зрения, так и связанные с ними вопросы экономики, демографии и истории региона. В сборнике подробно рассматривается роль беспилотных летательных систем и опыт их применения обеими сторонами конфликта. Авторы проводят разделение между военными беспилотными аппаратами и адаптированными для военных целей аппаратами гражданского предназначения [7, с. 100]. Обобщая опыт боевого применения БПЛА, констатируется неизбежность будущих изменений в военных стратегиях и концепциях развития оборонной промышленности многих стран мира.

Третья категория материалов базируется на количественных данных применения беспилотных аппаратов и их тактико-технических характеристиках. Используются отчеты мониторинговых групп, официальные сводки Министерства обороны России, медиа-документация боевых действий.

1. Роль беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в современных конфликтах

Технология БПЛА появилась задолго до событий на Украине, а их опыт применения имеет значительную историю. Первые прототипы разрабатывались уже в начале XX века Великобританией и США. Боевое применение произошло в конце Второй мировой войны. Беспилотный летательный аппарат TDR-1, прототип современного дрона Reaper, имел двухмоторный двигатель, деревянный корпус с велосипедными трубами. На корпусе аппарата была установлена телевизионная камера, передававшая крайне нечеткий сигнал на экран оператора, который направлял на цель бомбардировщики. В 1944 г. четыре БПЛА TDR-1, с прикрепленными к ним бомбами направились к о. Бугенвиль, на котором размещалась японская орудийная установка. Три аппарата не долетели до цели, но четвертый попал точно в цель. Как средство разведки БПЛА США стали применять то время войны во Вьетнаме. К концу 1990-х годов использование ударных и разведывательных аппаратов стало повсеместным в военных кампаниях США. Беспилотники MQ Predator и MQ Reaper применялись в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии, а также в отдельных операциях в Пакистане и Сирии. Использование высокотехнологичного оружия против армий (а зачастую и разрозненных отрядов террористов), не обладающих аналогичным арсеналом и средствами борьбы с ним, породило мнение о том, что «война становится виртуальной, позволяя воевать без физического присутствия, а также добродеятельной, позволяя СМИ и правительству создавать позитивное, терпимое и лишенное драматизма представление о конфликте» [8, р. 56].

2. Современное применение БПЛА и уроки СВО

Офицер военно-воздушных сил США Дэвид Дептула, после участия в военной кампании в Афганистане, сформулировал ключевую концепцию применения беспилотных летательных аппаратов в современном военном деле. В интервью телеканалу CNN 2009 г., он охарактеризовал основную цель использования этой технологии так: «Настоящим преимуществом беспилотных летательных аппаратов является то, что они позволяют проецировать власть, не проецируя уязвимость» [9, с. 17]. Такое утверждение оказалось актуальным в контексте вооруженного конфликта начала XXI века между военной сверхдержавой – Соединенными Штатами Америки – и разрозненными террористическими группировками, действующими на территории Афганистана.

С 2001 по 2021 гг. армия США активно применяла ударно-разведывательные беспилотные летательные аппараты, среди которых MQ-1 Predator, позже его модернизировали в MQ-9 Reaper¹. Беспилотный летательный аппарат обладал массой более одной тонны и развивал скорость до 217 км/ч. Размах крыла устройства составлял 14,8 метра. Продолжительность полета достигала 20 часов, что обеспечивало значительную автономность. Управление аппаратом осуществлялось посредством спутниковой связи, позволяя эффективно проводить разведывательные операции и наносить удары с большого расстояния от цели. Всего было произведено около 200 таких аппаратов. Потери составили 70 единиц, из которых только четыре были сбиты. Остальные утраты были связаны с техническими неисправностями, ошибками пилотирования и неблагоприятными погодными условиями. К 2013 г. на вооружении армии США находилось около 7500 аппаратов² и 700 операторов³. Как и любая военно-техническая разработка, беспилотные технологии получили распространение в других странах, а позже и боевое применение. Учитывая высокую технологическую сложность разработки и серийного производства беспилотных авиационных систем, при одновременной потребности «проецировать власть не проецируя уязвимости», участники конфликтов нашли решение в адаптации гражданских аналогов БПЛА.

Впервые коммерческие БПЛА были использованы неправительственными акторами против регулярной армии в ходе войны в Ливии, в 2011 г. Бои за иракский г. Мосул в 2014 г. стала первым прецедентом еще не массового, но уже и не единичного использования террористами коммерческих дронов [6, с. 187]. Террористические группировки адаптировали беспилотные аппараты для ударных и разведывательных нужд. Возросший технический потенциал боевиков, последовавшее развитие и распространение беспилотной авиации показало поспешность выводов о виртуализации войны. Особый эффект возымела разница с одной стороны, эффективность и дешевизна БПЛА, стоимостью несколько сот долларов, с другой, несопоставимые затраты на борьбу с ними исчисляющиеся миллионами долларов [6, с. 190].

Война в Нагорном Карабахе между Азербайджаном и Арменией осенью 2020 г. стала первым конфликтом на постсоветском пространстве, где обе стороны использовали ударно-тактические беспилотные летательные аппараты. Армия Армении использовала легкие разведывательные БПЛА X-55 собственного производства, также фиксировалось применение российского аппарата Орлан-10, применение ударных беспилотников зафиксировано не было [10, с. 81]. В то же время, армия Азербайджана использовала беспилотные технологии более результативно. В течение длительного времени руководство Азербайджана развивало военно-техническое сотрудничество с крупнейшими мировыми производителями вооружения.

¹ “Hunter-Killer” MQ-9 Reaper offers critical capabilities // [сайт]. URL: https://centcomcitadel.com/en_GB/articles/ssc/features/2023/10/25/feature-03/ (дата обращения: 22.12.2024).

² Grossman, L. Drone Home. 11.02.2013 // Good Times. Industrial Policy Under National Security Cover: [сайт]. URL: <https://goodtimesweb.org/overseas-war/2013/time-drone-home-feb-11-2013.html> (дата обращения: 11.02.2025).

³ Tabassum, Z. In New Mexico Desert Drone Pilots Learn the New Era of War. 23.04.2013 // Reuters: [сайт]. URL: <https://www.reuters.com/article/2013/04/23/us-usa-security-drones-idUSBRE93M04520130423/> (дата обращения 10.10.2024).

К началу военной операции в Нагорном Карабахе азербайджанская армия, помимо традиционных систем вооружения, располагала арсеналом от легких разведывательных БПЛА до тяжелых барражирующих боеприпасов израильского производства⁴. В 2011 г. в Азербайджане компанией «AZAD Systems Co» была частично локализована сборка израильских разведывательных БПЛА Orbiter 2М и Aerostar. К 2016 г. уже были представлены ударные беспилотники БПЛА-камикадзе Zərbə 1К, которые активно применялись в конфликте в 2020 г. [11, с. 632]. Знаковым оружием этого конфликта стал ударный оперативно-тактический беспилотный аппарат турецкого производства Bayraktar TB2. Турецкий БПЛА ранее неоднократно применялся в конфликтах с участием Турецкой Республики – в Сирии, Ливии и Ираке. Однако именно в конфликте в Карабахе 2020 г. впервые третья страна использовала БПЛА турецкого производства без прямого участия Турции. По своим ударным свойствам, малой высоте и скорости полета, а также из-за отсутствия спутникового управления Bayraktar TB2 уступал американским и израильским аналогам. Успешное применение этого БПЛА в 2020 г. связывают, скорее, с устаревшими системами противоракетной обороны и радиоэлектронной борьбы Армении. Этот вывод косвенно подтверждается опытом использования «Байрактаров» в ходе конфликта на Украине. В 2019 г. украинские власти подписали контракт на приобретение порядка шести аппаратов Bayraktar TB2⁵, в 2021 г. было зафиксировано первое их боевое применение в районе с. Гранитное Донецкой народной республики⁶. С начала специальной военной операции фиксировалось активное использование украинской стороной беспилотных аппаратов Bayraktar TB2. С середины весны 2022 г. в средствах массовой информации и официальных сводках неоднократно сообщалось о поражении российскими силами турецких беспилотных аппаратов⁷. Массовое уничтожение беспилотников, которые продемонстрировали высокую эффективность в конфликте в Карабахе, объяснялось усилением российской противовоздушной обороны. Это, в сочетании с крупными габаритами и относительно небольшой скоростью Bayraktar TB2, делало такие БПЛА уязвимой мишенью. Выведение с поля боя широко обсуждаемых Bayraktar TB2 не отменило использования беспилотных летательных аппаратов в конфликте. Напротив, специальная военная операция на Украине стала неким полигоном как для апробации новых беспилотных технологий и внедрения в массовое использование ранее созданных БПЛА, так и для адаптации гражданских беспилотных аппаратов под военные нужды.

⁴ Ермаков. А. Беспилотники над Карабахом: революция или очередной рабочий день. 04.12.2020 // Международный дискуссионный клуб «Валдай»: [сайт]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/besilotniki-nad-karabakhom/> (дата обращения: 20.12.2024).

⁵ Турецкие беспилотники Bayraktar TB2 в украинской армии. 31.07.2019 // Военное обозрение: [сайт]. URL: <https://topwar.ru/160634-tureckie-besilotniki-bayraktar-tb2-v-ukrainskoj-armii.html> (дата обращения: 21.02.2025).

⁶ Первый удар турецкого беспилотника Bayraktar в Донбассе. 27.10.2021 // Новостное интернет-издание Лента.ру: [сайт]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/10/27/bayraktar/> (дата обращения: 20.02.2025).

⁷ В Минобороны России сообщили об уничтожении украинского «Байрактара» на границе Украины и РФ. 29.04.2022 // Медиагруппа «Звезда»: [сайт]. URL: <https://tvzvezda.ru/news/20224291047-DAr4h.html> (дата обращения: 20.02.2025).

Учитывая, что конфликт между Россией и Украиной продолжает находиться в активной фазе, объективные данные о поставках, применении и потерях БПЛА, по понятным причинам, получить затруднительно. На текущем этапе можно опираться на сведения из официальных военных сводок и анализ информации из открытых источников.

Результаты

При анализе применения беспилотных летательных аппаратов в зоне специальной военной операции следует выделить две основные группы.

Первая группа включает БПЛА, изначально разработанные для выполнения военных задач. Это преимущественно ударные и ударно-разведывательные аппараты, а также т.н. барражирующие боеприпасы. На вооружении российской армии к таким аппаратам относятся широко используемые Ланцет ZALA, Иноходец и Герань-2⁸, разведывательные БПЛА Орлан-10, а также адаптированные под военную разведку и корректировку артиллерийского огня – Supercam S350⁹. На вооружении украинской армии были зафиксированы барражирующие беспилотные аппараты американского производства Quantix Recon, Phoenix Ghost, SwitchBlade 300 и Switchblade 600¹⁰, польского производства Warmate¹¹. Разведывательные аппараты украинских вооруженных сил RQ-20 Puma, системы корректировки ScanEagle – по большей части американского производства, а также немецкие легкие БПЛА Aladin и Songbird. Из европейских производителей выделяется датская компания SkyWatch, производящая для Украины разведывательные БПЛА RQ35 для запуска с рук; по состоянию на 2023 г. выпускала 240–300 единиц в год¹².

Необходимо отметить, что широко применяются БПЛА непосредственно украинских разработчиков. Один из наиболее известных разведывательных аппаратов – Лелека-100, Sparrow, GOR, Валькирия [7, с. 103]. Ударные беспилотники самолетного типа UJ-22 Airbone, Beaver, AQ-400 Scythe, PD-2, при отсутствии на вооружении дальнобойного оружия, «превратились для Украины в эрзац крылатых ракет» [7, с. 109].

Вторая группа беспилотных аппаратов, применяемых в конфликте, включает устройства, изначально разработанные для коммерческих, спортивных или иных гражданских целей, но адаптированные для выполнения военных задач.

⁸ Пути развития БПЛА «Герань-2». 25.12.2024 // Военное обозрение: [сайт]. <https://topwar.ru/256432-puti-razvitija-bpla-geran-2.html?ysclid=m9r4k7jakt430583640> (дата обращения: 01.03.2025).

⁹ Ижевский БПЛА Supercam в Спецоперации и в гражданской сфере. 22.05.2024. // Военное обозрение: [сайт]. URL: <https://topwar.ru/242856-bpla-supercam-v-specoperacii-i-v-grazhdanskoj-sfere.html> (дата обращения: 20.02.2025).

¹⁰ Производство основных систем вооружения в странах Запада до и после февраля 2022 г. Аналитический доклад. Центр анализа стратегий и технологий (ЦАСТ), 2024. 66 с. [эл. доступ]. URL: https://cast.ru/Fog_pdf/Доклад_ЦАСТ_2024.pdf (дата обращения: 10.12.2024).

¹¹ Федутин Д. Импортные дроны Украины. 06.10.2022 // Российский совет по международным делам: [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/importnye-drony-ukrainy/> (дата обращения: 23.02.2025).

¹² Производство основных систем вооружения в странах Запада до и после февраля 2022 г. Аналитический доклад. Центр анализа стратегий и технологий (ЦАСТ), 2024. 66 с. [эл. доступ]. URL: https://cast.ru/Fog_pdf/Доклад_ЦАСТ_2024.pdf (дата обращения: 10.12.2024).

Прежде чем обсуждать эту категорию, важно уточнить терминологию. В контексте текущего конфликта под коммерческими беспилотными аппаратами понимаются авиационные мультироторные устройства с двумя или более несущими винтами, оснащенные системой вертикального взлета, управляются дистанционно посредством радиосигнала и способны передавать видеосигнал оператору. Основные задачи таких аппаратов включают нанесение ударов, корректировку огня и проведение разведки. С учетом этого определения, термины «квадрокоптер» и «дрон» в этом контексте являются синонимами коммерческих беспилотных летательных аппаратов с функцией вертикального взлета.

С весны 2022 г. средства массовой информации и социальные сети начали массово публиковать видеоматериалы, запечатлевшие поражение техники, перемещение военных колонн и другие, связанные с этим события. Большинство этих записей было снято с помощью квадрокоптеров Mavic, производимых китайской компанией Dajiang Innovation Technology (DJI). На сегодняшний день DJI занимает около 70% мирового рынка коммерческих беспилотных летательных аппаратов¹³. Популярность продукции китайской компании DJI объясняется высоким качеством, простотой управления и относительно низкой стоимостью. Сложно определить, какая из сторон конфликта первой начала использовать коммерческие дроны в военных целях, однако факт остается фактом: на сегодняшний день обе стороны массово применяют устройства DJI, несмотря на то, что производитель выступает категорически против их использования в военных действиях и подчеркивает исключительно гражданское назначение своей продукции. Для предотвращения нецелевого использования своих аппаратов DJI вводила географические ограничения на полеты. Если изначально такие меры применялись вблизи аэропортов по требованиям безопасности, то в 2017 г. компания распространила их на зоны вооруженных конфликтов в Ираке и Сирии. Однако в зоне проведения специальной военной операции такие ограничения не были введены. Тем не менее, в условиях продолжающегося конфликта DJI официально ушла с рынков России и Украины, многократно заявляя, что не продает свою продукцию воюющим сторонам и не занимается военным производством¹⁴. На третий год конфликта беспилотники 7 остаются не единственными дронами, используемыми в зоне боевых действий, однако остаются наиболее массовыми среди коммерческих беспилотных аппаратов.

Модификация программного обеспечения аппаратов расширила оперативнотактические возможности аппаратов, что позволяет применять их для двух типов задач.

1. Разведывательные задачи: вести разведку местности на расстоянии до 10 км, отслеживать перемещение техники и живой силы, выявлять расположение укреплений и позиций противника, а также наводить и корректировать удары тяжелыми вооружениями. Таким образом, коммерческие дроны стали выполнять функции,

¹³ Осипов А. Миллиарды на дронах. 10.01.2023 // Ведомости: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/01/10/958422-milliardi-na-dronah> (дата обращения: 15.02.2025).

¹⁴ DJI Has Always Opposed Combat Use of Civilian Drones and is not a “Chinese Military Company”. 03.11.2022 // DJI: [сайт]. URL: <https://www.dji.com/newsroom/news/dji-has-always-opposed-combat-use-of-civilian-drones-and-is-not-a-chinese-military-company> (дата обращения: 28.02.2025).

аналогичные специализированным военным беспилотникам, хотя и уступают им по дальности и продолжительности полета.

2. Нанесение ударов: при оснащении системами автоматического сброса, коммерческие дроны превратились в ударные средства доставки. Такие системы представляют собой отдельный модуль, позволяющий крепить боеприпасы к беспилотнику. Стоимость таких модулей невелика, многие из них изготавливаются на 3D-принтерах, что делает их производство экономически доступным и, как следствие, массовым. Система сброса зачастую программируется таким образом, что боеприпас сбрасывается при включении функции нижней подсветки квадрокоптера. Так, после множества видео применения дронов в целях поражения противника, выражение «нижняя подсветка включена» стала аналогом команды «огонь» для нанесения удара. Однако грузоподъемность подобного вида дронов ограничена, как правило, не превышая 700 г, что существенно ограничивает выбор боеприпасов.

На сегодняшний день отсутствуют специализированные боеприпасы для легких квадрокоптеров, поэтому используются адаптированные образцы, включая ручные гранаты, осколочно-фугасные гранаты и выстрелы для автоматических гранатометов. Подобные средства поражения не способны уничтожить тяжелую технику единичным ударом. Однако способность наносить высокоточные удары продемонстрировало парадоксальное сочетание: коммерческие БПЛА могут атаковать те части танков и другой бронетехники, которые считались наименее уязвимыми для противотанковых ракет и мин, и, следовательно, не требовали усиленной защиты. Кроме того, коммерческие дроны эффективно сочетают функции обнаружения цели и нанесения ударов. Их малая заметность на поле боя обеспечивает эффект внезапности, что усиливает их тактическое воздействие. Это обстоятельство существенно меняет тактику действий на линии соприкосновения и в ближнем тылу противоборствующих сторон. Дроны препятствуют скоплению техники и личного состава [12, с. 82], требуют изменений в организации обороны, как, например, повышение уровня маскировки временных и постоянных пунктов дислокации.

Коммерческие БПЛА с функцией сброса проявили свою эффективность и в других конфликтах. Например, в октябре 2023 г. боевики группировки ХАМАС, используя дроны с системами сброса, смогли успешно атаковать израильские укрепления. Эти аппараты вывели из строя пулеметные вышки, системы связи и нанесли потери личному составу, что сыграло важную роль в обеспечении их прорыва [12, с. 84]. Этот пример демонстрирует, как доступные коммерческие технологии могут оказывать значительное влияние даже в конфликтах высокой интенсивности. Позднее в сети появились видеоматериалы, демонстрирующие поражение израильского танка Merkava Mk3. Гражданский беспилотный аппарат с помощью сброса гранаты от РПГ-7 советского производства поразил заднюю часть башни танка – место, где расположены боеприпасы¹⁵.

Применение коммерческих дронов в данном контексте демонстрирует, как простые и доступные средства могут стать эффективным инструментом в борьбе против сложных и дорогостоящих образцов военной техники. После значительных

¹⁵ Malysov, D. Hamas Drone Strike Israeli Merkava Tank. 20.10.2023 //Defence blog: [сайт]. <https://defence-blog.com/hamas-drone-strikes-israeli-merkava-tank/> (дата обращения: 21.02.2025).

потерь израильская армия начала применять меры защиты тяжелой военной техники, аналогичные тем, что использовались в зоне СВО с первого года конфликта. В частности, танки и бронетехнику стали усиливать дополнительными металлическими конструкциями на башни и устанавливать стальные бронезщиты на боковые части машин. Кроме того, были внесены изменения в тактику передвижения боевых колонн. По примеру вооруженного конфликта на Украине, отказ от передвижения крупными колоннами и массовых построений личного состава стал необходимостью, так как такие цели становились практически неизбежно уязвимыми для ударов с воздуха. Подобные адаптации подчеркнули изменяющуюся роль беспилотных систем на поле боя и необходимость пересмотра традиционных подходов к организации военных операций.

FPV-дроны

С эскалацией конфликта увеличивалась и номенклатура применяемых беспилотных вооружений. В апреле 2022 г. стало известно о поставках американских легких барражирующих дронов-камикадзе Switchblade 300 в количестве 100 единиц¹⁶. Эти аппараты предназначены для точечных ударов по живой силе и легкой технике противника, обладая компактными размерами, высокой маневренностью и возможностью нанесения ударов с большой точностью. К маю 2023 г. количество поставленных Switchblade 300 и Switchblade 600 суммарно достигло 1000 штук¹⁷. С учетом того, что протяженность линии фронта составляет около двух тысяч километров, влияние аппаратов Switchblade было ограниченным. Однако сама технология легких дронов-камикадзе получила дальнейшее развитие и снова на базе гражданских беспилотных аппаратов.

Одной из таких технологий стали FPV-дроны (First Person View – «вид от первого лица»). Ранее эта категория беспилотников применялась преимущественно в сфере аэросъемки и гоночных соревнований благодаря их малому весу, высокой маневренности и скорости, достигающей порядка 150–200 км/ч. Что представляет FPV-дрон? Это, первое, сам беспилотник, состоящий из устойчивой рамы, на которую закреплены полетный контроллер, мотор, пропеллеры, антенна радио и видео сигнала, источник питания и камера. Второе – пульт радиоуправления, передающий сигнал на сам БПЛА. Третье – это FPV-очки, шлем или любой другой экран, принимающие и записывающий видеосигнал в реальном времени с камеры, закрепленной на БПЛА. Комплектуемые для FPV-дронов массово производятся частными предприятиями в Китае и широко закупаются обеими сторонами конфликта. Простота конструкции обеспечивает два ключевых преимущества: FPV-дроны существенно дешевле вышеописанных коммерческих аппаратов DJI, а конструкция позволяет организовать их производство быстро и без необходимости привлечения военно-промышленных мощностей.

Немаловажным преимуществом FPV-дронов является способность летать на различных радиочастотах, что значительно затрудняет противодействие средствами

¹⁶ США отправили первые 100 дронов-камикадзе Switchblade на Украину/ 06.04.2022 // Коммерсантъ: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5295097> (дата обращения: 23.02.2025).

¹⁷ Производство основных систем вооружения в странах Запада до и после февраля 2022 г. Аналитический доклад. Центр анализа стратегий и технологий (ЦАСТ), 2024. 66 с. [эл. доступ]. URL: https://cast.ru/Fog_pdf/Доклад_ЦАСТ_2024.pdf (дата обращения: 10.12.2024).

радиоэлектронной борьбы. Хотя камеры на этих дронах обычно передают аналоговый сигнал, что ограничивает дальность и снижает качество видео, но повышает устойчивость к искусственным помехам. Для решения проблемы ограниченности радиосигнала на дальность полета может использоваться еще один БПЛА-ретранслятор с установленными антеннами, расширяя зону передачи радиосигнала. Фактически, в процессе конфликта появилась новая комплексная дистанционная разведывательно-ударная система, включающая в себя аэроразведку, ретранслятор сигнала и ударный комплекс. Скорость, аэродинамичность, простота конструкции обеспечили применение FPV-дронов обеими сторонами конфликта как по всем направлениям боевых действий, так и за его пределами в диверсионных операциях.

Организации, занимающиеся мониторингом конфликта посредством разведки по открытым источникам, продолжают вести подсчеты применения военных беспилотников промышленного производства, таких как Ланцет¹⁸. Подсчет применения FPV-дронов на сегодняшний день представляется крайне сложной задачей, если не невозможной. Во многом это связано с несколькими факторами: отсутствием единого учета запускаемых аппаратов, использованием самодельных устройств и локальной сборкой дронов, также и невозможностью получения достоверной информации из зон боевых действий. Стоит отметить, объективные данные, например, о проценте поражений военной техники от общего объема применяемых БПЛА-камикадзе, на данный момент отсутствуют. Это создает значительные трудности для анализа эффективности таких аппаратов и их роли в современных конфликтах.

Таким образом, опыт применения беспилотных аппаратов в конфликтах на Ближнем Востоке, во Второй войне в Карабахе в 2020 г. продемонстрировал, как новый тип оружия существенно изменил ход конфликта. Массовое внедрение недорогих гражданских БПЛА сделало высокотехнологичный конфликт доступнее для негосударственных акторов, нивелируя традиционное превосходство регулярных армий. При этом, специальная военная операция на Украине стала, возможно, первым симметричным конфликтом с массовым применением беспилотных авиационных технологий обеими сторонами конфликта. Беспилотные аппараты стали универсальным и неотъемлемым инструментом ведения войны. Ключевым преимуществом военных от гражданских БПЛА, стала их доступность, скорость адаптации на поле боя и последующая модификация под новые тактические задачи. Но при всей инновационности нового типа борьбы, изменения, привнесенные в тактику ведения конфликта, носят скорее эволюционный, а не революционный характер. Можно предполагать, что беспилотные технологии продолжат развиваться, не теряя экономической доступности, и далее расширяя область применения на поле боя. Это, в свою очередь, окажет существенное влияние на всю систему международной безопасности. Как следствие, потребуется пересмотр ранее выдвинутых концепций «трансформации войны» и «новых войн» и в последующем, изменений военных концепций и стратегий безопасности государств.

¹⁸ Применение барражирующих боеприпасов "Ланцет" в зоне СВО // LOSTARMOUR. Потери военной техники в локальных конфликтах XXI века: [сайт]. URL: <https://lostarmour.info/tags/lancet> (дата обращения: 20.12.2024).

Дискуссия

Беспилотные технологии на поле боя: pro et contra

Беспилотные летательные аппараты внесли существенные изменения в современное поле боя, демонстрируя потенциал как в тактическом, так и в оперативном аспектах. Специальная военная операция стала полигоном для широкого применения дронов, а их массовое использование вызвало ряд вопросов.

1. Роль боеприпасов в эффективности БПЛА

При всей новизне гражданских и военных БПЛА они остаются средствами доставки, требующими боеприпасов. Специальный снаряд для беспилотных аппаратов не разработан, и пока сложно говорить, какой он мог бы быть. На сегодня, наиболее часто используются снаряды для ручных противотанковых гранатометов образца 1961 г., что, конечно, по поражающей способности, не может сравниться с тяжелыми вооружениями. Но, с другой стороны, за счет видеосигнала точность попадания повышается кратно. Как и прежде, боеприпас требуется произвести или иметь возможность купить, доставить в зону конфликта, передать военным, обученным с ним обращаться, что невозможно сделать без отлаженных процессов на уровне государства. Без этих составляющих, традиционных для любого вооруженного конфликта, потенциал любого инновационного вооружения, каким сейчас выступают БПЛА, снижается.

2. Экономическая доступность и ограничения

Несомненным преимуществом дронов является их экономическая доступность. Даже если на уничтожение одной единицы тяжелой техники требуется несколько БПЛА, их стоимость существенно ниже цены атакуемого объекта. Но экономичность квадрокоптеров отчасти нивелируется, во-первых, сложностью подготовки операторов БПЛА, во-вторых, уязвимостью расчетов операторов в момент выполнения боевых задач. На сегодняшний день только небольшое количество образовательных учреждений ведут подготовку инженеров беспилотной авиации. По большей части этим занимаются или коммерческие образовательные центры, или волонтерские проекты по подготовке расчетов управления БПЛА. Сложность при подготовке операторов и техников БПЛА еще и в том, что беспилотные технологии меняются и усложняются с высокой скоростью в момент самого конфликта. В 2024 г., к примеру, российские разработчики создали дроны с управлением посредством волоконно-оптического кабеля, устойчивые к помехам РЭБ¹⁹, что потребовало новых навыков управления беспилотной машиной даже у операторов с большим опытом. В любом случае, подготовка оператора небыстрый процесс, требующий специального летательного оснащения, полигонов и компьютерных симуляторов полетов, а главное, обученных инструкторов. На протяжении длительного времени рассуждали о дистанционной или бесконтактной войне [13, с. 89], предполагая, что войны будут вестись высокоточным оружием, с широким спектром разведывательно-ударных систем, в том числе дистанционного управления, что обеспечивает безопасность для военных, управляющих этими системами. Специальная военная операция показала,

¹⁹ Российские FPV-дроны перешли на новый способ управления. 09.03.2024 // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2024/03/09/rossijskie-fpv-drony-pereshli-na-novuj-sposob-upravleniia.html> (дата обращения: 19.01.2025).

что одни из самых уязвимых на поле боя – это расчеты операторов БПЛА. Современные способы радиоэлектронной разведки позволяют обнаруживать место запуска и управления беспилотных аппаратов, оперативно передавать информацию и наносить удары по переданным координатам. Угроза контрудара, учитывая насыщенность обеих сторон конфликта всеми видами «классических» вооружений, практически неминуема. Радиоэлектронная борьба и радиоэлектронная разведка, хотя и отстает от средств беспилотного поражения, как и всегда было в борьбе «щита и меча», так или иначе РЭБ позволяет наносить урон беспилотным аппаратам, дезориентируя сигнал или управления, или передачи видео, что приводит к потерям самого аппарата и создает угрозу операторам. Таким образом, дешевизна дронов частично нивелируется затратами на обучение личного состава и их уязвимостью.

3. Искажение восприятия эффективности

Многочисленные видео успешных ударов БПЛА создают впечатление об их высокой эффективности. Однако не учитываются потери БПЛА при их применении, ошибках пилотирования или промахи, записи с таких аппаратов не попадают в СМИ и социальные сети. Привычные виды вооружений из-за отсутствия видео- и фотофиксаций выносятся за скобки, несмотря на их не менее эффективное применение. В этом контексте можно вспомнить еще одну историческую аналогию – бои при Монсе в Первую мировую войну: в ходе сражения солдаты британского экспедиционного корпуса, которые имели очень высокий уровень стрелковой подготовки, полагали, что наносят наступающей немецкой пехоте высокие потери. Как показали поздние исследования, британцы просто не знали, что немецкие пехотинцы были обучены перемещаться перебежками. Перебежка, заканчивающаяся падением немецкого солдата, английские стрелки воспринимали как попадание по врагу. В результате армия Британии заявляла о результативном стрелковом бое и высоких потерях немецкой армии, когда в реальности потери были невелики [14, с. 214]. Подобные заключения, основанные исключительно на визуальном восприятии, зачастую обманчивы, что в условиях вооруженных конфликтов непозволительно. Потому утверждать, что СВО стала войной беспилотных аппаратов – отчасти когнитивное искажение.

Но большое количество видео применения БПЛА стало революционным в информационном противостоянии сторон. Впервые в истории войн и конфликтов можно наблюдать непосредственный момент поражения техники и живой силы, что нашло широкое применение в пропагандистских и агитационных целях. Что, в свою очередь, создает широкие возможности для манипуляций и формирования нужного нарратива у гражданского населения.

4. Изменение управления войсками

Распространение БПЛА потребовало иного подхода управления войсками. Практически каждый взвод получил возможности разведки, нанесения ударов, которые ранее были доступны как минимум на батальонном уровне. Если ранее БПЛА типа «Орлан» были на бригадном уровне, а разведывательная информация передавалась ниже, то сейчас командиры взводов могут самостоятельно наблюдать линию фронта в значительном удалении и принимать решения о нанесении ударов самостоятельно. Таким образом, беспилотные летательные аппараты внедряют в

современный конфликт сетцентричные принципы ведения войны, о которых говорили военные теоретики на протяжении 1990–2010 гг. [15, с. 489].

Отдельная тема связана с вопросом выделения беспилотных сил в самостоятельный род войск. По такому пути пошла Украина, в начале 2024 г., создав Силы беспилотных систем в составе своих вооруженных сил²⁰, мотивируя необходимостью систематизации опыта работы с БПЛА, подготовки специалистов и комплектации специальных подразделений. В Вооруженных силах России войска беспилотных систем будут сформированы до конца 2025 г.²¹. Подобное решение имеет как свои преимущества, так и дискуссионный аспект. Действительно, немало случаев, когда подготовленных операторов беспилотных аппаратов направляли в любые прочие войска, не имеющие отношения к беспилотным системам вооружения только потому, что в армейской структуре не была широко распространена такая военно-учетная специальность, как оператор БПЛА, что с организацией нового рода войск, вероятно, решит эту проблему. С другой стороны, эффективное применение БПЛА показывают в комплексе с прочими родами войск, такими как артиллерия, мотострелковые, противовоздушной обороны и проч. Учитывая вышеописанный вопрос с отсутствием специальных снарядов для беспилотных аппаратов, и зависимость от коммерческих БПЛА иностранного производства, возможно, преждевременно делать однозначные выводы о месте в армейской системе сил беспилотной авиации.

5. Роль Китая и глобальная зависимость от технологий

Значение Китая в этом конфликте, несмотря на официальную дистанцированность, сложно переоценить²². Подавляющее число коммерческих беспилотных летательных аппаратов, используемых на поле боя, имеют или прямое китайское происхождение, или собраны в России, или на Украине из комплектующих, произведенных в Китае. Очевидна роль Евроатлантических стран в поставках вооружений Украине, но фактически не учитывается зависимость от Китая обеих сторон конфликта. Политическое руководство Китая неоднократно обвиняли в поставках в Россию оружия и товаров двойного назначения, что опровергалось руководством обеих стран. При этом доступ к рынку технологий Китая для Украины у США и европейских стран возражений не вызывал. Китай, в ответ на обвинения, вводит ограничения на экспорт БПЛА и комплектующих к ним²³, что, конечно, затрудняет их покупку и доставку. Учитывая, что производители и продавцы – это частные китайские компании, не имеющие отношения к военно-промышленному комплексу или к прочим государственным структурам, не смогло отменить экспорт

²⁰ В составе ВСУ создадут Силы беспилотных систем. 06.02.2024 // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19915247> (дата обращения: 15.02.2025).

²¹ Белоусов: В ВС РФ сформируют войска беспилотных систем, они появятся в 2025 году. 16.12.2024 // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2024/12/16/belousov-v-vs-rf-sformiruiut-vojska-bespilotnyh-sistem-oni-poiaviatsia-v-2025-godu.html> (дата обращения: 12.02.2025).

²² Greenwood, F. The Drone War in Ukraine Is Cheap, Deadly, and Made in China. 16.02.2023 // Foreign Policy: [сайт]. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/02/16/ukraine-russia-war-drone-warfare-china/> (дата обращения: 16.12.2024).

²³ Китай расширил ограничения на экспорт беспилотников. 31.07.2024 // Газета.ru: [сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/07/31/23580427.shtml> (дата обращения: 15.02.2025).

БПЛА совсем. Но создавшаяся зависимость от одной страны в критически важных комплектующих, демонстрирует ненадежность подобной стратегии. Вопрос импортозамещения и организации массового производства беспилотных аппаратов и комплектующих к ним стоит остро [6, с. 193].

Заключение

Обобщая далеко не исчерпывающие характеристики нового вида вооружений, можно заключить следующее. БПЛА внесли качественные изменения в тактику и стратегию боевых действий. Беспилотные технологии распространились отнюдь не в ходе проведения СВО, а скорее несколько десятилетий назад, в асимметричных конфликтах с участием США, многолетнего лидера военной беспилотной авиации. После 2022 г. произошла нетипичная для военной промышленности ситуация. Если зачастую военные технологии адаптировались для гражданского применения, то в случае с массовой беспилотной авиацией произошло обратное – гражданские беспилотные аппараты стали катализатором изменений военно-промышленного комплекса. Впервые в военной истории устройство, созданное для коммерческих целей, было быстро адаптировано для военных, стало тактическим инструментом наблюдения, нанесения удара и важнейшим проводником информационной борьбы.

Массовые, недорогие, легкие в сборке и транспортировке летательные аппараты вынуждают конструировать дополнительную динамическую защиту для тяжелой колесной и гусеничной техники, побуждая меняться военную технику с почти вековым опытом боевого применения, но при этом, не отменяя ее совсем. Представляется поспешным вывод о радикальном изменении способов ведения войны и списании отдельных видов боевой техники. Тем более, описанные наблюдения иллюстрируют поспешность сравнения текущего конфликта с Синопским сражением.

Немаловажная заслуга БПЛА еще и в том, что зона конфликта и даже отчасти ближний тыл стали практически прозрачными. Ни одна высокоточная оптика или подробная карта местности не сравнится с беспилотным летательным аппаратом с видеокамерой и тепловизором, передающий видеосигнал в режиме реального времени. Но, как и любая другая разведывательная информация, не может существовать сама по себе. При получении разведывательных сведений в режиме реального времени, особенно возрастает необходимость других военных подразделений, как связь, авиация и артиллерия. Другая сторона подобной прозрачности – повышенная уязвимость гражданского населения перед БПЛА. На сегодняшний момент боевая беспилотная авиация не имеет международно-правового регулирования и не упоминается в гуманитарном праве, тем самым создавая некоторый правовой вакуум. Не смотря на возможность видео фиксаций, дроны все чаще относят к оружию неизбирательного характера. На сегодняшний день, абсолютное большинство ранений всех участников боевых действий связано с воздействием ударных БПЛА [16, с. 7]. Беспилотные технологии позволяют проводить атаки далеко за пределами зоны конфликта, в этом случае, жертв среди некомпатантов сложно избежать [17, с. 106].

Специальная военная операция показывает, что этап однополярности международных отношений, которому были свойственны асимметричные конфликты малой интенсивности, уходит. На смену возвращается высокоинтенсивный

вооруженный конфликт с участием регулярных армий. Конфликт сочетает передовые технологии XXI века, новейшие разработки беспилотной авиации, с острой потребностью боеприпасов образца середины XX века. Как и прежде, война остается сложным многоуровневым процессом, требующим слаженности и синхронизации как всех родов войск, так и тыла. Полагаться на отдельную военную инновацию в столь сложном процессе может быть ошибочным. В этой связи, БПЛА пока остаются дополнением к классическим средствам вооружения, а не их заменой.

Новые технологии, появившиеся в ходе СВО, уже стали объектом наблюдения и изучения стратегического потенциала военной беспилотной авиации многими военными развитыми странами мира. Свидетельством этого служат как описанные выше ситуативные меры по защите танков армией Израиля в октябре 2023 г., так и пересмотр военных стратегий, с учетом использования коммерческих дронов, отдельными недружественными России государствами²⁴.

В полной мере справедливо и негласное правило о том, что во всех войнах и конфликтах новейшего времени впервые примененное оружие доминирует в последующих войнах. Возможно, и конфликты на Ближнем Востоке и Украине не станут исключением и оставят не только след в истории, но и определяют понимание боевых действий на десятилетия вперед.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клаузевиц К. О войне. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1937. Т. 1. 438 с.
2. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. перевода А. Смирнов, В. Софронов. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с.
3. Кревельд М. ван. Трансформация войны / пер. с англ. Ю. Кузнецов. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.
4. Барабанов О.Н. Война и недоверие к власти в России. На примере Первой мировой войны // Свободная мысль. 2023. № 1. С. 5–16. [эл. доступ]. URL: <http://www.svom.info/entry/1274-vojna-i-nedoverie-k-vlasti-v-rossii-na-primere-per/> (дата обращения: 19.02.2025).
5. Mack, A. Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict // World Politics. 1975. Vol. 27. Iss. 2. P. 175–200. <https://doi.org/10.2307/2009880>.
6. Барабанов М.С., Велимамедов М.С., Денисенцев С.А. [и др.]. Война среди стен / под. ред. А.В. Лаврова, Р.Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2023. 320 с.
7. Барабанов М.С., Брутер В.И., Денисенцев С.А. [и др.]. У края / под. ред. А.В. Лаврова, Р.Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2025. 272 с.
8. Reis Peron A.E. dos, Brito Dias R. de. 'No Boots on The Ground': Reflections on The US Drone Campaign Through Virtuous War and STS Theory // Contexto Internacional. 2018. Vol. 40 (1). P. 53–71. <https://doi.org/10.1590/S0102-8529.2017400100003>.
9. Шамаю Г. Теория дрона / пер. с англ. Е. Блинова. М.: Ad Marginem Press, 2020. 280 с. [эл. доступ]. URL: <https://www.klex.ru/viy> (дата обращения: 28.02.2025).
10. Барри Д., Дерлугьян Г.М., Искандарян А.М. [и др.] Буря на Кавказе / под. ред. Р.Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021. 128 с.
11. Гузаеров Р.И. Военно-техническое сотрудничество Азербайджана и Израиля // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 6. С. 627–634. [эл. доступ]. URL: <https://www.postussr.org/journals/202206.pdf> (дата обращения: 19.02.2025).

²⁴ Defence Drone Strategy – the UK's approach to Defence Uncrewed Systems. 22.02.2024 // Ministry of Defence: [сайт]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/defence-drone-strategy-the-uks-approach-to-defence-uncrewed-systems> (дата обращения: 27.02.2025).

12. Гонта С.Н. «Гражданские» квадрокоптеры (дроны) и их роль в современных военных конфликтах // Национальная безопасность / nota bene. 2023. № 6. С. 78–90. <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2023.6.69317>.
13. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Современная военная стратегия. М.: Аспект Пресс, 2014. 272 с.
14. Хейстингс М. Первая мировая война. Катастрофа 1914 года / пер. с англ. М.Н. Десятова. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 602 с.
15. Требин М.П. Войны XXI века. М.: АСТ, 2005. 602 с.
16. Касимов Р.Р., Хежев М.А., Самохвалов И.М., Завражнов А.А., Махновский А.И., Коваленко С.А., Исинов А.Э., Самуйленко А.В., Парамонов В.В., Болсуновский А.А., Просветов В.А., Школьников В.В. Структура боевой хирургической травмы и особенности оказания хирургической помощи в передовых медицинских группах в неактивную фазу боевых действий // Военно-медицинский журнал. 2025. Т. 346. № 3. С. 4–13.
17. Бурукина О.А. Понятие, виды БПЛА и их соответствие международному гуманитарному праву // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7. № 6А. С. 101–110. [эл. доступ]. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2018-6/12-burukina.pdf> (дата обращения: 10.12.2024).

REFERENCE

1. Clausewitz K. O voine [On War]. Moscow: Gosudarstvennoe voennoe izdatelstvo Narkomata oborony Soyuza [SSR State Military Publishing House of the People's Commissariat of Defense of the USSR], 1937. Vol. 1. 438 p. (In Russian).
2. Kaldor, M. New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era. Translated from English by A. Apollonov, M. Dondukovsky; ed. by A. Smirnov, V. Sofronov. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2015. 416 p. (In Russian).
3. Crevelde, M. van. The Transformation of War. Translated from English by Yu. Kuznetsov. Moscow: Alpina Publisher, 2005. 344 p. (In Russian).
4. Barabanov O.N. War and Mistrust to Authority in Russia. On an Example of the First World War. *Free Thought*. 2023. No. 1. P. 5–16. Available at <http://www.svom.info/entry/1274-vojna-i-nedoverie-k-vlasti-v-rossii-na-primere-per/> (accessed: 19.02.2025). (In Russian).
5. Mack, A. Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict. *World Politics*. 1975. Vol. 27. Iss. 2. P. 175–200. <https://doi.org/10.2307/2009880>.
6. Barabanov M.S., Velimamedov M.S., Denisentsev S.A. [et al.]. Voyna sredi sten [The War Among the Walls]. Ed. by A.V. Lavrov, R.N. Puhov. Moscow: Center for Analysis of Strategies and Technologies, 2023. 320 p.
7. Barabanov M.S., Bruter V.I., Denisentsev S.A. [et al.]. U Kraya [At the Edge]. Ed. by A.V. Lavrov, R.N. Puhov. Moscow: Center for Analysis of Strategies and Technologies, 2025. 272 p. (In Russian).
8. Reis Peron A.E. dos, Brito Dias R. de. ‘No Boots on The Ground’: Reflections on The US Drone Campaign Through Virtuous War and STS Theory. *Contexto Internacional*. 2018. Vol. 40 (1). P. 53–71. <https://doi.org/10.1590/S0102-8529.2017400100003>.
9. Shamayu G. Teoriya Drona [Drone Theory]. Translated from English by E. Blinova. Moscow: Ad Marginem Press, 2020. 280 p. Available at <https://www.klex.ru/viy> (accessed: 28.02.2025) (In Russian).
10. Barry D., Derlugyan G.M., Iskandaryan A.M. [et al.]. Burya na Kavkaze [The Storm in the Caucasus]. Ed. by R.N. Puhov. Moscow: Center for Analysis of Strategies and Technologies, 2021. 128 p. (In Russian).
11. Guzaerov R.I. Military-Technical Cooperation between Azerbaijan and Israel. *Post-Soviet Studies*. 2022. Vol. 5. No. 6. P. 627–634. Available at <https://www.postussr.org/journals/202206.pdf> (In Russian). <https://www.postussr.org/journals/202206.pdf> (accessed: 19.02.2025).
12. Gonta S.N. “Civilian” Quadcopters (Drones) and Their Role in Modern Military Conflicts. *National Security / Nota Bene*. 2023. No. 6. P. 78–90. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2023.6.69317>.
13. Konyshov V.N., Sergunin A.A. Sovremennaya voyennaya strategiya [Modern Military Strategy]. Moscow: Aspect Press, 2014. 272 p. (In Russian).

14. Hastings, M. Catastrophe 1914: Europe Goes to War. Translated from English by M.N. Desyatova. Moscow: Alpina non-fiction, 2014. 602 p. (In Russian).
15. Trebin M.P. Voyny XXI veka [Wars of the XXI Century]. Moscow: AST, 2005. 602 p. (In Russian).
16. Kasimov R.R., Khezhev M.A., Samokhvalov I.M., Zavrazhnov A.A., Makhnovsky A.I., Kovalenko S.A., Isinov A.E., Samuylenko A.V., Paramonov V.V., Bolsunovsky A.A., Prosvetov V.A., Shkolnikov V.V. The Structure of Combat Surgical Trauma and the Specifics of Providing Surgical Care in Advanced Medical Groups During the Inactive Phase of Combat Operations. *Military Medical Journal*. 2025. vol. 346. no. 3. p. 4–13. (In Russian).
17. Burukina O.A. The Notion, Types of UAVs and Their Compliance to International Humanitarian Law. *Theories and Problems of Political Studies*. 2018. Vol. 7. Iss. 6A. P. 101–110. Available at <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2018-6/12-burukina.pdf> (accessed: 10.12.2024). (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Барabanov Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора Евразийского учебного института; Московский государственный институт международных отношений МИД России.

E-mail: esi@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-7825-1147

Наумова Евгения Валерьевна – соискатель кафедры мировых политических процессов; Московский государственный институт международных отношений МИД России.

E-mail: ev.naumova@my.mgimo.ru

ORCID: 0009-0005-1275-4883

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Barabanov Oleg N. – Doctor in Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Eurasian Study Institute; Moscow State Institute of International Relations MFA of Russia.

E-mail: esi@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-7825-1147

Naumova Evgenia V. – Applicant for the Department of World Political Processes; Moscow State Institute of International Relations MFA of Russia.

E-mail: ev.naumova@my.mgimo.ru

ORCID: 0009-0005-1275-4883

The authors confirm that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025.

Одобрена после рецензирования 14.04.2025.

Принята 22.04.2025.

Received 03.03.2025.

Approved after reviewing 14.04.2025.

Accepted 22.04.2025.

научная статья / research article

УДК: 930+355.48

EDN: [NDCAGI](#)

DOI: [10.48612/RG/RGW.28.2.4](#)

Научная специальность ВАК:
5.6.1. Отечественная история

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](#)

Деятельность военно-цензурного отдела Ставки Верховного главнокомандующего Вооруженными силами России в 1915–1918 гг.

Цумарева Елена Петровна

Белорусско-Российский университет, Могилев, Республика Беларусь
 tsumarava.alena@gmail.com

Аннотация

Введение. Исследование посвящено малоизученному аспекту Первой мировой войны – деятельности военной цензуры на территории Беларуси, где находилась Ставка Верховного главнокомандующего. Актуальность темы обусловлена значением цензуры в годы Первой мировой войны и ее влиянием на формирование информационной политики государства и общественного мнения. Особое внимание уделяется роли Ставки Верховного главнокомандующего Вооруженными силами России как центра аккумуляции и распространения информации о военных действиях. Новизну исследования определяет изучение цензуры как составной части информационной политики, особенности функционирования военной цензуры при Ставке Верховного главнокомандующего, располагавшейся в г. Могилеве.

Материалы и методы. Основой исследования послужили архивные материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), включая отчеты цензоров, мемуары и законодательные акты. Применялись системный анализ, историко-критический метод и метод типологии для структурирования функций цензуры и выявления особенностей ее работы.

Результаты. Выявлены основные направления деятельности военной цензуры: охранительная, информационная, идеологическая и контролирующая. Установлено, что цензура играла ключевую роль в подготовке общественного мнения к военным неудачам и в формировании официальной повестки Первой мировой войны. Однако жесткие запреты привели к росту недоверия населения к власти, распространению слухов и социальной напряженности.

Обсуждение. Полученные данные показывают, что цензура, будучи инструментом контроля, часто становилась источником противоречий между военными властями, гражданскими органами управления и обществом в начале XX в. Примеры из практики демонстрируют непоследовательность решений и их запоздалый характер, что усугубляло кризисные явления.

Заключение. Деятельность военной цензуры на территории Беларуси во время Первой мировой войны оказала значительное влияние на формирование общественного мнения и взаимоотношения власти с населением. Результаты исследования подчеркивают

необходимость дальнейшего изучения региональных аспектов цензуры для понимания ее роли в историческом процессе.

Ключевые слова: военная цензура; информационная политика; Первая мировая война; Ставка Верховного главнокомандующего; Беларусь

Для цитирования: Цумарева Е.П. Деятельность военно-цензурного отдела Ставки Верховного главнокомандующего Вооруженными силами России в 1915–1918 гг. // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 2. С. 55–69. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.4

© Цумарева Е.П., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Activities of the Military Censorship Department at the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief of the Russian Armed Forces in 1915–1918

Alena P. Tsumarava

Belarusian-Russian University, Mogilev, Republic of Belarus
 tsumarava.alena@gmail.com

Abstract

Introduction. This study focuses on an understudied aspect of the First World War – the activities of military censorship in Belarus, where the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief was located. The relevance of the topic is determined by the importance of censorship during the war and its influence on the formation of state information policy and public opinion. Particular attention is paid to the role of the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief as a center for collecting and disseminating information about military operations. The novelty of the research lies in examining censorship as an integral part of information policy with emphasis on the specific functioning of military censorship under the Headquarters based in Mogilev.

Materials and Methods. The study is based on archival materials from the Russian State Military Historical Archive (RGVIA) and the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), including censor reports, memoris, and legislative acts. Systematic analysis, historical-critical method and typologization were applied to structure the functions of censorship and identify the peculiarities of its operation.

Results. The main directions of military censorship were identified: protective, informational, ideological and controlling. It was established that censorship played a key role in preparing public opinion for military defeats and in shaping the official agenda of the First World War. However, strict prohibitions led to increased public distrust toward authorities, the spread of rumors and growing social tension.

Discussion. The findings show that censorship, while serving as a tool of control, often became a source of contradictions between military authorities, civil administration and society in the early XX-th century. Examples from practice demonstrate inconsistency and delays in decision-making, which exacerbated crisis phenomena.

Conclusion. The activities of military censorship in Belarus during the First World War had a significant impact on the formation of public opinion and the relationship between the authorities and the population. The results highlight the need for further research into regional aspects of censorship in order to better understand its role in the historical process.

Keywords: military censorship; information policy; First World War; Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief; Belarus

For citation: Tsumarava, A.P. Activities of the Military Censorship Department at the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief of the Russian Armed Forces in 1915–1918. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 2. P. 55–69. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.4

© Tsumarava, A.P., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Со времени начала Первой мировой войны прошло 110 лет, но некоторые ее аспекты до сих пор остаются малоизученными. Тема цензуры, её деятельность и роль в военных событиях того времени являются актуальным направлением исследований. На территории Беларуси тоже шли боевые действия, и Ставка Верховного главнокомандующего с 21 августа 1915 г. находилась в Могилеве, являясь центром аккумуляции информации с фронта и единственным официальным источником сообщений о военных действиях для прессы и общества.

Анализ функционирования цензуры является важным аспектом в понимании проведения информационной политики, которую можно охарактеризовать как попытку мобилизации в области идеологии, информационной сферы воевавшего государства. Цензура во многом определяла взаимоотношения власти и общества, стремилась влиять на формирование настроений в армии, общественное мнение. Значение этих взаимосвязей исключительное, и их кризис во многом повлиял на рост в обществе недоверия к власти, что проявилось в событиях революций 1917 г.

В ходе исследования выявлены перспективные направления изучения истории цензуры в годы Первой мировой войны: анализ взаимоотношений военной и гражданской цензуры, интерпретация боевых столкновений на территории Беларуси в сообщениях для прессы всей империи, а также информирование военной цензурой органов власти о настроениях солдат на линии фронта.

Анализ историографии вопроса показал, что в лучшей степени в сфере цензуры изучено общероссийское законодательство: перечень запрещённых тем, ужесточение запрета на печать любой информации о ситуации на линии фронта [1, с. 29–32]. Так, историк И. К. Богомолов проанализировал законодательство в сфере цензуры и особое внимание уделил пунктам запретительного характера, дебатам в Государственной думе о полномочиях военных цензоров [2]. В публикациях Н. Г. Патрушевой, Н. А. Гринченко о деятельности военной цензуры исследованы общероссийские проблемы, характерные для контроля органов власти за соблюдением военных тайн [3], описана и проанализирована система цензурного досмотра [4]. Широкий круг публикаций историков посвящён вопросу перлюстрации писем с фронта и выделению тем, запрещённых к обсуждению в приватной переписке.

Отметим, что среди регионов Российской империи, наиболее изученной является деятельность военной цензуры в Одесском, Омском, Казанском военных округах, в Финляндии [5; 6].

Историк печати В. Ф. Блохин в одной из статей уделил внимание исследованию военной цензуры в Минском военном округе и пришёл к выводу, что цензурный контроль за перепиской во многом носил номинальный характер [7, с. 39]. Автор считает, что основной целью перлюстрации было не допустить рост антивоенных настроений. Мы разделяем его мнение о том, что запретительная деятельность цензуры во многом использовалась левыми партиями для революционной пропаганды в войсках [7, с. 36–37].

Малоизученной темой является деятельность Бюро печати в 1915–1917 гг. В исследовании Д. Г. Гужва проанализированы данные о количестве штабных и армейских газет и типографий. На основании этого Д. Г. Гужва доказывает, что

деятельность Бюро печати была малоэффективной из-за отсутствия возможности объективно отображать военные события [8].

В изучении революционного процесса, развивавшегося в феврале-октябре 1917 г. А. А. Демичев и В. А. Илюхина показали, как буржуазно-демократические преобразования в сфере цензуры и печати, отказ от политической цензуры повлекли резкий рост публичной критики политики Временного правительства и способствовали распространению призывов к его свержению. Это происходило на фоне боевых действий и значительно повлияло на усугубление кризиса власти [9].

Польский историк М. Кулик описал структуру военной цензуры в сухопутной армии и на флоте. Такую задачу цензуры, как поиск и удаление информации военного значения, историк объяснил необходимостью предотвратить шпионаж и непреднамеренное раскрытие важной информации. Основное внимание исследователь уделил анализу сведений военной цензуры о событиях на польских землях [10].

Исследование публикаций о боевых действиях на территории Беларуси в годы Первой мировой войны представлено И. Р. Чикаловой [11]. Среди многих вопросов изучены оценки некоторых боёв на территории Беларуси, содержащиеся в воспоминаниях военного цензора М. Лемке [11]. Анализу функционирования Ставки ВГ в Могилеве в 1915–1917 гг. посвятил своё исследование Д. С. Лавринович [12]. Полезным для данной статьи также является представленное историком исследование воспоминаний генерал-квартирмейстеров Ю. Н. Данилова, А. С. Лукомского [12, с. 134].

И. В. Объедков сопоставил напечатанную в российских СМИ в 1915 г. информацию о боевых действиях и обосновал, что сообщения военной цензуры о боях за крепости Осовец, Ковно, Гродно, Брест-Литовск в 1915 г. были «противоречивыми, эмоциональными и отчаянными» [13]. О сдаче Бреста подавались ложные сведения, также утверждалось, что русским войскам не требовалось контролировать железнодорожную линию из Бреста. При этом корреспонденты и аудитория знали, что эта линия была единственной и важной [13, с. 95].

Автор предлагаемого исследования установила, что решение в 1914 г. о двойном просмотре гражданской и военной цензурой средств массовой информации воспринималось самими цензорами как «затрудняющее» работу, задерживало выход ежедневной прессы [14, с. 30].

Обзор историографии позволяет утверждать, что практически все направления деятельности военной цензуры на территории Беларуси недостаточно изучены и нуждаются в научной разработке. Поэтому цель предлагаемого исследования определяется как выявление и характеристика основных направлений деятельности и структуры военной цензуры в Ставке ВГ Вооружёнными силами России. Исследовательские вопросы предложены следующие: анализ внутренних и внешних факторов функционирования военной цензуры; структура и функции военной цензуры; направления цензурной деятельности Ставки ВГ и Бюро печати; механизм деятельности цензуры по созданию информации о боевых действиях для СМИ.

Методы и материалы

Новизна авторского подхода состоит в изучении цензуры не только как элемента политического контроля и естественной для военного времени охраны военной тайны, но и как составной части информационной политики.

Согласно методу системного анализа, военная цензура на территории Беларуси рассматривается как составляющая системы цензуры Российской империи со своими органами и взаимосвязями. Данный метод позволил рассмотреть Ставку ВГ как один из основных центров принятия решений в системе военной цензурной политики.

Функциональный подход позволил выявить элементы взаимодействия цензуры и органов власти и определить их развитие во взаимных связях, описать проявления управления общественным мнением. С применением дискурс-анализа рассмотрена и выявлена особенность информации, подвергшаяся цензурным ограничениям.

Историко-критический метод применяется в анализе отчётов военной цензуры, циркуляров, телеграмм, мемуаров и позволяет верифицировать достоверность данных. Использование метода типологизации помогает систематизировать функции цензуры.

С помощью историко-сравнительного метода выявлена специфика взаимоотношений как внутри цензурного аппарата, так и между военными властями, цензорами и корреспондентами.

В исследовании использованы следующие источники: законы и подзаконные акты, отчёты цензоров из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), мемуары военного цензора в Ставке Верховного главнокомандующего (далее – ВГ) М. Лемке и мемуары политического деятеля В. А. Друцкого-Соколинского, некоторое время исполнявшего обязанности цензора на посту вице-губернатора Могилёва. Многие материалы из фондов РГВИА, РГАЛИ вводятся в научный оборот впервые.

Результаты и их обсуждение

С первых дней Первой мировой войны территория Беларуси была объявлена на военном положении, а в СМИ была введена полная цензура.

Систему военной цензуры можно разделить на полную и частичную: полная существовала на театрах военных действий, частичная – в тылу. Военная цензура была предоставлена главнокомандующему или командующему отдельной армией в отношении подчиненных ему местностей, соответственно, цензура была сосредоточена в Ставке ВГ, которая с 8 (21) августа 1915 г. находилась в Могилеве [15, ст. 11]. В тылу военную цензуру осуществляли:

- 1) главная военно-цензурная комиссия при Главном управлении Генерального штаба (ГУ ГШ),
- 2) местные военно-цензурные комиссии,
- 3) военные цензоры [15, ст.13].

В Могилеве значительная роль в сфере цензуры местных газет принадлежала вице-губернатору. В Беларуси до 1917 г. продолжал функционировать ВВКпДП¹, который в июле 1915 г. был эвакуирован в Витебск [4].

Перемещение Ставки ВГ из Барановичей в Могилев 8 (21) августа 1915 г. имело стратегическое значение. Во-первых, Ставка ВГ находилась недалеко от линии фронта (в отличие от предложений разместить её в Калуге), что оказывало, среди прочего, позитивное идеологическое воздействие на войска и население. Во-вторых, появилась

¹ Виленский временный комитет по делам печати.

возможность организации стабильной работы отделов, включая военно-цензурный отдел, в отличие от времён расположения Ставки в Барановичах или передислокации, когда цензоры располагались в необустроенных помещениях. Ставка ВГ в Могилеве играла первостепенную роль в формировании отчётов о военных событиях и донесении информации до органов власти и общества. До ее перемещения в Могилев окончательные сведения для прессы составлял находившийся в Санкт-Петербурге делопроизводитель ГУ ГШ² А. М. Мочульский. В Ставке ВГ был сформирован военно-цензурный отдел, который в 1915–1916 гг. возглавлял полковник А. А. Носков [16, с. 12]. Военный цензор М. Лемке делал сводки с линии фронта и предоставлял их своему начальнику, а далее полковник А. А. Носков утверждал рукопись у генерала для поручений при главнокомандующем В. Б. Борисова [16, с. 51]. Значительная роль в принятии окончательных решений по делам цензуры принадлежала генерал-квартирмейстеру.

Военно-цензурное делопроизводство включало выработку общих положений по военной цензуре, текущую переписку, цензуру почтовых отправок, телеграмм военных корпусов, предоставление сводок о боевых действиях.

Перед Бюро печати, которое было создано в 1915 г. из Осведомительного бюро, ставились задачи по сбору информации о повременной печати, составлению опровержений и отзыва о присылаемых брошюрах, регистрации всех русских армейских и тыловых газет, иностранных газет. Также Бюро представляло сводки из ежедневных русских и иностранных газет, выдавало разрешения военкорам, осуществляло регистрацию всех русских и иностранных корреспондентов, уже находившихся на фронте. Существовало архивное отделение, которое должно было регистрировать исторические документы, получаемые с фронта, а также вести общую переписку по штабу ВГ [17, л. 11–12 об.]. Неоднократно признавалось желательным привлекать офицеров с высшим юридическим образованием в качестве служащих. Информация по части военной цензуры, сведения к опубликованию шли из Ставки в ГУ ГШ, а оттуда – редакторам газет [18, л. 2]. По воспоминаниям М. Лемке, развитию и функционированию Бюро печати мешал начальник военно-цензурного отдела А. А. Носков. Он «ощупью, с боязливостью» воспринимал это дело [16, с. 168].

По оценкам чиновников, работа Бюро печати с 1916 г. была дезорганизована. Причиной такого состояния во многом стала «боязнь печати» у высших должностных лиц военной цензуры, непонимание ими права страны «в значительной мере знать истину положения», неумение организовать Бюро, устранение левой печати за пределы Бюро [16, с. 168].

Работа Бюро печати и его отделений прекратилась вместе с событиями октябрьской революции. Например, в Минске 20 ноября 1917 г., по сообщению старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера Н. В. Соллогуба, остановилась работа Бюро печати штаба Западного фронта, штат был исключен из штаба фронта [19, л. 3–4].

Проанализируем условия осуществления цензуры. К условиям функционирования цензуры в данном исследовании мы относим исторические события и законодательство. Вызовы, под которыми понимаются неблагоприятные

² Главное управление Генерального штаба

факторы военного времени, накапливались в 1914–1917 гг. В результате, к 1917 г. проявилась неспособность цензуры контролировать информационное поле, позитивно и в нужном направлении влиять на общественное мнение. Этому способствовали как внутренние, так и внешние факторы.

Среди внешних вызовов, отрицательно повлиявших на работу цензуры и понизивших её авторитет, основными были неудачи в боевых действиях и отступление русской армии в 1915 г. С нашей точки зрения, данные вопросы, обтекаемость формулировок для прессы и значительное запаздывание информации в сводках военной цензуры привели к падению авторитета единственного источника информации о фронте – Ставки ВГ. Также печать теряла своё влияние на общественное мнение и вслед за сводками военной цензуры, по оценкам цензора М. Лемке, «поневоле изолгалась» [16, с. 84].

Исследуя внутренние проблемы, можно отметить некомпетентность некоторых генералов, которые оказали серьёзное личное влияние на Главнокомандующего – Николая II. Это не допускало в печати даже позитивной критики, невозможно было найти решение кризисных ситуаций, понижался авторитет военного руководства. Со стороны других органов власти, лоббировавших свои интересы, оказывалось давление на сферу цензуры, например, в процессе назначения военных корреспондентов и т. д. Среди проблем необходимо отметить слабое финансирование, которое можно проследить по обращениям о выделении средств на печать и распространение нужной, с государственной точки зрения, информации. Проблемы с финансированием стали особенно очевидными к 1917 г.

Среди внутренних неблагоприятных факторов отметим, что военная цензура изымала письма, адресованные в органы власти, и способствовала прерыванию связи «энергии снизу» с органами власти, принимавшими политические решения. Это влекло негативные последствия для общества, поскольку совместное обсуждение проблем и поиск выхода из создавшейся ситуации становились невозможными.

Рассмотрим отдельные направления функционирования военной цензуры. Цензура являлась важной составляющей проведения мобилизации в сфере информационной политики, идеологии и совместно с военной и политической властями определяла основные направления для печати, выявляла темы «на злобу дня», являлась одной из «пружин правившего механизма» [16, с. 12].

Выделим основные функции военной цензуры: охранительная, информационная (для органов власти и населения о событиях на фронте), идеологическая (подбор и распространении нужной информации), контролирующая.

Охранительная и контролирующая функции цензуры были определены законодательством и заключались в охране, прежде всего, военной тайны. На основании «Временного положения о военной цензуре» от 20 июля 1914 г. цензура действовала в следующих направлениях: допуск к опубликованию печатной, графической информации и контроль за прессой, перлюстрация писем, контроль телеграмм, конспектов и текстов публичных речей и докладов, а позже добавился контроль кинематографической продукции о военных событиях [15, с. 8–11]. Вся информационная сфера не должна была навредить военным интересам государства, поэтому цензорам было предписано исключать появление в печати «всяких предположений о развитии военных операций» [20, л. 59].

Запрет печатать сведения, касающиеся армии и флота (даже если они были оглашены в публичных выступлениях), вызвал проблемы во взаимоотношениях цензуры и средств массовой информации [21, л. 10–12].

Контролирующая функция также проявилась в приобретении цензурой характера политической структуры и трансляции оценки политических настроений в армии. С контролирующей функцией была тесно переплетена функция информирования органов власти о нарастании пессимистических настроений, обострения противоречий между солдатами и офицерами.

Военная цензура взяла на себя функцию подготовки общества и военных чинов к ожидаемым неудачам на линии фронта. Например, 14 июля 1915 г. генерал-квартирмейстер Ставки Ю. Н. Данилов написал начальнику ГУ ГШ М. А. Беляеву о необходимости издания ряда неофициальных статей, которые должны подготовить общественное мнение к возможной потере Варшавы. В ходе отступления с территории Западной Беларуси для цензуры стало важным изменить мысль о недопустимости отхода из укрепленной крепости Брест и далее, объяснить оставление и сожжение Брест-Литовска. Эти события вынудили военную цензуру подбирать выражения для официальных сообщений. По воспоминаниям М. Лемке, многие вопросы решались с помощью «ложных отчетов» для прессы о сдаче Варшавы, крепостей Брест-Литовска и Гродно, о боях на линии Ворняны – Сморгонь в верховьях р. Вилии [16, с. 175].

Для успокоения общественного мнения военная цензура использовала обтекаемые характеристики для описания критических моментов, такой подход зачастую имел позитивный результат. Это подтверждает, например, сообщение о Свенцянском прорыве немцев летом-осенью 1915 г. и о его ликвидации российской армией к октябрю 1915 г. Отметим, что сам цензор М. Лемке признавал, что «пространные» характеристики помогли избежать сообщения о «громдном прорыве» немцев на линии Свенцяны-Глубокое в августе 1915 г. [16, с. 52–70]. Цензор приводил ещё один яркий пример, когда по существу «крайне вредная» и случайная Львовская операция в сообщениях штаба была подана так, что генерал Н. В. Рузский «сразу сделался героем» войны [16, с. 78]. Подобные сообщения военной цензуры имели далеко идущие последствия и оказывали влияние на продвижение генералов по карьерной лестнице.

В сфере идеологии деятельность цензуры сыграла важную роль в распространении желательных, в условиях военного времени, текстов, информации, изображений. Уже с первых дней войны в циркуляре Штаба ВГ от 31 июля 1914 г. признавалось «крайне желательным» скорейшее снабжение войсковых частей газетами патриотического направления и бюллетенями о событиях на фронтах. Большое внимание уделялось созданию и распространению газет отдельных родов войск, что видно из отчетов военной цензуры [19, л. 4]. Например, с августа 1914 г. в штабе Юго-Западного фронта появилась газета «Армейский вестник», в штабе Северо-Западного фронта с 1915 г. – газета «Наш вестник».

Наиболее важная цель, которая прослеживается по отчётам военной цензуры, – снабжение воинских частей «популярными объективно написанными» военными бюллетенями, политическими брошюрами, чтениями для солдат, публикациями отчетов следственной комиссии о преступлениях вражеских войск на захваченной территории, иллюстрированными журналами и газетами [18, л. 210–213].

Приведем пример брошюр и чтений, листов, отмеченных военной цензурой как «желательные для распространения»: «Военная летопись», «Из жизни павших героев воинов» (1916 г.), брошюра военного министра «Как должна быть устроена армия» (1917 г.). В некоторых случаях военная цензура рекомендовала издавать статьи из СМИ в виде брошюр, которые в дальнейшем бесплатно рассылались по фронтам, что отвечало «нуждам момента». Иногда с подобными прошениями к цензорам обращались сами авторы. Например, житель Минской губернии А. И. Фомин попросил выделить его статью «Надо воевать», напечатанную в газете «Новая заря», в отдельную брошюру и способствовать её распространению [18, л. 210–213].

Вместе с рекомендациями о распространении желательной информации военная цензура представляла оценки о «нежелательности распространения» сведений в частях. Подобная информация могла быть даже из разряда лояльной или являться направлением официальной политики. Так произошло с частью дел Чрезвычайной следственной комиссии – выпуском о военнопленных в Австрии, который находился уже в наборе в типографиях. Выпуск был посвящен описанию ужасов антигуманного обращения с русскими пленными. Уже было отпечатано 10 тыс. экземпляров, но из цензуры поступила рекомендация не распространять брошюры в армии, а только среди резервистов с целью психологического и воспитательного воздействия [22, л. 9–11].

Распространение литературы среди войсковых частей производилось по определенному плану. Масштабы пересылки печатной продукции для фронта можно рассмотреть на примере работы товарной станции Могилев в Беларуси. Брошюры распространялись с помощью политического отдела при Ставке ВГ. Начальником отделения воинских перевозок ГУ военных сообщений тогда являлся полковник Бармин. В его отчете сказано, что 22 января 1916 г. в Могилеве для погрузки брошюр как составной части грузов Штаба ВГ было предоставлено три вагона. Также из другого примера мы видим, что 14 января 1916 г. в вагоне отправлен груз брошюр «Второе чтение для нижних чинов» на 51 место весом 149 пудов 10 фунтов [22, л. 36].

Достаточно проблемным направлением в деятельности цензуры было выявление писем с доказательствами преступлений военных властей. В отчетах цензуры содержится ряд обращений цензоров к высшим военным властям с просьбой решить, давать дальнейшее движение тому или иному вопросу о должностных преступлениях или нет. Отметим, что нам не удалось выяснить последствия подобного обращения цензуры.

Рассмотрим некоторые примеры отчетов цензоров, составленных на основании изъятых писем с жалобами на казнокрадство штабных офицеров. Письма содержали обращение к руководству штаба с описанием «доказанных фактов» совершаемых противозаконных действий по присвоению государственных денег в Минске в 1915–1916 гг. В них описано мародерство штабных офицеров, которые при отступлении из Ковно самовольно забрали на заводе Тильманса коня с телегой и продали за 1200 руб. в штаб отдельного корпуса жандармов. Они присвоили деньги как «вознаграждение за труды». Также ротмистр Рек и его вахмистр Семенюк присваивали деньги, выделенные на фураж, продавали приобретенное за казенный счет сено в розницу по 2 руб. 40 коп. за пуд жителям Минска и евреям-беженцам из Вильно. Сено развозили по покупателям на казенных лошадях. Жеребенка от войсковой кобылы присвоили и променяли на сено игуменье женского монастыря в м. Ивенец под Минском. В итоге армейские лошади кормились «очень скромно». При переводе в одну из частей

артиллерии ротмистр Рек забрал с собой лучшую казенную строевую лошадь, подменив ее плохой и поменяв им клички. В письмах автор просил не оставлять эти правонарушения без разбирательства [23, л. 300–310 об.]. В подобной ситуации препятствием для предотвращения дальнейших правонарушений являлась зависимость цензуры от военных властей, а также личное усмотрение одного человека и его решение о дальнейшем расследовании полученной информации о преступлениях.

Изучение функционирования отдела цензуры в Ставке Верховного главнокомандующего показало, что первоначально военная цензура являлась абсолютно закрытой структурой, т. к. было решено не допускать корреспондентов на театр боевых действий, а привлекать военных офицеров для информирования. Однако на практике реализовать данное решение оказалось нелегко. Для военных существовала трудность нарушить привычный стиль и описать на «суконном языке» события на линии фронта для гражданского населения [16, с. 86]. Редакции газет, печатая статьи, проявляли «колоссальное невежество» в военных вопросах, не разбираясь в стратегии, тактике, картах перемещения войск [23, л. 10–11]. Корреспонденты и редакторы крупных и авторитетных газет начали борьбу с закрытостью цензурной системы. Известны обращения вплоть до ВГ, в которых сотрудники СМИ подчеркивали, что ранее уже являлись военными корреспондентами, имеют опыт обращения с военной тайной и донесения специфической информации в массы. В результате, процесс доступа к информации с фронта постоянно расширялся, и ситуация изменилась от абсолютного запрета допуска корреспондентов в июле 1914 г. до их привлечения по 1 чел. от издания к работе при Ставке. Но между этими событиями был этап провала идеи работы боевых офицеров в качестве военных корреспондентов. К деятельности Бюро печати был привлечен широкий круг газет, чтобы информировать о событиях на фронте с подачи военно-цензурного отдела при Ставке [16, с. 159, 160–161].

Анализ отчетов военной цензуры выявил во многом пренебрежительное отношение военных руководителей Ставки ВГ к военным корреспондентам. Например, А. А. Носков, возглавлявший цензурный отдел, информировал военных корреспондентов о ситуации на линии фронта зачастую «на ходу в столовую» и, прикрываясь «военным временем», пытался спровоцировать их отъезд из Могилева куда-нибудь, хоть на линию фронта, хоть в Санкт-Петербург [16, с. 176]. Военные корреспонденты требовали подробно комментировать позицию штаба, давать материал для очерков уже прошедших боевых операций, не предлагать им уезжать [11, с. 176]. К слову сказать, некоторые офицеры также были против нахождения при штабе «разных корреспондентов» [16, с. 205–206].

Во взаимоотношениях военной цензуры с гражданскими органами власти иногда возникали противоречия. Например, когда информация с фронта через Петербургское телеграфное агентство поступала в публичное пространство раньше, чем были сформированы сводки в Ставке. Это считалось важным нарушением, т. к. «принципиально, чтобы печати все сообщалось только из штаба», иначе информация могла нанести вред «успеху боевых действий» [16, с. 50].

Чертой, свойственной функционированию системы цензуры, была непоследовательность властей и зачастую отставание в принятии решений от событий

военного времени. Жесткий запрет и ответственность за публикацию и обсуждение любой информации военного характера, на наш взгляд, тормозили принятие неотложных и своевременных решений, стоили значительных убытков и человеческих жертв. В Беларуси ощущалась дилемма о дозволении, или запрете ознакомления населения прифронтной зоны с ситуацией отступления российских войск. Отрицательные последствия цензурных запретов проявились в слабой подготовке к эвакуации населения, создании преград для решения проблемы беженства и т. д. Например, полковник С. И. Назимов, будучи комендантом Ново-Свенцяна, свидетельствовал, что даже он, этапный комендант, не знал об отступлении армии из Ново-Свенцяна. Этот отход русской армии он характеризовал как «нелепо обставленный и совершенно неожиданный» [16, с. 114].

Запретительная практика в информационной сфере зачастую имела обратный эффект: появлялось много слухов, что вызывало недоверие населения к администрации прифронтных территорий, способствовало недопониманию в армии. Образовался информационный вакуум, заполняемый домыслами, неуверенностью, пропагандой социал-революционных идей. Эта проблема звучала также в письмах с передовой, конфискованных военной цензурой. Сами журналисты признавали, что печатались тенденциозные сведения, которые не соответствовали действительности и нервировали население.

В сфере цензуры на территории Беларуси есть примеры превышения полномочий местными властями. С началом войны и объявлением губерний на военном положении, к функциям вице-губернатора добавилась необходимость осуществлять цензуру для всех временных и постоянных изданий, выходивших в губернском городе. Вице-губернатор получал широкие права по надзору за типографиями, литографиями и другими «заведениями тиснения». По воспоминаниям вице-губернатора Могилева В. А. Друцкого-Соколинского, в гранках «Могилевского вестника» он прочел речь военного министра А. А. Поливанова в Государственной думе о политических забастовках на Путиловском заводе [24, с. 72]. Руководствуясь перечнем о запрете всякой публикации сведений «о забастовках на заводах и особенно военных», цензор вычеркнул почти всю речь. На возражение редактора, что она уже напечатана в столичных газетах, вице-губернатор решения не изменил. Могилевский губернатор А. И. Пильц, а также дворцовый комендант генерал В. Н. Воейков задали цензору тот же вопрос. Государь, ежедневно читавший «Могилевский вестник», увидел четверть газеты пустой и приказал выяснить причину. В. Н. Воейков считал это «драконовское решение» бессмысленным, но вице-губернатор не снял запрета и объяснил это тем, что неисполнение столичной цензурой своих обязанностей не является основанием для провинциальной цензуры игнорировать «запрет печатания сведений, воспрещенных к оглашению» [24, с. 72]. Отметим, что за излишнюю резкость решений и действий иногда В. А. Друцкого-Соколинского при дворе называли «наш свирепый цензор» [24, с. 72]. В данном примере цензура Петербурга и Москвы была более открытой, чем цензура в Могилеве.

Интересно мнение, напечатанное в 1915 г. в «Минской вечерней газете», что местная администрация была зачастую более жесткой в исполнении цензурных функций, чем высшие органы власти. В статье отметили, что министры обращались к печати с целью раскрыть свои взгляды обществу, но администраторы рангом ниже считали свои взгляды и действия «непогрешимыми» и не допускали даже позитивной критики. Чины разных ведомств, замечавшие в печати свое подобие, «притягивали за

волосы» ст. 1039 Уложения о наказаниях «за диффамацию» и укрывались за нею, как за «бронированным кулаком». В результате редакторам назначались штрафы и отсидки. Отметим, что наказанием был штраф от 100 до 2000 руб. или лишение свободы на срок от одного до шести месяцев [25]. С целью решения противоречий в системе цензуры периодически проводились особые совещания, на которых обсуждались вопросы урегулирования взаимоотношений цензуры и печати, пределов применения военной цензуры и роли гражданских цензоров [26].

Заключение

Цензурная политика и практика в российской Ставке ВГ были нацелены на мобилизацию в сфере информации, определялись не только общегосударственным законодательством, но в большей степени подзаконными актами: внутриведомственными распоряжениями, циркулярами, телеграммами. Условия функционирования военной цензуры напрямую зависели от военного положения и изменений линии фронта. А ещё на деятельность цензуры значительную роль оказывали неблагоприятные факторы меняющейся политической обстановки. Сложностью в работе военной цензуры являлась необходимость изменения информации с линии фронта, коррекции отчетов для военных корреспондентов и общественного мнения. Особенностью работы военной цензуры на территории Беларуси была необходимость корректировки сведений, касающихся боевых действий в Западной Беларуси, наступательной позиции немцев, а также недопуска необходимой информации в обращение в прифронтовой зоне. Это во многом подрывало доверие населения к сфере официальной политики и провоцировало распространение неподконтрольных цензуре изданий.

Значительную роль в системе военной цензуры играла Ставка ВГ. Между руководством военно-цензурного отдела и военными корреспондентами возникали противоречия, которые повлияли на снижение авторитета Бюро печати, качества военных сводок. Одной из главных функций цензуры стала охранительная, которая выражалась в изъятии информации о военных действиях из публичной среды. Не менее важная была информационная функция, проявившаяся в подготовке сообщений для органов власти и населения о событиях на фронте, а также идеологическая – осуществление подбора и распространения информации, необходимой в военное время, формирование нужного освещения событий и в крайних случаях – подготовка общественного мнения к осознанию провалов на линии фронта. Что касается контролирующей функции, она выражалась в попытке контроля за настроением армии и общества через контроль печатной продукции и переписки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батулин П.В. Военная цензура в период Первой мировой войны и революции 1917–1918 гг.: проблема сущности и преемственности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. № 16-3. С. 141–155.
2. Богомолов И.К. Государственная дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // Российская история. 2022. № 4. С. 96–117.
3. Патрушева Н.Г. Первая мировая война и цензурные учреждения России // Век информации. 2015. № 2. С. 155–163.
4. Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г. Цензурные учреждения в Вильно. 18.08.2019 // Открытый текст. Электронное периодическое издание. [эл. доступ]. URL: <https://opentextnn.ru/censorship/encyclopedia/cenzurnye-uchrezhdenija-v-vilno> (дата обращения: 05.11.2024).

5. Ничков Е.А. Отчеты военно-цензурной комиссии Омского военного округа как источник по истории российского плена в 1914–1917 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (68). Ч. 2. С. 145–148.
6. Алферова И.В. Военно-цензурные практики в годы Первой мировой войны (на материалах Великого княжества Финляндского) // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 4 (54). С. 7–15.
7. Блохин В.Ф. Военные корреспонденты Минского военного округа в годы первой мировой войны: к истории вопроса // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3 (33). С. 28–34.
8. Гужва Д.Г. Русская военная печать в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2007. № 12. С. 37–41.
9. Демичев А.А., Илюхина В.А. Законодательство Временного правительства о печати // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. № 1. С. 36–45.
10. Kulik, M. Działalność rosyjskiej cenzury wojskowej w czasie I wojny światowej // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2021. T. 56. Nr. 2. S. 47–69. <https://doi.org/10.12775/SDR.2021.2.03>.
11. Чикалова И.Р. Боевые действия на территории Беларуси в годы Первой мировой войны в отражении публикаций военного и межвоенного времени // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сборник научных трудов. Выпуск 5. Минск: РИВШ, 2021. С. 201–215.
12. Лавринович Д.С. Ставка Верховного главнокомандующего в Могилеве в 1915 – марте 1917 г. по воспоминаниям и дневникам современников событий // Первая мировая война, Версальская система и современность: сборник статей. Выпуск 4. Санкт-Петербург: Издательство РХГА, 2017. С. 133–146.
13. Обьедков И.В. Пресс-конференции в Генеральном штабе об обороне русских крепостей в 1914–1915 гг. // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 1. С. 75–98.
14. Цумарева Е.П. «Цензурный труд невыносим». О деятельности Виленского временного комитета по делам печати (1907–1914 гг.) // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). 2014. № 2 (44). С. 28–33.
15. Временное положение о военной цензуре. [Утверждено 20 июля 1914 года]. Петроград: Ков. Губ. Тип., 1914. 15 с.
16. Лемке М.К. 250 дней в царской ставке (2 сент. 1915 – 7 июля 1916). Петроград: Государственное издательство, 1920. 859 с.
17. Канцелярия Военно-политического и Гражданского управления. 1917–1918. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2005. Оп. 1. Д. 5.
18. Материалы, предназначавшиеся Ставкой для использования в печати. 1917 // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 50.
19. Дело о штатах редакций газет и бюро печати вообще. 1917–1918 // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 49.
20. Материалы по истории цензуры в России с 1825 г. // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2567. Оп. 1. Д. 1399.
21. Переписка редакций. В Московский цензурный комитет // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 595. Оп. 1. Д. 12.
22. О рассылке материалов и брошюр о немецких зверствах. Брошюры «Русские в плену у австрийцев», «Из жизни павших героев воинов» 1916 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 30.
23. Сводки выдержек из писем, просмотренных или задержанных военной цензурой 1914–1917 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 703.
24. Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918 гг.). Орел: РКФ «3 июля» / РИГ «Невероятный мир», 1994. 405 с.
25. Новая заря в повременной печати // Минская вечерняя газета. 1915. 27 октября. № 60. С. 2.
26. Совещание о цензуре // Минская вечерняя газета. 1915. 22 октября. № 54. С. 1.

REFERENCES

1. Batulin P.V. Military Censorship During the First World War and Revolution of 1917–1918: Problem of Essence and Succession. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2006. No. 16-3. P. 141–155. (In Russian).
2. Bogomolov I.K. The State Duma and Censorship Policy in Imperial Russia during the First World War. *Russian History*. 2022. No. 4. P. 96–117. (In Russian).
3. Patrusheva N.G. The First World War and Censorship Institutions in Russia. *The Information Age*. 2015. No. 2. P. 155–163. (In Russian).
4. Grinchenko N.A., Patrusheva N.G. Censorship Institutions in Vilnius. 18.08.2019. *Open Text. Electronic Periodical Edition*. Available at <https://opentextnn.ru/censorship/encyclopedia/cenzurnye-uchrezhdeniya-v-vilno> (accessed: 05.11.2024). (In Russian).
5. Nichkov E.A. Reports of Military-Censorial Commission of Omsk Military Region as a Source on the History of Russian Captivity in 1914–1917. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2016. No. 6 (68). Part 2. P. 145–148. (In Russian).
6. Alferova I.V. Military Censorship Practices During the First World War (on the Materials of the Grand Duchy of Finland). *The Bryansk State University Herald*. 2022. No. 4 (54). P. 7–15. (In Russian).
7. Blochin V.F. The Military Correspondents in Minsk Military Command Region During the First World War. Historical Research. *The Bryansk State University Herald*. 2017. No. 3 (33). P. 28–34. (In Russian).
8. Guzhva D.G. Russian Military Press During the First World War. *Military-Historical Journal*. 2007. No. 12. P. 37–41. (In Russian).
9. Demichev A.A. Ilyukhina V.A. Legislation of the Provisional Government on the Press. *Historical-Legal Problems: The New Viewpoint*. 2023. No. 1. P. 36–45. (In Russian).
10. Kulik, M. Operation of Russian Military Censorship during the First World War. *Studies on the History of Russia and Eastern Europe*. 2001. T. 56. No. 2. P. 47–69. (In Polish). <https://doi.org/10.12775/SDR.2021.2.03>.
11. Chikalova I.R. Combat Actions in the Territory of Belarus During the First World War in the Mirror of the Publications of the War and Inter-War Time. "Dolgoy XIX vek" v istorii Belarusi i Vostochnoy Evropy: issledovaniya po Novoy i Noveyshey istorii: sbornik nauchnykh trudov [The "Long 19th Century" in the History of Belarus and Eastern Europe: Studies on Modern and Contemporary History]. Issue 5. Minsk: RIVSh, 2021. P. 201–215. (In Russian).
12. Lavrinovich D.S. Stavka in Mogilev in 1915–1917 as Remembered by the Contemporaries. *First World War, Versailles System and Contemporary World*. Issue 4. Saint Petersburg: Publisher RHGA, 2017. P. 133–146. (In Russian).
13. Obiedkov I.V. Press-konferentsii v Generalnom shtabe ob oborone russkikh krepostey v 1914–1915 gg. [Press Conferences at the General Staff on the Defense of Russian Fortresses in 1914–1915]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika [Moscow University Herald. Series 10: Journalism]*. 2016. No. 1. P. 75–98. (In Russian).
14. Tsyumareva E.P. "Tsenzurnyy trud nevyinosim". O deyatelnosti Vilenskoro vremennoro komiteta po delam pechati (1907–1914 gg.) ["Censorship Work Is Unbearable": On the Activities of the Temporary Committee for Press Affairs in Vilna (1907–1914)]. *Vesnik MDU imya A.A. Kulyashova. Seriya A. Gumanitarnyya navuki (gistoryya, filasofiya, filalogiya) [Herald of A.A. Kulyashov MSU. Series A. Humanities (History, Philosophy, Philology)]*. 2014. No. 2 (44). P. 28–33. (In Russian).
15. Vremennoye polozheniye o voyennoy tsenzure [Temporary Regulation on Military Censorship]. Utverzhdeno 20 iyulya 1914 goda [Approved on July 20, 1914]. Petrograd: Kov. Gub. Tip., 1914. 15 p. (In Russian).
16. Lemke M.K. 250 dney v tsarskoy stavke (2 sent. 1915 – 7 iyulya 1916) [250 Days at the Imperial Headquarters (September 2, 1915 – July 7, 1916)]. Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1920. 859 p. (In Russian).
17. Kantselyariya Voenno-politicheskogo i Grazhdanskoro upravleniya. 1917–1918. [Office of the Military-Political and Civil Administration. 1917–1918]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA)*. [Russian State Military Historical Archive (RGMIA)]. Fond 2005. Inventory 1. File 5. (In Russian).

18. Materialy, prednaznachavshiyesya Stavkoy dlya ispol'zovaniya v pechati. 1917 [Materials Intended by the Headquarters for Use in the Press. 1917]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA)*. [Russian State Military Historical Archive (RGMIA)]. Fond 2003. Inventory 2. File 50. (In Russian).
19. Delo o shtatakh redaktsiy gazet i byuro pechati voobshche. 1917–1918 [Case on Staffing of Newspaper Editors and Press Bureaus. 1917–1918]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA)*. [Russian State Military Historical Archive (RGMIA)]. Fond 2003. Inventory 1. File 49. (In Russian).
20. Materialy po istorii tsenzury v Rossii s 1825 g. [Materials on the History of Censorship in Russia Since 1825]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* [Russian State Archive of Literature and Art (RGALI)]. Fond 2567. Inventory 1. File 1399. (In Russian).
21. Perepiska redaktsiy. V Moskovskiy tsenzurnyy komitet [Correspondence of Editors. To the Moscow Censorship Committee]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* [Russian State Archive of Literature and Art (RGALI)]. Fond 595. Inventory 1. File 12. (In Russian).
22. O rassylke materialov i broshyur o nemetskikh zverstvakh. Broshyury "Russkiye v plenu u avstriytsev", "Iz zhizni pavshikh geroyev voinov" 1916 g. [On Distribution of Materials and Brochures on German Atrocities. Brochures "Russians in Austrian Captivity", "From the Life of Fallen Hero Soldiers" (1916)]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA)*. [Russian State Military Historical Archive (RGMIA)]. Fond 2003. Inventory 2. File 30. (In Russian).
23. Svodki vyderzhek iz pisem, prosmotrennykh ili zaderzhannykh voyennoy tsenzuroy 1914–1917 g. [Summaries of Extracts from Letters Reviewed or Withheld by Military Censorship, 1914–1917]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA)*. [Russian State Military Historical Archive (RGMIA)]. Fond 2003. Inventory 2. File 703. (In Russian).
24. Drutskoy-Sokolinskiy V.A. Na sluzhbe Otechestvu. Zapiski russkoro gubernatora (1914-1918 gg.) [In Service to the Fatherland. Memoirs of a Russian Governor (1914–1918)]. Orel: RKf "3 iyulya" / RIG "Neveroyatnyy mir", 1994. 405 p. (In Russian).
25. Novaya zarya v povremennoy pechati [New Dawn in the Periodical Press]. *Minskaya vechernyaya gazeta* [Minsk Evening Newspaper]. 1915. October 27. No. 60. P. 2. (In Russian).
26. Soveshchaniye o tsenzure [Conference on Censorship]. *Minskaya vechernyaya gazeta* [Minsk Evening Newspaper]. 1915. October 22. No. 54. P. 1. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Цумарева Елена Петровна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гуманитарные дисциплины» Межгосударственного образовательного учреждения высшего образования «Белорусско-Российский университет». Докторант Учреждения образования «Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова».

E-mail: tsumarava.alena@gmail.com

ORCID: 0009-0008-9141-3391

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Tsumarava Alena P. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the Humanities at the Interstate Educational Institution of Higher Education "Belarusian-Russian University". Doctoral student at the Educational Institution "Mogilev State University named after A.A. Kuleshov".

E-mail: tsumarava.alena@gmail.com

ORCID: 0009-0008-9141-3391

The author confirms that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.03.2025.
Одобрена после рецензирования 28.04.2025.
Принята 01.05.2025.

Received 17.03.2025.
Approved after reviewing 28.04.2025.
Accepted 01.05.2025.

научная статья / research article

УДК: 93/94

EDN: [OSJAEG](#)

DOI: [10.48612/RG/RGW.28.2.5](#)

Научная специальность ВАК:
5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](#)

Организации предпринимателей и индустриальное развитие России (XIX – начало XX в.)

Глухов Владимир Викторович
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
vicerector.me@spbstu.ru

Ульянова Светлана Борисовна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
ulyanova_sb@spbstu.ru

Коломысова Мария Владимировна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
 km@spbstu.ru

Аннотация

Введение. Исследование направлено на анализ роли глубинных изменений, произошедших в российском обществе в результате завершения промышленного переворота в 1890-х годах и роста предпринимательской активности в конце XIX – начале XX века. Развитие российских предпринимательских союзов стало важным фактором в процессе индустриализации страны, позволив как улучшить положение предпринимателей внутри общества, так и влиять на социально-экономическую политику государства. Основное внимание уделяется анализу социального и политического контекста, а также особенностям взаимодействия предпринимательских союзов и организаций с государством и деловыми кругами.

Методы и материалы. Информационной основой исследования послужили профильные монографии, научные публикации, а также документы из исторических архивов. Результаты, полученные с помощью аналитического, системного и структурного методов, позволили представить характеристику процесса формирования предпринимательских союзов и их влияние на развитие российской промышленности в условиях правовых и социальных ограничений указанного исторического периода.

Результаты. Выявлено, что сотрудничество государственных институтов и предпринимателей способствовало росту национальной промышленности, несмотря на существующую тенденцию к бюрократизации и ограничению предпринимательской свободы. Подчеркивается, что на фоне социальной напряженности и преобладания аграрного уклада сохранялись противоречия между разными социально-политическими группами, что усложняло процесс индустриализации. В то время как промышленники стремились к

повышению своего статуса и созданию профессиональных объединений, они сталкивались с недоверием и антагонизмом со стороны чиновников и общественности.

Обсуждение. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что исторический опыт «дореволюционного бизнес-сообщества России» необходимо применять для формирования современных предпринимательских ассоциаций. Роль предпринимательства и проблем его взаимодействия с государством имеет высокое значение для экономического развития страны.

Заключение. Предлагаются практические рекомендации для развития предпринимательских союзов в современных условиях и их продуктивного взаимодействия с государством. Подчеркивается необходимость координации частного и государственного секторов в сфере промышленности.

Ключевые слова: Россия; XIX – начало XX в.; индустриализация, экономические реформы; предпринимательские союзы; промышленные союзы; бизнес-ассоциации

Для цитирования: Глухов В.В., Ульянова С.Б., Коломысова М.В. Организации предпринимателей и индустриальное развитие России (XIX – начало XX в.) // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 2. С. 70–84. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.5

© Глухов В.В., Ульянова С.Б., Коломысова М.В., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Business Organizations and Industrial Development of Russia (XIX – early XX century)

Vladimir V. Glukhov

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
vicerector.me@spbstu.ru

Svetlana B. Ulyanova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
ulyanova_sb@spbstu.ru

Mariia V. Kolomysova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
 km@spbstu.ru

Abstract

Introduction. The research is devoted to the analysis of the role of profound changes that occurred in Russian society as a result of the completion of the industrial revolution in the 1890s and the growth of entrepreneurial activity in the late 19th – early 20th centuries. The development of Russian entrepreneurial unions became an important factor in the process of industrialization of the country, allowing both to improve the position of entrepreneurs within society and to influence the socio-economic policy of the state. The main attention is paid to the analysis of the social and political context, as well as the peculiarities of the interaction of entrepreneurial unions and organizations with the state and business circles.

Methods and materials. The information basis of the study was specialized monographs, scientific publications, as well as documents from historical archives. The results obtained using analytical, systemic and structural methods, made it possible to study the process of formation of entrepreneurial unions and their influence on the development of Russian industry in the context of legal and social restrictions said historical period.

Results. It was revealed that cooperation between state institutions and entrepreneurs contributed to the growth of national industry, despite the existing trend towards bureaucratization and restriction of entrepreneurial freedom. It is emphasized that against the background of social tension and the prevalence of the agrarian way of life, contradictions between different socio-political groups persisted, which complicated the process of industrialization. While industrialists sought to

improve their status and create professional associations, they faced mistrust and antagonism from officials and the public.

Discussion. The results obtained allow us to conclude that the historical experience of the "pre-revolutionary business community of Russia" should be applied to the formation of modern entrepreneurial associations. The role of entrepreneurship and the problems of its interaction with the state is of great importance for the economic development of Russia.

Conclusion. Practical recommendations are offered for the development of entrepreneurial unions in modern conditions and their productive interaction with the state. The need for coordination of the private and public sectors in the industrial sphere is emphasized.

Keywords: Russia; XIX – early XX century; industrialization; economic reforms; business unions; industrial unions; business associations

For citation: Glukhov, V.V., Ulyanova, S.B., Kolomysova, M.V. Business Organizations and Industrial Development of Russia (XIX – early XX century). *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 2. P. 70–84. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.5

© Glukhov, V.V., Ulyanova, S.B., Kolomysova, M.V., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

К середине 1890-х гг. в России завершился промышленный переворот, в результате которого возникли глубинные сдвиги в структуре промышленного производства и произошло гигантское обобществление труда на крупнейших фабрично-заводских и транспортных предприятиях [1, с. 269]. Приоритетное развитие промышленности стало основным содержанием целого ряда реформ конца XIX – начала XX в. По мнению министра финансов С.Ю. Витте, «насаждение промышленности» диктовалось интересами России как великой державы, необходимостью избежать «унизительного положения экономической данницы» передовых государств Западной Европы» [2].

Экономический рывок, сделанный Россией в ходе модернизации Витте – Столыпина, был огромен. Среднегодовой темп промышленного роста России в конце XIX – начале XX века, согласно расчетам П. Грегори, составил 6,65 %, в силу чего Россия в этот период была абсолютным рекордсменом как по темпам роста промышленного выпуска, так и по темпам роста производительности труда [3].

Авторы статьи ставят перед собой цель проанализировать деятельность организаций предпринимателей в развитии индустриализации России в XIX – начале XX века.

В отечественной научной литературе большое внимание уделяется индустриализации России в конце XIX – начале XX века. В работах: И.О. Караваевой [4], И.С. Гладкова и И.Ю. Зориной [5], С.В. Горбылева [6] детально анализируются предпосылки развития российской промышленности в те годы. Значение модернизации для развития российского общества исследованы в работах Н.М. Арсеньева и Д.В. Доленко [7; 8]. Особое внимание уделено роли царского правительства в индустриализации страны, этой теме посвящено исследование В.И. Бовыкина [9]. Вопросы истории российского предпринимательства получили освещение в монографиях С.К. Никитиной [10], И.И. Барина [11], Г.Н. Шендакова [12], А.А. Бессолицына [13], в учебных пособиях, Г.Г. Корноухова [14], В работах

С.А. Лутошкина [15], В.Н. Кузнецова [16] частично исследована роль влияния российского предпринимательства на промышленное развитие России в конце XIX – начале XX века.

В меньшей мере рассмотрены вопросы влияния российских организаций предпринимателей на индустриализацию страны. Хотя несомненный вклад в изучение истории российского предпринимательства и взаимодействия государства с предпринимательскими кругами внесли историки А.Н. Боханов, П.В. Лизунов и М.К. Барлыбаев.

Методы

Методологической основой исследования является институциональный подход. Были использованы аналитический, системный, структурный методы исследования, которые позволили выявить ключевые этапы эволюции предпринимательских ассоциаций, а также их роль в формировании промышленной политики. Полученные выводы о роли российских предпринимательских союзов в развитии промышленности на рубеже XIX–XX веков могут способствовать выработке практических рекомендаций для современной государственной политики по развитию союзов промышленников и предпринимателей.

Материалы, результаты исследования и их обсуждение

Появление сообщества промышленников изменило социальный ландшафт Российской империи. Новая группа лиц отличалась высоким уровнем образования, предпринимательской активностью, креативностью. Она стремилась расширить свое влияние, убедить общественность в своей значимости для страны. Перед руководителями промышленных предприятий встала проблема определения своей роли в обществе, построения сетей предпринимательских связей и выработки общих целей и задач. Такая ситуация подталкивала к построению предпринимательских союзов.

Одновременно следует отметить, что новые веяния прорывались в России крайне сложно. Государственная бюрократия, влиятельные общественные и политические группы крайне настороженно отнеслись к новому, быстро нарастающему слою российского общества. Правовые условия предпринимательской деятельности были также далеки от идеальных.

В 1882 г. при Министерстве финансов была создана фабричная инспекция для надзора за выполнением фабрично-заводского законодательства. «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих» (3 июня 1886 г.) устанавливали правила найма и увольнения, условия оплаты труда рабочих, контроль над штрафами [17, с. 71]. Не устраивала предпринимателей и разрешительная система учреждения акционерных компаний, при которой утверждающей инстанцией был император [18, с. 170–171].

Государственная власть стремилась сохранить свое влияние на развитие промышленности, не отказываясь от жесткого ограничения самостоятельности предпринимателей. Любые действия по расширению производства, проявлению активности на международной арене, выхода на новые рынки продажи продукции

требовали разрешения правительственных организаций (прежде всего Министерства финансов). Это тормозило развитие экономики страны.

На рубеже XIX–XX вв. в России, как нигде, выбор современной экономической модели сопровождался бурной общественной дискуссией, не прекращавшейся на протяжении нескольких десятилетий.

В обществе были достаточно сильны антииндустриальные настроения. Тесно связанные с аграрным укладом социальные группы с трудом воспринимали модернизационную парадигму. Как отмечает М.Ю. Давыдов, «статус-кво устраивало значительную часть русского общества, которая не хотела видеть иного вектора развития страны, кроме общинного» [19, с. 82]. Проекты индустриализации, предлагавшиеся наиболее дальновидными государственными и общественными деятелями, не встречали понимания не только в широких массах, но и на самом верху [20, с. 66]. В 1905 г. было создано специальное ведомство – Министерство торговли и промышленности («министерство тормозов и препонов», по мнению предпринимательских кругов), однако в силу ряда обстоятельств оно не смогло выработать четкую позицию по ключевым вопросам промышленной политики и даже не имело твердой юридической базы своей деятельности.

Отношения власти и капитала были далеко не безоблачными. Как отмечал один из исследователей экономической истории России этого периода, Николай II был «антикапиталистом, антисовременным и внутренне сопротивлялся переменам в русской жизни, которых он не мог понять» [21, р. 127]. Экономический кризис 1899–1903 гг., русско-японская война 1904–1905 гг. и революция 1905–1907 гг. породили множество финансовых и социальных проблем для промышленности и одновременно вызвали значительные изменения в самом деловом мире. Промышленники все громче заявляют о себе как о политической силе, жалуются не только на неудовлетворительное торгово-промышленное законодательство, административный произвол и коррупцию, но и на отсутствие гражданских свобод, на неопределенный правовой статус предпринимателя. Таким образом, борьба за свободу частного предпринимательства перешла на более высокий уровень, став составной частью борьбы за установление принципов гражданского общества.

Исследования К.Ф. Шацилло [22], В.В. Поликарпова [23], И.В. Поткиной [24] и др. показывают, что накануне и даже в годы Первой мировой войны власть не останавливалась перед ущемлением интересов банковско-промышленных группировок. Председатель IV Государственной думы М.В. Родзянко в 1915 г. на встрече с горнопромышленниками Юга России обвинил их в том, что промышленность «не оправдала надежд» по обеспечению армии.

Важный момент, повлиявший на положение предпринимателя в русском обществе – его юридический и социальный статус. Предприниматели как социальная группа выходили за рамки сложившегося традиционного общества, но одновременно они должны были как-то вписываться в сословную общественную структуру. Многие представители делового мира активно стремились повысить свой социальный статус. Жесткая сословная система не устраивала энергичных, предприимчивых промышленников, вынужденных приспособляться к устаревшей структуре общества.

В думский период российской истории (в 1906–1917 гг.) промышленники пытались включиться в парламентскую деятельность, создавая, в частности,

собственные политические партии (Прогрессивно-экономическая партия в 1905–1907 гг., Прогрессивная партия в 1912–1917 гг.) [25]. В Государственном совете с 1906 года часть членов избиралась от Совета торговли и мануфактур, местных комитетов торговли и мануфактур, биржевых комитетов и купеческих управ. Именно в парламентских дебатах и связанной с ними газетной и журнальной полемике формировался индустриальный дискурс.

Состав Думы и Государственного совета, а также сильное влияние землевладельцев осложняли отношения промышленников с парламентом, что приводило к затягиванию принятия законов и непредсказуемости думской политики в области промышленности. Степень внимания к промышленности в период 1906–1917 гг. со стороны законодательной власти наглядно иллюстрирует структура принятых Государственной Думой законов: 44 законопроекта по земельному вопросу и только 12 – по торговым и промышленным [26, с. 732–755]. Это повышало роль представительных организаций, в перечень функций которых отныне включалось и лоббирование интересов деловых кругов в законодательных учреждениях. Осуществлялось оно через торгово-промышленную группу, созданную из депутатов Государственной Думы и Государственного Совета 20 ноября 1907 г. [27].

Общественные порядки, нормы и условности оказывали влияние на предпринимательскую деятельность. Традиционный менталитет общества и новый, перспективный вектор социально-экономического развития страны начали конфликтовать. О позиции деловых кругов России писали: «Вопросы промышленности и торговли никогда не пользовались расположением широких общественных кругов в России. У нас до сих пор нет твердого сознания того, что составляет экономическую основу современных культурных государств. Широким общественным кругам в России промышленность и торговля представляются, или в качестве какого-то паразитного придатка к земледельческой основе русского народного хозяйства, или в качестве источника неблагоприятной наживы для сравнительно небольшого числа, непременно кровожадных, капиталистов» [28].

Можно говорить об явно выраженном противостоянии правительства и промышленников. Члены правительства почувствовали свою финансовую силу, общественную значимость и стремились к повышению своего статуса. Предпринимательское сообщество публично обращало внимание на некомпетентность представителей власти в вопросах становления национальной промышленности. По их мнению, они должны были уступить «творческому эгоизму» предпринимателей [30].

С другой стороны, представители традиционных «групп влияния» (аграрии, представители министерства внутренних дел и других ведомств, консервативные придворные круги) критиковали Министерство торговли и промышленности за «чрезмерную заботливость» о промышленниках, которым и без того «хорошо живется» [29, с. 65, 70].

Несмотря на значительные изменения в облике предпринимателя, слово «промышленник» по традиции считалось синонимом слов «мошенник», «кровопийца», «эксплуататор» [31, с. 2]. Во многом в общественном сознании сохранялся образ делового человека, описанный А.Н. Островским и М.Е. Салтыковым-Щедриным. После 1905 г. была сделана попытка преодолеть «антибуржуазность» интеллигенции, связанная с выходом в свет сборника «Вехи» [32]. Но его авторы не

смогли нарушить историческую традицию, «веховские» идеи не стали идеями большинства интеллигенции, несмотря на обозначившийся к началу 1910-х гг. процесс сближения предпринимателей и «третьего элемента» (примером такого сближения могут служить известные «экономические беседы» 1909–1912 гг., организованные кружком П.П. Рябушинского в Москве) [33, с. 128].

По мнению М.А. Давыдова, наиболее благоприятный для предпринимательства период связан с реформаторской деятельностью П.А. Столыпина, который использовал огромную силу легитимной самодержавной власти в сугубо креативных целях, подкрепив проводимые преобразования ее мощью и авторитетом. «После 1906 г. для людей равнодушных открылись абсолютно новые, почти неизвестные русской истории возможности участвовать в жизни страны, и правительству было с кем работать. С самого начала реформа была принципиально нацелена на преодоление извечной оппозиции «Мы – Они», возникшей в русском обществе в эпоху Николая I и резко усилившейся в начале XX века, то есть на масштабное сотрудничество с общественностью, с местными силами – везде, где это было необходимо и возможно» [35, с. 231].

Начала складываться новая модель взаимоотношений правительства и общества. Проявилось это в создании десятков совещаний по землеустройству, агрономии, сельскому хозяйству, мелиорации, комитетов, организации множества выставок – очень важного в то время сегмента коммуникации [35, с. 231].

Рост социальных конфликтов в промышленности стал еще одним фактором развития предпринимательских сообществ в позднеимперский период. Противоречия между властью и рабочим классом, массовые политические выступления последнего отражались на предпринимательской деятельности, заставляя промышленников и их организации значительную часть сил уделять так называемому «рабочему вопросу».

Предприниматели последовательно отстаивали принцип невмешательства властей в отношения между работодателями и рабочими. Они настаивали на своем праве самостоятельно регулировать рынок труда – условия найма и труда, размеры заработной платы и продолжительность рабочего дня [36].

Происходит расширение сферы интересов предпринимательских объединений. Если раньше они занимались «узкопрофессиональными» вопросами, причем, как правило, в рамках одной отрасли, то теперь их интересуют общие проблемы экономической политики, а, в определенной степени, и общеполитические проблемы. Лидеры предпринимательских союзов являются членами политических партий, избираются в Государственную Думу и Государственный Совет. Более того, наиболее влиятельные организации пытаются создать свои «карманные» политические партии. Но главной сферой их деятельности является обеспечение благоприятных условий частнопредпринимательской деятельности, защита интересов промышленности как внутри страны, так и за ее пределами.

Несомненно, одним из важнейших событий в истории предпринимательских организаций стало создание общероссийского представительства. 12–14 января 1906 г. в Петербурге прошел съезд Союза промышленных и торговых предприятий Российской империи, который позднее (3 февраля 1906 г.) был переименован в общеимперские съезды представителей промышленности и торговли [29, с. 74–91].

Членство в организации предполагало вступительный взнос. Его размер зависел от масштабов предприятия – 200, 500, 1500, 3000 или 5000 руб. [37, с. 195–196].

Съезд объединял 47 региональных и отраслевых предпринимательских организаций. Здесь сходились интересы и устремления всех предприятий, здесь формировалась общая позиция промышленников по текущим и перспективным вопросам хозяйственного развития. В рамках этих совещаний без шума и посторонних свидетелей, вырабатывалась тактика и стратегия давления на правительственный аппарат, Государственную Думу и общественное мнение, вырабатывались принципы деятельности национальной промышленности.

При Совете съездов представителей промышленности и торговли в 1910 г. работало 36 комиссий по различным законопроектам и вопросам [38, с. 572]. Посредством совещаний и переговоров сглаживались групповые противоречия. После принятия решения именно исполнительные органы союзов разрабатывали конкретную программу действий.

Стоит отметить, что создание общенационального представительства не базировалось на полностью сформированной системе отраслевых и региональных ассоциаций. К 1906 г. все виды предпринимательских союзов охватывали лишь треть российской промышленности [39, с. 14]. Поэтому задача развития регионального представительства оставалась весьма актуальной.

Выражением стремления столичных предпринимателей к более эффективному отстаиванию своих социальных и деловых интересов в новых исторических условиях стало создание в 1906 г. Петербургского общества заводчиков и фабрикантов [40].

Общество представляло собой, с одной стороны, союз предпринимателей, а с другой – объединение предприятий. Как организация предпринимателей оно должно было защищать социальные, экономические и политические интересы этого слоя, как ассоциация предприятий – не могло не оставить без внимания вопросы деловой практики и повседневной промышленной жизни.

Отраслевые отделы, Совет, комиссии и комитеты Общества вырабатывали практические рекомендации для промышленников по всем волновавшим их проблемам, координировали их усилия в решении задач, связанных с промышленной деятельностью. В целом, Общество заводчиков и фабрикантов представляло собой эффективную и быстро реагирующую на изменения организацию, обладающую значительным интеллектуальным потенциалом.

Деятельность Петербургского общества заводчиков и фабрикантов содействовала техническому прогрессу, развитию промышленной инфраструктуры, формированию нового рынка рабочей силы. В ней отчетливо прослеживаются черты современной организации промышленной жизни. Таким образом, идя навстречу требованиям своих членов, Общество в то же время подталкивало их к усовершенствованию производства, к использованию технических достижений, распространяло опыт передовых предприятий, вырабатывало новые практические подходы к различным сторонам предпринимательской деятельности.

Насколько эффективна была деятельность Общества? Для ответа на этот вопрос надо сравнить заявленные цели с достигнутыми результатами. Общество не ставило своей задачей кардинальным образом изменить положение предпринимателя в России, оно стремилось его улучшить в пределах возможного. Общество пыталось в

любых условиях помогать петербургским промышленникам выживать и заниматься своим делом. И это ему удавалось.

Заключение

В целом, анализируя деятельность предпринимательских союзов в начале XX века, можно сказать, что они выполняли функции информационного центра, промышленного лобби в государственных учреждениях, юридического и налогового консультанта, занимались организацией промышленной жизни на уровне регионов и отраслей и т. д. Это сближает их с современными предпринимательскими ассоциациями.

После февральской революции 1917 г. изменения в общественном устройстве потребовали соответствующей корректировки позиции руководителей промышленных предприятий. Советы и союзы промышленников разрабатывают новые правила и нормы деятельности, корректируют отношения между рабочими и предпринимателями и т. п.

Летом 1917 г. появляется новая координирующая структура – Особый комитет защиты промышленности. Он пытается выстроить взаимоотношения с отраслевыми объединениями (обществами горнопромышленников Юга России, горнопромышленников Урала, Бакинских нефтепромышленников, сахарозаводчиков и др.) [41].

Как ни странно, деятельность предпринимательских союзов после большевистского переворота не только не ослабевает, но, наоборот, приобретает особенно оживленный характер: владение и управление промышленностью оставалось до поры до времени в их руках, и предоставленные сами себе промышленники проявляли особенную склонность к сплочению и солидаризации действий [42, с. 28–43]. Как отметил М.К. Шацилло, проявления оппозиционности (представители деловых кругов входили практически во все антисоветские подпольные организации) сочетались в деятельности предпринимательских организаций с вполне лояльным отношением к представителям Советской власти и готовностью идти на сотрудничество [43, с. 22]. Совет съездов промышленности и торговли, Всероссийское общество заводчиков и фабрикантов и др. выполняли консультативные функции по отношению в государственной власти, привлекались к выработке значимых государственных решений (например, участвовали в выработке условий при переговорах с Германией в феврале-марте 1918 г.).

5 июля 1918 г. была сформирована комиссия Совета промышленности и торговли по вопросу о национализации промышленности. Она вырабатывала положения и инструкции по управлению национализированными предприятиями. Вопросами национализации промышленности занимался также Всероссийский союз обществ заводчиков и фабрикантов. Основным мотивом согласия предпринимателей на национализацию объявлялась забота о сохранении национальной индустрии [44]. Впрочем, очень скоро проведенная большевистским руководством «красногвардейская атака на капитал», объявленный «красный террор» и политика военного коммунизма свели на нет попытки предпринимательских кругов найти свое место в изменившихся социально-политических реалиях.

Новый период становления Союза промышленников начался с 19 декабря 1991 г., когда состоялся учредительный съезд Российского союза промышленников и предпринимателей.

Анализ становления союзов промышленников, бизнес-ассоциаций иллюстрирует основные проблемы, касающиеся, прежде всего, взаимоотношений с государственными органами, положения в обществе, выработки решений по развитию промышленности. По мере становления союза промышленников как координирующей структуры:

- усиливается роль и наращиваются выполняемые функции системы управления внутри ассоциаций;
- повышается внимание к качеству выпускаемой продукции и мероприятиям его обеспечения;
- наращивается стремление к содействию к координации деятельности предприятий;
- повышается внимание руководства ассоциаций к качеству персонала и механизмам его обеспечения;
- повышается законодательная роль государственного регулирования условий труда.

Полученные выводы о роли российских предпринимательских союзов в развитии промышленности на рубеже XIX–XX веков могут способствовать выработке практических рекомендаций для современной государственной политики по развитию союзов промышленников и предпринимателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М.: Наука, 1990. 272 с.
2. Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю. Витте. 1899 г. // Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. М.: Просвещение, 1990. С. 241–245. [эл. доступ]. URL: <https://istmat.org/node/34637> (дата обращения: 02.02.2025).
3. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 256 с. [эл. доступ]. URL: <https://library6.com/books/861259.pdf> (дата обращения: 04.02.2025).
4. Караваева И.В. О роли государства в развитии промышленного предпринимательства в России до 1917 г. // Вопросы экономики. 1996. № 9. С. 55–62.
5. Гладков И.С., Зорина И.Ю. Развитие российской промышленности в XIX – начале XX веков // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 5 (98). С. 72–76.
6. Горбылев С.В. Особенности промышленного развития Российской империи в конце XIX – начале XX веков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 12. С. 158–161. [эл. доступ]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17341134> (дата обращения: 18.02.2025).
7. Арсентьев Н.М., Доленко Д.В. Российская модернизация: развитие капитализма и проблема цивилизационного выбора в XVIII – начале XX века // Экономическая история. 2010. № 4 (11). С. 4–19.
8. Арсентьев Н.М., Доленко Д.В. Проблема модернизации России в контексте цивилизационного и геополитического выбора // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2010. № 2 (10). С. 2–13.
9. Бовыкин В.И. Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России. 1861–1900 гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М.: РОССПЭН, 2003. С. 9–32.
10. Никитина С.К. История российского предпринимательства М.: Экономика, 2001. 303 с.
11. Баринов И. История российского предпринимательства. М.: Принтлето, 2019. 440 с.
12. Шендаков Г.Н. История предпринимательства и коммерции в России. Волгоград: ВолгГТУ, 1996. 230 с.

13. Бессолицын А.А. Государство и съезды предпринимателей в России (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Институт российской истории Российской академии наук; Центр гуманитарных инициатив, 2020. 326 с.
14. Корноухова Г.Г. История российского предпринимательства. М.: Российский университет дружбы народов, 2013. 185 с.
15. Лутошкин С.А. Место и роль финансово-промышленных групп в дореволюционной экономике России конца XIX – начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: история России. 2016. Т. 15. № 1. С. 39–47.
16. Кузнецов В.Н. Роль петербургского предпринимательства в создании предпосылок отечественной промышленной революции (первая половина XIX века) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 2 (15). С. 32–38.
17. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш., Дубенцов Б.Б., Дякин В.С., Потолов С.И. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. / под. ред. Б.В. Ананьич, В.С. Дякин (отв. ред.). Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1984. 664 с.
18. Монополии и иностранный капитал в России: [сборник статей] / ред.: М.П. Вяткин (отв. ред.) [и др.]. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 434 с.
19. Давыдов М.А. Цена утопии: история российской модернизации. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 512 с.
20. Смирнова О.А. Общественная полемика в России о капитализме и опыте отечественной культурно-производственной традиции (XIX – начало XX в.). СПб.: Полторацк, 2011. 226 с.
21. Laue, T.H., von. Sergei Witte and the Industrialization of Russia. New York and London: Columbia University Press, 1963. 360 p.
22. Шацилло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России, конец XIX в. 1914 г. М.: Наука, 1992. 268 с.
23. Поликарпов В.В. Государственная власть и монополии в России // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М.: Наука. 1994. С. 45–56.
24. Поткина И.В. В преддверии катастрофы: государство и экономика России в 1914–1917 годах. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022. 380 с.
25. Барышников М.Н. Формирование политической организации российского предпринимательства в начале XX века: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 1996. 36 с.
26. Законотворчество думских фракций, 1906–1917 гг.: документы и материалы. К 100-летию с начала деятельности Государственной Думы в России / под общ. ред. И.И. Демидова, В.В. Шелохаева. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 768 с.
27. Шепелев Л.Е. Промышленная буржуазия и Государственная Дума // Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рождения Б.А. Романова. Санкт-Петербург: «Наука», 1991. С. 237–248.
28. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2009. 367 с.
29. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Ленинград: «Наука», 1987. 272 с.
30. Рогачевская Л.С. Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации. 1926–1927 гг. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 255 с.
31. Вольский А.А. Производительные силы и экономическо-финансовая политика России: Докл. горн. инж. А.А. Вольского Совещат. конторе железозаводчиков. Санкт-Петербург: типо-лит. де-Кельш, ценз. 1905. 65 с.
32. Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. Репринт. изд. 1909 г. М.: Новости, 1990. 211 с.
33. Исторические силуэты. / отв. ред. С.В. Гютюкин. М.: Наука, 1991. 248 с.
34. Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2016. 1080 с.
35. Давыдов М.А. Цена утопии: История российской модернизации. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 536 с.
36. Ульянова С.Б., Офицерова Н.В. Заводское сообщество и власть в Советской России 1920-х годов. СПб.: Издательство политехнического университета, 2017. 311 с.

37. Ерманский О.А. Представительные организации торгово-промышленного класса в России: докл., прочит. на общ. собр. Р. Т. О. в заседаниях 12 и 18 нояб. 1911 г. / А. О. Гушка; Рус. техн. о-во, 11 Пром.-экон. отд. Санкт-Петербург: типо-лит. Шредера, 1912. 208 с.
38. Шапкин И.Н. Лоббистские союзы российского бизнеса: типы, организационные принципы и основные формы деятельности (вторая половина XIX – начало XX века) // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16. № 3. С. 559–576.
39. Вольский А.А. Представительство русской промышленности и торговли в настоящее время и основы представительства, необходимого в ближайшем будущем. Доклад I съезду Союза промышленных и торговых предприятий Российской империи. СПб., 1906. 23 с.
40. Ульянова С.Б. «Профсоюз капиталистов»: Петербургское общество заводчиков и фабрикантов в 1906–1914 гг. СПб.: Нестор, 1997. 131 с.
41. Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX вв.). М.: «Наука», 1979. 288 с.
42. Шацилло М.К. Российские предприниматели в поисках контактов с советской властью в 1917–1918 гг. // Российская история. 2016. № 1. С. 28–43.
43. Шацилло М.К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции. 1917 – начало 1920-х гг. М.: Наука, 2008. 342 с.
44. Ульянова С.Б. Петроградские промышленники в конце 1917–1918 г. // Местные архивы об истории регионов России. Материалы Восьмой Всероссийской заочной научной конференции. СПб.: Нестор, 1997. С. 14–16.

REFERENCES

1. Solovieva A.M. Promyshlennaya revolyutsiya v Rossii v XIX v. [Industrial Revolution in Russia in the 19th Century]. Moscow: Nauka, 1990. 272 p. (In Russian).
2. Vsepoddannejshij доклад ministra finansov S.Yu. Vitte. 1899 g. [The Most Devoted Report of the Minister of Finance S.Y. Witte]. *Xrestomatiya po istorii SSSR. 1861–1917* [A Textbook on the History of the USSR. 1861–1917]. Moscow: Prosveshhenie [Education], 1990. P. 241–245. Available at URL: <https://istmat.org/node/34637> (accessed: 02.02.2025). (In Russian).
3. Gregory P. Economic Growth of Russian Empire (end of XIX – beginning of XX century): New Estimates and Calculations. Moscow: “Russian political encyclopedia” (ROSSPEN), 2003. 256 p. Available at <https://library6.com/books/861259.pdf> (accessed: 04.02.2025). (In Russian).
4. Karavaeva I.V. O roli gosudarstva v razvitii promyshlennogo predprinimatelstva v Rossii do 1917 g. [On the Role of the State in the Development of Industrial Entrepreneurship in Russia before 1917]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Affairs]. 1996. No. 9. P. 55–62. (In Russian).
5. Gladkov I.S., Zorina I.Yu. Razvitiye rossiyskoy promyshlennosti v XIX – nachale XX vekov [Development of Russian Industry in the 19th – Early 20th Centuries]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economy: Theory and Practice]. 2009. No. 5 (98). P. 72–76. (In Russian).
6. Gorbylev S.V. Osobennosti promyshlennogo razvitiya Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX vekov [Features of Industrial Development of the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Aktualnyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences]. 2011. No. 12. P. 158–161. Available at <https://elibrary.ru/item.asp?id=17341134> (accessed: 18.02.2025). (in Russian).
7. Arsentiev N.M., Dolenko D.V. The Russian Modernisation: Capitalism Development and Problem of the Civilisation Choice in XVIII — the beginning of XX century. *Economic History*. 2010. No. 4 (11). P. 4–19. (In Russian).
8. Arsentiev N.M., Dolenko D.V. Problem of Modernization of Russia in the Context of Civilizational and Geopolitical Selection. *Humanitarian: Actual Problems of the Humanities and Education*. 2010. No. 2 (10). P. 2–13. (In Russian).
9. Bovykin V.I. Economic Policy of Tsarist Government and Russian Industrial Development, 1861–1900. *Economic History. Yearbook*. 2002. Moscow: ROSSPEN, 2003. P. 9–32. (In Russian).
10. Nikitina S.K. Istoriya rossiyskogo predprinimatelstva [History of Russian Entrepreneurship]. Moscow: Economica, 2001. 303 p. (In Russian).

11. Barinov I. Istoriya rossiyskogo predprinimatelstva [History of Russian Entrepreneurship]. Moscow: Printleto, 2019. 440 p. (In Russian).
12. Shendakov G.N. Istorija predprinimatelstva i kommercii v Rossii [History of Entrepreneurship and Commerce in Russia]. Volgograd: VolGTU, 1996. 230 p. (In Russian).
13. Bessolitsyn A.A. Gosudarstvo i sjezdy predprinimatelej v Rossii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.). [The State and Congresses of Entrepreneurs in Russia (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Center for Humanitarian Initiatives, 2020. 326 p. (In Russian).
14. Kornoukhova G.G. Istoriya rossiyskogo predprinimatelstva [History of Russian Entrepreneurship]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, 2013. 185 p. (In Russian).
15. Lutoshkin S.A. Place and Role of Financial and Industrial Groups in Pre-Revolutionary Russia's Economy. *RUDN Journal of Russian History*. 2016. Vol. 15. No. 1. P. 39–47. (In Russian).
16. Kuznetsov V.N. Rol peterburgskogo predprinimatelstva v sozdanii predposylok otechestvennoy promyshlennoy revolyutsii (pervaja polovina XIX veka) [The Role of St. Petersburg Entrepreneurship in Creating the Prerequisites for the Domestic Industrial Revolution (first half of the 19th century)]. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*. 2010. No. 2 (15). P. 32–38. (In Russian).
17. Ananich B.V., Ganelin R.Sh., Dubencov B.B., Djakin V.S., Potolov S.I. Krizis samoderzhavija v Rossii. 1895–1917 [The Crisis of Autocracy in Russia, 1895–1917]. Ed. by B.V. Ananich, V.S. Djakin. Leningrad: «Science» Leningrad Branch, 1984. 664 p.
18. Monopolii i inostranny kapital v Rossii. Sbornik statey [Monopolies and Foreign Capital in Russia. Collection of Articles]. Ed. by M.P. Vyalkin. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1962. 434 p. (In Russian).
19. Davydov M.A. Cena utopii: istorija rossijskoj modernizacii [The Price of Utopia: History of Russian Modernization]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Review], 2022. 512 p. (In Russian).
20. Smirnova O.A. Obshchestvennaya polemika v Rossii o kapitalizme i opyte otechestvennoy kulturno-proizvodstvennoy traditsii (XIX – nachalo XX v.) [Public Polemics in Russia on Capitalism and the Experience of the Domestic Cultural and Industrial Tradition (19th – Early 20th Century)]. St. Petersburg: Poltorak, 2011. 226 p. (In Russian).
21. Laue, T.H. von. Sergei Witte and the Industrialization of Russia. New York and London: Columbia University Press, 1963. 360 p.
22. Shatsillo K.F. Gosudarstvo i monopolii v voyennoy promyshlennosti Rossii, konets XIX v. – 1914 g [The State and Monopolies in the Military Industry of Russia, Late 19th Century – 1914]. Moscow: Nauka, 1992. 268 p. (In Russian).
23. Polikarpov V.V. Gosudarstvennaya vlast i monopolii v Rossii [State Power and Monopolies in Russia]. *Pervaya mirovaya vojna: diskussionnyye problemy istorii [The First World War: Debatable Problems of History]*. Moscow: Nauka. 1994. P. 45–56. (In Russian).
24. Potkina I.V. V preddverii katastrofy: gosudarstvo i ekonomika Rossii v 1914–1917 godakh [On the Eve of Disaster: the State and Economy of Russia in 1914–1917]. St. Petersburg: Nestor-History, 2022. 380 p. (In Russian).
25. Baryshnikov M.N. Formirovaniye politicheskoy organizatsii rossiyskogo predprinimatelstva v nachale XX veka [Formation of the Political Organization of Russian Entrepreneurship at the Beginning of the Twentieth Century]: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk [Abstract of a Dissertation for the Degree of Doctor of Historical Sciences]. St. Petersburg, 1996. 36 p. (In Russian).
26. Zakonotvorchestvo dumskikh fraktsiy, 1906–1917 gg: dokumenty i materialy. K 100-letiyu s nachala deyatel'nosti Gosudarstvennoy Dumy v Rossii [Lawmaking of the Duma Factions, 1906–1917: Documents and Materials. For the 100th Anniversary of the Beginning of the Activities of the State Duma in Russia]. Edited by I.I. Demidov, V.V. Shelokhayev. Moscow: « Russian Political Encyclopedia» (ROSSPEN), 2006. 768 p. (In Russian).
27. Shepelev L.Ye. Promyshlennaya burzhuziya i Gosudarstvennaya Duma [Industrial Bourgeoisie and the State Duma]. *Problemy sotsialno-ekonomicheskoy istorii Rossii. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.A. Romanova [Problems of the Socio-Economic History of Russia. For the 100th Anniversary of the Birth of B.A. Romanov]*. Saint Petersburg: «Nauka», 1991. P. 237–248. (In Russian).

28. Postnikov S.P., Feldman M.A. Sociokulturnyj oblik promyshlennyh rabochih Rossii v 1900–1941 gg. [Sociocultural Appearance of Industrial Workers in Russia in 1900–1941]. Moscow: «Russian Political Encyclopedia» (ROSSPEN), 2009. 367 p. (In Russian).
29. Shepelev L.E. Carizm i burzhuazija v 1904–1914 gg. Problemy torgovo-promyshlennoj politiki [Tsarism and the Bourgeoisie in 1904–1914. Problems of Trade and Industrial]. Leningrad: «Nauka», 1987. 272 p. (In Russian).
30. Rogachevskaya L.S. Iz istorii rabocheho klassa SSSR v pervye gody industrializacii. 1926–1927 gg. [From the History of the Working Class of the USSR in the First Years of Industrialization. 1926–1927] Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. 255 p. (In Russian).
31. Volskiy A.A. Proizvoditelnyye sily i ekonomicheskoe-finansovaya politika Rossii [Productive Forces and Economic and Financial Policy of Russia]: dokl. gorn. inzh. A.A. Volskogo Soveshchat. kontore zhelezozavodchikov. Sankt-Peterburg: tipo-lit. de-Kelsh, tsenz. 1905. 65 p. (In Russian).
32. Vekhi: sbornik statey o russkoy intelligentsii [Milestones: a Collection of Articles on the Russian Intelligentsia]. Reprint. izd. 1909 g. Moscow: News, 1990. 211 p. (In Russian).
33. Istoricheskiye siluety [Historical Silhouettes]. Edited by S.V. Tyutyukin. Moscow: Nauka, 1991. 248 p. (In Russian).
34. Davydov M.A. Dvadsat let do Velikoy voyny: rossiyskaya modernizatsiya Vitte-Stolykina [Twenty Years before the Great War: Russian Modernization of Witte-Stolypin]. 2-ye izd., ispr. i dop. Saint Petersburg: Aleteya, 2016. 1080 p. (In Russian).
35. Davydov M.A. Tsena utopii: Istoriya rossiyskoy modernizatsii [The Price of Utopia: The History of Russian Modernization]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Review], 2022. 536 p. (In Russian).
36. Ulyanova S.B., Ofitserova N.V. Zavodskoe soobshchestvo i vlast v Sovetskoj Rossii 1920-h godov [Factory Community and Power in Soviet Russia in the 1920s]. Saint Petersburg: Izdatelstvo politehnicheskogo universiteta [Polytechnic University Publishing House], 2017. 311 p. (In Russian).
37. Yermanskiy O.A. Predstavitelnyye organizatsii torgovopromyshlennogo klassa v Rossii [Representative Organizations of the Trade and Industrial Class in Russia]: Dokl., pročit. na obshch. sobr. R. T. O., v zasedaniyakh 12 i 18 noyab. 1911 g. A.O. Gushka; Rus. tekhn. o-vo. 11 Prom.-ekon. Otd. Saint Petersburg: tipo-lit. Shredera, 1912. 208 p. (In Russian).
38. Shapkin I.N. Lobbying Unions of Russian Business: Types, Organizational Principles and Basic forms of Activity (second half of 19th – beginning of 20th centuries) // Journal of Economic History and History of Economics. 2015. Vol. 16. No. 3. P. 559–576. (In Russian).
39. Volskiy A.A. Predstavitelstvo russkoy promyshlennosti i torgovli v nastoyashcheye vremya i osnovy predstavitelstva, neobkhodimogo v blizhaysheye budushchee. Doklad I syezdu Soyuz promyshlennykh i torgovykh predpriyatij Rossiyskoy Imperii [Representation of Russian industry and trade at the present time and the foundations of representation necessary in the near future: report to the 1st Congress of the Union of Industrial and Trade Enterprises of the Russian Empire]. Saint Petersburg, 1906. 23 p. (In Russian).
40. Ulyanova S.B. «Profsoyuz kapitalistov»: Peterburgskoye obshchestvo zavodchikov i fabrikantov v 1906–1914 gg. [“Trade Union of Capitalists”: St. Petersburg Society of Factory Owners and Manufacturers in 1906–1914]. Saint Petersburg: Nestor, 1997. 131 p. (In Russian).
41. Kirjanov Yu.I. Zhiznennyj uroven rabochih Rossii (konec XIX – nachalo XX vv.). [Living Standard of Workers in Russia (late 19th – early 20th centuries)]. Moscow: «Nauka», 1979. 288 p. (In Russian).
42. Shatsillo M.K. Russian Businessmen in Search of Contacts with Soviet Authorities, 1917–1918. *Russian history*. 2016. No. 1. P. 28–43. (In Russian).
43. Shatsillo M.K. Rossiyskaya burzhuaziya v period Grazhdanskoj voyny i pervyye gody emigratsii. 1917 – nachalo 1920-kh gg [Russian Bourgeoisie During the Civil War and the First Years of Emigration: 1917 – early 1920s]. Moscow: «Nauka», 2008. 342 p. (In Russian).
44. Ulyanova S.B. Petrogradskiye promyshlenniki v kontse 1917–1918 g. [Petrograd Industrialists at the End of 1917–1918]. *Mestnye arhivy ob istorii regionov Rossii. Materialy Vos'moj Vserossijskoj zaochnoj nauchnoj konferencii* [Local Archives on the History of Russian Regions. Proceedings of the Eighth All-Russian Correspondence Scientific Conference]. Saint Petersburg: Nestor, 1997. P. 14–16. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Глухов Владимир Викторович – доктор экономических наук, профессор, советник ректора СПбПУ, профессор кафедры ЮНЕСКО; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: vicerektor.me@spbstu.ru

ORCID: 0000-0002-8228-3109

Ульянова Светлана Борисовна – доктор исторических наук, профессор Высшей школы общественных наук Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: ulyanova_sb@spbstu.ru

ORCID: 0000-0003-2059-6430

Коломысова Мария Владимировна – аспирант Высшей школы производственного менеджмента, Институт промышленный менеджмент, экономика и торговля; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: km@spbstu.ru

ORCID: 0009-0003-1991-9252

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Glukhov Vladimir V. – Doctor of Economics, Professor, Advisor to the Rector of SPbPU, UNESCO Chair at SPbPU; Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: vicerektor.me@spbstu.ru

ORCID: 0000-0002-8228-3109

Ulyanova Svetlana B. – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Higher School of Social Sciences, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: ulyanova_sb@spbstu.ru

ORCID: 0000-0003-2059-6430

Kolomysova Mariia V. – Postgraduate student, Graduate School of Production Management, Institute of Industrial Management, Economics and Trade; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

E-mail: km@spbstu.ru

ORCID: 0009-0003-1991-9252

The authors confirm that there is no conflict of interest.

научная статья / research article

УДК: 93/94

EDN: QJJMCP

DOI: 10.48612/RG/RGW.28.2.6

Научная специальность ВАК:
5.6.1. Отечественная история

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

Роль «чистки» 1924 г. в изменении социально-политического состава студенчества Ленинградского государственного университета

Солнышкин Андрей Александрович

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия
 solnyschkin.andrei@yandex.ru

Аннотация

Введение. В исследовании приводится детальный анализ «чистки» («академической проверки»), проведенной в 1924 г. в Ленинградском государственном университете. 1922 – 1929-е гг. – время активной борьбы «новых» и «старых» студентов в университете и проведения властями курса по пролетаризации студенчества. В исследуемый период «чистки» стали главным фактором, который кардинально изменил социально-политический состав студенчества университета. Актуальность исследования определяется пробелами в изучении истории Ленинградского государственного университета в 1920-е годы, отсутствием аналитических статей в современной историографии. В фокусе исследования – анализ процесса «чистки» среди студентов ЛГУ в 1924 г. и оценка ее влияния на социальный и политический состав студенчества. «Чистка» стала важным событием, которое отразило внутренние настроения студентов и отношение университетских властей к «старым» студентам того времени.

Материалы и методы. В исследовании применены принцип историзма и метод реконструкции; статистический метод выявил количество «вычищенных студентов», а также тех, кто смог впоследствии вернуться обратно в университет; нарративный метод использован при описании событий, происходивших в университете; сравнительный метод при сопоставлении происходивших одновременно «чисток» 1924 г. как в самом Ленинградском государственном университете, так и на рабочем факультете (рабфаке). Структурно-функциональный подход и методика просопографического анализа были использованы при анализе биографий участников событий «чистки». Источниками данного исследования выступают как опубликованные воспоминания бывших студентов Ленинградского государственного университета, материалы советской периодической печати 1924 г., так и ряд ранее неопубликованных материалов, многие из которых в данном исследовании впервые вводятся в научный оборот (материалы фондов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, а также Государственного архива Российской Федерации).

Результаты. Выявлено, что «чистка» 1924 г. была одной из самых масштабных, проводимых в Ленинградском государственном университете в 1920-х гг. Впервые проведен комплексный и всеобъемлющий анализ «чистки», реализованной в 1924 г., что явилось новым знанием в историографии истории университета в 1920-е гг., была восстановлена точная хронология событий 1924 г. Установлено, что эта «чистка» студенчества Ленинградского государственного университета серьезно отличалась от «чисток», проводимых в этот же период в других высших учебных заведениях не только Ленинграда, но и в целом в СССР. «Чистка» 1924 г. была поворотным моментом для становления и укрепления партийной организации.

Заключение. Властями университета «чистка» 1924 г. расценивалась как определенный итог их борьбы, благодаря которой было сломлено сопротивление университетским властям нелояльных «старых» студентов; она стала победой и важной вехой во внутри студенческом противостоянии «новых» и «старых» студентов; начинается укрепление партийной организации университета, а также происходит рост количества студентов, принадлежавших к партии. Исследование показало, что, несмотря на общий декларативный характер проведенных мероприятий в 1924 г., часть «вычищенных» студентов смогла впоследствии восстановиться и продолжить учебу в университете.

Ключевые слова: история высшего образования в СССР; власть; общество; Ленинградский государственный университет; чистка; социально-политический состав; «старые» студенты; партийная организация

Для цитирования: Солнышкин А.А. Роль «чистки» 1924 г. в изменении социально-политического состава студенчества Ленинградского государственного университета // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 2. С. 85–97. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.6

© Солнышкин А.А., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

The Role of the «Purge» 1924 in Changing the Socio-Political Student's Composition of the Leningrad State University

Andrei A. Solnyshkin

Central State Archive of Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia
 solnyschkin.andrei@yandex.ru

Abstract

Introduction. The study provides a detailed analysis of the «purge» («academic checking») carried out in 1924 at Leningrad State University. The years 1922–1929 were a time of active struggle between «new» and «old» students at the university and the course of proletarianization of the student population pursued by the authorities. In the period under study, the «purges» became the main factor that radically changed the socio-political composition of the university student body. The relevance of the study is determined by the gaps in the study of the history of Leningrad State University in the 1920s, the lack of analytical articles in modern historiography. The focus of the study is to analyze the process of «purge» among the students of LGU in 1924 and to assess its impact on the social and political composition of the student body. The «purge» was an important event that reflected the internal moods of students and the attitude of the university authorities to the «old» students of that time.

Materials and methods. The study applied the principle of historicism and the method of reconstruction; the statistical method revealed the number of «purged students», as well as those who were able to subsequently return to the university; the narrative method was used to describe the events that took place at the university; the comparative method was used to compare the simultaneous «purges» of 1924 both at the Leningrad State University and at the working faculty (Rabfak). Structural-functional approach and the method of prosopographical analysis were used to analyze the biographies of the participants of the purge events. The sources of this study include both the published memoirs of former students of Leningrad State University, materials of the Soviet periodicals of 1924, and a number of previously unpublished materials, many of which are introduced in this study for the first time (materials from the fonds of the Central State Archive of St. Petersburg, the Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg, and the State Archive of the Russian Federation).

Results. It is revealed that the «purge» of 1924 was one of the most large-scale purges carried out at Leningrad State University in the 1920s. For the first time a complex and comprehensive analysis of the «purge» implemented in 1924 was carried out, which was a new knowledge in the historiography of the history of the university in the 1920s, the exact chronology of the events of 1924 was restored. It was established that this «purge» of the student body of the Leningrad State University seriously differed from the «purges» carried out during the same period in other higher

educational institutions not only in Leningrad, but also in the USSR as a whole. The «purge» of 1924 was a turning point for the formation and strengthening of the party organization.

Conclusion. The university authorities regarded the «purge» of 1924 as a definite outcome of their struggle, thanks to which the resistance of disloyal «old» students to the university authorities was broken; it became a victory and an important milestone in the internal student confrontation between «new» and «old» students; the university party organization began to strengthen, and the number of students belonging to the party increased. The study showed that despite the general declarative nature of the measures taken in 1924, some of the «purged» students were able to subsequently recover and continue their studies at the university.

Keywords: history of higher education in the USSR; government; society; Leningrad State University; purge; socio-political composition; «old» students; party organization

For citation: Solnyshkin, A.A. The Role of the «Purge» of 1924 in Changing the Socio-Political Composition of the Students of Leningrad State University. *Russia in the Global World*. 2025. Vol.28. Iss. 2. P. 85–97. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.6

© Solnyshkin, A.A., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Период 1922–1929-х гг. в Петроградском (Ленинградском) государственном университете – время существенных трансформаций в социальном составе студенчества. Вместе с этим, эта эпоха связана с политической борьбой внутри студенчества как в рамках партийных организаций, так и между «старыми» студентами (получившими неофициальное прозвание «белоподкладочников») и «новыми» («красными») студентами. К последним в официальном дискурсе относили «...рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию и их детей, и выпускников рабочих факультетов, членов партии и комсомола...» [1, с. 61].

Разумеется, эти процессы необходимо рассматривать в контексте общей политики в отношении Петроградского (Ленинградского) государственного университета, которую осуществлял большевистский режим, включающий в себя перестройку системы университетского управления, репрессии против преподавательского корпуса, внедрение в университетскую жизнь идеологических структур, в том числе, РЛКСМ¹. На 1922–1929-е гг. приходится одновременно и становление в университете партийной организации, а также «завоевание умов» преподавателей и студенчества. Новые «красные» университетские власти проводили целенаправленную политику «пролетаризации» и «советизации» студенчества, среди инструментов которой были: активное привлечение для борьбы со «старым» студенчеством рабфаковцев, а также проведение в 1924 г. так называемой «чистки» («академической проверки»). В связи этим, перед любым исследователем истории Ленинградского государственного университета 1920-х гг. возникает ряд вопросов: насколько эффективным инструментом была «чистка» 1924 г. в университете, удалось ли ей достичь поставленных властями задач и т. д. Поиск ответов на эти вопросы (которых ранее не было) и определяет необходимость в исследовании.

Степень изученности проблемы

В существующей историографии истории чисток в высшей советской школе в 1920-е гг. посвящено большое количество различных работ. Среди современных авторов можно выделить таких как И.В. Любезного [2; 3], О.В. Марущак [4],

¹ РЛКСМ – Российский ленинский коммунистический союз молодежи.

И. Халфина [5] и многих других. Вместе с этим, о проведенной в Ленинградском государственном университете «чистке» в 1924 г. в существующей историографии есть лишь отрывочные сведения. В советский период «чистка» 1924 г. рассматривалась как закономерный и положительный итог борьбы «новых» университетских властей с «реакционным» студенчеством, позволивший разрешить существовавшие внутренние противоречия между властями и студенчеством, а также окончательно подчинить студенчество проводимому властями курсу [6, с. 262]. В современной историографии при оценке проводимой «чистки» в 1924 г. в Ленинградском государственном университете наблюдается более взвешенный подход [7, с. 222]. Вместе с этим, современный исследователь А.Г. Ермошко, отмечает также особую роль в изменении состава студенчества университета сыграла проведенная в 1924 г. «чистка» [8, с. 141]. Как отмечал П. Конечный: «проверка студентов в мае 1924 года преследовала три цели: очистить вузы от непролетарских элементов и сторонников троцкизма, отсеять отстающих в учёбе и занять жёсткую позицию в политике в сфере высшего образования. Несмотря на то, что большинство целей проверки не были достигнуты, она оказала глубокое влияние на студенчество. Помимо того, что в результате «чистки» были отчислены тысячи студентов, она навсегда изменила отношения между студенческими советами, Коммунистической партией и учебными заведениями» [9, с. 103]. Однако в существующей историографии, как в советской, так и современной, «чистка» 1924 г. рассматривается весьма поверхностно, а также не дается ответа на вопрос об ее истинных результатах и эффективности для изменения социально-политического состава студенчества Ленинградского государственного университета.

Источниками данного исследования выступают как опубликованные воспоминания бывших в 1924 г. студентов Ленинградского государственного университета, материалы советской периодической печати 1924 г., так и ряд ранее неопубликованных материалов, многие из которых в данном исследовании впервые вводятся в научный оборот. Последними выступают материалы, отложившиеся в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, а также Государственного архива Российской Федерации. Сохранившиеся архивные материалы о событиях «чистки» 1924 г. позволяют не только дополнить существующие воспоминания бывших университетов, но и позволяют реконструировать наиболее полную картину происходивших тогда в Ленинградском государственном университете событий.

Объектом исследования является процесс советизации высшей школы в 1920-е гг. Предмет исследования – организация политических «чисток» университетского студенчества.

Методы

В исследовании применены принцип историзма, метод реконструкции, статистический метод при выявлении количества «вычищенных студентов», а также тех студентов, которые смогли впоследствии вернуться обратно в Ленинградский государственный университет; хронологический метод в рамках определения точных границ проводимой в 1924 г. «чистки»; нарративный метод при описании происходивших в университете событий; сравнительный метод при сопоставлении происходивших одновременно «чистки» 1924 г. как в самом Ленинградском

государственном университете, так и на рабочем факультете (рабфаке).

Предлагаемое исследование призвано прояснить ряд аспектов темы: имела ли «чистка» 1924 г. в университете массовый характер и какое количество студентов было «вычищено», носили ли проведенные мероприятия по исключению студентов отчасти декларативный характер и были ли случаи восстановления «вычищенных» студентов в последующие годы в университете?

Материалы

В Петроградском государственном университете в 1921 г. завершается разгром старой системы студенческого самоуправления, а в 1922 г. вводится в действие новая система управления, отстраняющая от руководства вузом профессуру, и лишившая университет каких-либо признаков былой автономии, происходит увольнение и частичная высылка за границу неугодных профессоров, начинаются увольнения «белоподкладочников». С 1923 г. при приеме в университет действует строгий классовый подход, на практике завершается внедрение в учебный процесс идеологических дисциплин, а «буржуазные» студенты, противодействующие советской власти, не только увольняются, но и подвергаются арестам [10, с. 263–308]. В этом контексте «чистка» 1924 г. выступает как новый этап борьбы за т.н. «советский университет».

«Чистка» в Ленинградском государственном университете в 1924 г. была начата весной, при её проведении университетские власти руководствовались утвержденной 29 апреля 1924 г. инструкцией «О проведении качественной проверки студентов ВУЗ РСФСР», согласно которой, в качестве причин, проводимых мероприятий, указывалось: «...а) необходимость освободить ВУЗы от чрезмерной перегрузки и обеспечить им возможность нормальной учебной работы; б) необходимость проведения контингента учащихся в ВУЗах в соответствии с потребностями народного хозяйства и государственного строительства в квалифицированных специалистах; с) удаление из ВУЗов студентов, не справляющихся с учебными требованиями ВУЗов и являющимися балластом для учебного заведения...»². Проверке подлежали все студенты без исключения. В качестве основных сведений, которые уточнялись при проверке студента, были: успеваемость студента в вузе, «пригодность» к работе по обучаемой специальности, основная профессия до поступления и причины поступления в вуз, мнения о нем студенчества и преподавателей, «общественно-политическое развитие», а также, социально-классовое происхождение, что на практике было самым главным. Последнее во многом и определяло характер и подход к проводимой «чистке» в Ленинградском государственном университете весной 1924 г. От классового происхождения студента зависели, в случае необходимости, возможные послабления при проводимой «академической проверке». Согласно инструкции, «...к студентам, выходцам из буржуазной и интеллигентной среды, материально обеспеченным, требовать полную академическую успешность, своевременного выполнения всех практических занятий и сдачи теоретических экзаменов...»; при проверке студентов из среды «трудового крестьянства», «...можно допускать некоторые послабления в академических требованиях и увольнять лишь тех, которые в ходе занятий проявили значительную неуспешность...»; при проверке

² Инструкция о проведении качественной проверки студентов ВУЗ'ов РСФСР // ГА РФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 280. Л. 1.

пролетарской части студенчества исключению подлежали только либо «...крайне слабо подготовленные к обучению в ВУЗе...», либо «...студенты, обнаружившие исключительную неуспешность в прохождении курса за время длительного обучения в ВУЗе...»³. В ходе проводимой «проверки» студенты обязаны были лично заполнить специальную анкету в присутствии комиссии.

Сама «чистка» в университете была начата в мае 1924 г.: «...16 мая 1924 года в целях приведения контингента студентов в соответствие с имевшимися материальными ресурсами СНК РСФСР принял Декрет «О сокращении наличного количества учащихся в вузах» ...» [6, с. 262]. В Декрете особенно подчеркивалось: «...Сокращение количества учащихся производить по линии проверки их академической успешности с тем, чтобы по отношению к пролетарскому студенчеству были допущены возможные преимущества и льготы, предусматривающие особые трудности для этой категории учащихся в прохождении курса высших учебных заведений...»⁴. Академической проверке подлежало большинство студенчества Ленинградского государственного университета, кроме студентов выпускных курсов⁵. Накануне объявления Декрета, состоялось собрание партийной организации университета, на котором подробно рассматривалось студенчество университета и его общественно-политическое состояние. На собрании указывалось, что «...по политическому настроению студенчество можно разбить на 4 группы: 1) на старших курсах есть студенты с оттенком, чуть-ли не монархическим, там попадаются даже архимандриты, попы, расстриженные и т. д., это черный элемент; 2) соглашательские группировки, меньшевики, эсеры и анархисты, и сменовеховцы; 3) так называемое "болото", и 4) пролетарское студенчество и профсоюзники...». Последняя группа студентов как раз и была сосредоточена первом курсе, однако, там тоже «...есть «случайный» элемент, который в процессе чистки должен быть отсеян...»⁶. В представленном на собрании отчете была дана подробная характеристика «засевшего» в университете «антисоветского» студенчества, представление которой вызвало эмоциональный отклик у собравшихся: «...Чем живет и дышит в настоящее время студенчество? (голоса с мест: «чисткой!»). Да. Студенчество боится чистки <...> особенно старшие курсы...»⁷. Последнее было неудивительным. Вопрос о том, что на старших курсах «засилье» «старых» студентов не раз поднимался на собраниях партийной организации университета, и поэтому первый удар «чистки» и предполагалось нанести по данной категории студенчества. И, как показал ход последующих событий, «страхи» старших курсов (прежде всего третьего, проходящего проверку) оказались не беспочвенны.

В отчете собрания от 15 мая 1924 г. был поднят вопрос и об оппозиции, существовавшей среди партийной организации университета, вопрос был поднят

³ Инструкция о проведении качественной проверки студентов ВУЗ'ов РСФСР // ГА РФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 280. Л. 1.

⁴ Декрет Совета Народных Комиссаров. О сокращении наличного количества учащихся в высших учебных заведениях РСФСР. Утвержден 16-го мая 1924 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1924 г. № 47–72. Отдел первый. М. С. 614.

⁵ Выпускной курс проверке не подлежит // Красная газета. 1924. 17 мая. № 24. С. 5.

⁶ Протокол № 10 от 15 мая 1924 г. общего собрания коллектива РКП(б) Ленинградского государственного университета // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 55. Л. 30.

⁷ Там же. Л. 31.

неслучайно. Как отмечается в современных работах, на университетском рабфаке в городе «...находился основной центр оппозиционной работы...» [11, с. 78]. В этот же период на университетском рабфаке также была проведена «чистка». Говоря не только о «чистке» в университете в 1924 г., но и в целом, обо всех проводимых «чистках» в 1920-е гг., необходимо сделать важное и принципиальное замечание. Характер проводимых «чисток» на рабфаке был направлен, в первую очередь, на борьбу с оппозицией, центром которой, как было выше указано, являлся непосредственно рабфак. «Чистки» рабфака в наименьшей степени носили «классовый» характер, т. к. основанная масса обучавшихся там была из крестьянской и пролетарской среды, в связи с тем, что по существующим правилам, там могли учиться только представители данных социальных групп. Возможно, на рабфаке были так называемые «классовые хамелеоны», однако, их количество было ничтожно малым. Поэтому «чистки» рабфака в 1922–1929-е гг. носили характер борьбы с существовавшей там оппозицией. В современной историографии данный вопрос наиболее полно и детально рассматривается в работе А.П. Купайгородской [12, с. 143–144]. Среди студентов, основного состава университета, ситуация была иной. Наши исследования показывают, что «чистки» 1922–1929 гг. в университете имели «классовый» характер. Они были направлены на борьбу с «неправильным» социальным происхождением «старых» студентов, в отличие от рабфака. На следующий день, 17 мая 1924 г., после объявления «чистки», в актовом зале университета прошло собрание студентов физико-математического факультета, на котором обсуждалась начавшаяся «академическая проверка». Согласно принятой в ходе собрания резолюции, студенты поддержали проводимую проверку в университете, т.к. «...за последние годы переполнение физмата достигло таких размеров, что препятствует нормальному движению занятий в лабораториях и кабинетах...», а находящиеся на факультете «...слабо выполняющие академические занятия и неспособные к работе в Вузе и к той специальности, которую готовит факультет...» студенты сильно препятствуют нормальной учебной работе⁸. «Чистку» 1924 г. также поддержали на сходке студенты факультета общественных наук (ФОНа) [6, с. 261]. «Чистку» в 1924 г. в Ленинградском государственном университете проводила «...созданная Правлением университета и бюро коллектива РКП(б) комиссия, в помощь которой было организовано 6 подкомиссий...» [13, с. 33]. За три дня работы комиссии по «проверке» в Ленинградском государственном университете было исключено 135 человек: «...Все исключенные – студенты первого курса, за исключением экономического отделения, где проверка началась со 2 курса...»⁹. Как отмечалось в ряде воспоминаний, при чистке 1924 г. также «...была удалена категория «вечных» студентов, им был дан срок для сдачи экзаменов, не выполнивших это требование, отчисляли...» [14, с. 53]. Больше всего «вечных» студентов в 1924 г. было на физико-математическом факультете университета...» [13, с. 25]. Это было неудивительно, т. к. на физмате университета было большое количество «старых» студентов, против которых и были направлены проводимые университетом «чистки».

⁸ Проверка необходима (Так постановили студенты физико-математического факультета университета) // Красная газета. 1924. 17 мая. № 24. С. 5.

⁹ Проверка в ВУЗА'ах. В университете // Красная газета. 1924. 25 мая. № 118. С. 4.

Важно отметить, что при «чистке» 1924 г. из Ленинградского государственного университета была «вычищена» значительная часть нелояльных властям студентов. Как отмечал в своих воспоминаниях бывший студент ФОНа, К.Г. Шариков, «...Антисоветская часть студенчества, как показали результаты проведенной в 1924 г. чистки, составляла 1/3 всей студенческой массы...» [13, с. 24].

«Чистка» стала важным аспектом борьбы с просоветской (социалистической) и внутрипартийной оппозицией. На рабфаке эту тему обсуждали особенно активно. В начале «чистки» среди студентов уже появился страх. В протоколе от 15 мая 1924 г. отмечалось, что ряд «товарищей», имевших оппозиционное настроение, в мае 1924 г. серьезно «передумали»¹⁰. Как отмечает Д.А. Баринов: «...анализ сотен биографий меньшевиков, эсеров и анархистов показал, что ни один из них не покинул вуз в результате чистки. Если при замысле «чистки» и существовал политический мотив, то он был тесно связан с социально-классовой политикой, направленной на пролетаризацию студенческого состава, что, по мнению властей, должно было повысить лояльность вузовской среды. Не коснулась «чистка» и активных оппозиционеров, участников дискуссии 1923 г. Ни один из них не был исключен из университета или института, так как член РКП(б)¹¹ или комсомола, даже с некоторыми идейными колебаниями, на тот момент был слишком ценным активом...» [11, с. 236, 237]. Таким образом, «чистка» основного состава 1924 г. на практике ориентировалась не столько на борьбу с бывшими «оппозиционерами» (которые «передумали»), сколько на «вычищение» социально-чуждых элементов из рядов студентов.

Впрочем, индивидуальные ситуации были очень различными. Так были и курьезные случаи, когда студента «вычищали» только по его внешнему виду. Как вспоминал бывший студент ФОНа, К.Л. Брук (бывший профработник и служащий Губотдела труда), во время «чистки» 1924 г. «...болел и вовремя не явился...», т.к. считал ее для себя формальностью, однако, когда он явился в комиссию по чистке, то был отчислен (узнал он об этом только спустя три месяца): «...я был в старой дореволюционной студенческой шинели и фуражке, и видимо, меня очевидно, приняли за белопокладочника...» [13, с. 214]. Впоследствии он был восстановлен. Для таких студентов, как, например, К. Л. Брук, «вычищенных» в 1924 г., 24 сентября 1925 г. коллегией Народного комиссариата просвещения РСФСР была принята специальная инструкция «о порядке и условиях обратного приема студентов, исключенных по академической проверке 1924 года». Обратный прием производился специальными комиссиями при вузах, и им могли воспользоваться только те студенты, которые не попадали под условия постановлений СНК РСФСР¹² от 24 мая 1924 г. и 30 сентября 1924 г.¹³. Об этом же говорило и постановление СНК РСФСР о пересмотре дел студентов, исключенных в ходе академической проверки¹⁴. Согласно

¹⁰ Протокол № 10 от 15 мая 1924 г. общего собрания коллектива РКП(б) Ленинградского государственного университета // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 55. Л. 30.

¹¹ РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков).

¹² СНК РСФСР – Совет народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

¹³ Список восстанавливаемых студентов Ленинградского государственного университета, уволенных по чистке в 1924 году // ЦГА СПб. Ф. Р-2556. Оп. 1. Д. 135. Л. 29.

¹⁴ Постановление СНК РСФСР О порядке пересмотра дел студентов, исключенных по академической проверке // Вестник Ленинградского облисполкома и Ленинградского совета. 1925.

Декрету от 24 мая 1924 г. «...В целях предоставления возможности работы по специальности учащимся высших учебных заведений, которые увольняются комиссиями в порядке проверки за академическую неуспешность, но которые в состоянии овладеть учебным материалом в объеме средней профессиональной технической школы <...> Предоставить студентам 2-го, 3-го и 4-го курсов, уволенным из высших учебных заведений при проверке академической успешности, право держать в качестве экстернов испытания при профессионально-технических средних учебных заведениях (техникумы, профессиональные курсы) на квалификацию, даваемую этими учебными заведениями по соответствующей специальности...»¹⁵. Согласно Декрету от 30 сентября 1924 г. «...Предоставить студентам предпоследних курсов всех факультетов, исключенным в порядке академической проверки <...> право держать экстернами экзамены за полный курс соответствующего высшего учебного заведения. Исключенным студентам первого курса всех факультетов предоставить право поступать в высшие учебные заведения с 1925–1926 учебного года на общих основаниях...»¹⁶.

В 1924 г. прием заявлений для восстановления от студентов производился только до 15 декабря, а до 1 января 1925 г. комиссии должны были рассмотреть все поступившие заявления и дать на них ответ. Те же лица, которые не были зачислены, могли с осени 1926 г. подать ходатайство о поступлении на 1-й курс любого ВУЗа на общих основаниях. Стоит подчеркнуть, что на практике у исключенных студентов, ввиду вышеперечисленных декретов, несмотря на «грозный» характер проведенной «чистки», все-таки была возможность продолжить обучение в вузе спустя время.

Если обратиться к Ленинградскому государственному университету, то сохранившиеся архивные материалы содержат некоторые сведения о числе «вычищенных» студентов, которые воспользовались указанной инструкцией, и смогли вернуться обратно. В 1925 г. было подано 138 заявлений о восстановлении от ранее «вычищенных» в 1924 г. (порядка 1200 человек)¹⁷. Из них только 30 человек были восстановлены. Абсолютное большинство восстановленных были студентами физико-математического факультета университета и по социально-политическому составу были беспартийными служащими.

Всего, как отмечается в историографии, в ходе «чистки» 1924 г. в Ленинградском государственном университете было «вычищено» 25, 5 % от общего количества всех студентов [7, с. 232]. Вместе с этим, возможно «неофициальная» цифра «вычищенных» студентов» была больше. Такое предположение можно

3 октября. № 79 (462). С. 1.

¹⁵ Декрет Совета Народных Комиссаров. О предоставлении студентам, уволенным из высших учебных заведений при проверке академической успешности, права держать испытания при профессионально-технических средних учебных заведениях. Утвержден 24-го мая 1924 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1924 г. № 47–72. Отдел первый. М. С. 616.

¹⁶ Декрет Совета Народных Комиссаров. О предоставлении исключенным студентам предпоследних курсов всех факультетов права держать экзамены экстернами и о предоставлении исключенным студентам первого курса права поступать в высшие учебные заведения в 1925–1926 учебном году. Утвержден 30-го сентября 1924 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1924 г. № 73–90. Отдел первый. М. С. 1149.

¹⁷ Отчетная ведомость об обратном приеме студентов, исключенных в 1924 году по академической проверке // ЦГА СПб. Ф. Р-2556. Оп. 1. Д. 511. Л. 278.

выдвинуть исходя из сохранившейся статистики о численности студентов университета. Так в начавшемся 1924–25 учебном году число студентов, по сравнению с 1923–24 учебным годом, резко сократилось на 40 %¹⁸.

В публичном поле «новыми» студентами проведенная в 1924 г. «чистка» оценивалась положительно: «...Пролетарское пополнение в 1923 г., чистка университета – значительно расширили социальную базу комсорганизации, обеспечили ее неуклонный рост и увеличили удельный вес ее в университете...»¹⁹. Оценка проведенной «чистки» властями была такой же. Ведь неслучайно «... «чистка» 1924 г. совпала по времени с официальным объявлением об успешной «пролетаризации» высшей школы, став ее финальным аккордом...» [1, с. 103], эта позиция утвердилась и в дискурсе советской историографии. Как отмечалось в советской истории ЛГУ (1945), «чистка» 1924 г. в университете стала решающим и поворотным моментом в борьбе «новых» со «старыми» студентами и началом этапа приближения победы «новых» студентов: «...большое число людей, чуждых советской власти, науке и университету, было исключено из университета <...> эта «чистка» оздоровила обстановку в университете...» [15, с. 88]. Вместе с этим, данному высказыванию присуща идеологическая ангажированность и говорить о полном «очищении» состава студенчества не приходится.

Результаты

Одним из результатов данного исследования впервые стало проведение комплексного и всеобъемлющего анализа «чистки», реализованной в 1924 г. в Ленинградском государственном университете, что позволило получить новое знание в историографии по истории университета в 1920-е гг. В ходе данного исследования впервые была восстановлена точная хронология проведенной в «чистки» в университете в 1924 г. Важным аспектом, выявленным в ходе исследования, стало то обстоятельство, что основанием для проводимой в университете «академической проверки» («чистки») являлась академическая успеваемость, «успешность» освоения учебных программ студенчеством. В существующей советской историографии данный факт не только не подчеркивался, но и умалчивался. При проводимой «академической проверке» в первую очередь учитывалась именно успеваемость студента, а затем рассматривалось его социальное происхождение, которое в случае, если оно было «неправильным», не давало послаблений для студента для успешного происхождения «чистки», в отличие от студента с «правильным» социальным происхождением. Данный факт стал одним из новых, полученных в ходе исследования. В ходе исследования было установлено, что «чистка» студенчества Ленинградского государственного университета 1924 г. серьезно отличалась от «чисток», проводимых в этот же период в других высших учебных заведений не только г. Ленинграда, но и в целом в СССР. «Чистка» 1924 г. в Ленинградском государственном университете была направлена на борьбу с «неправильным» классовым происхождением студентов (большинство из которых было «старыми» студентами), а не на борьбу с «неправильным» политическими взглядами. Автором была установлена взаимосвязь

¹⁸ Статистические сведения о количестве студентов в Ленинградском государственном университете в 1923–1925-х гг. // ЦГА СПб. Ф. Р-95. Оп. 3. Д. 6. Л. 149.

¹⁹ (Автор не установлен). Рукопись статьи по истории Ленинградского государственного университета // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 7. Д. 1547. Л. 7, 8.

между изменениями в социальном и политическом составе студенчества университета. Маркером этой взаимосвязи и стала «чистка» 1924 г. Исследование показало, эти действия задали совершенно новые критерии политической лояльности для студенчества. Становилось очевидным, что для успешной социальной стратегии уже недостаточно было занимать нейтральную позицию по отношению к власти (быть беспартийным студентом), требовалось активное соучастие в идеологических и политических компаниях.

В связи с этим, «чистка» 1924 г. была поворотным моментом для становления и укрепления партийной организацией. В результате «чистки» 1924 г. стало стремительно уменьшаться количество беспартийных студентов. Отчасти это было связано с тем, что часть беспартийных студентов были «вычищенными» «старыми» студентами. С другой стороны, оставшиеся беспартийные студенты стали активно вступать в партийную организацию университета и присоединяться к «новым» студентам.

Выводы

В истории Ленинградского государственного университета проведенная «чистка» 1924 г. стала одним из самых масштабных внутри университетских событий, затронувших почти абсолютное большинство обучавшихся студентов. «Чистка» являлась новым этапом усиления контроля режима над университетом. Результаты исследования показали, что «чистка» 1924 г., была в первую очередь направлена на борьбу с «академической неуспеваемостью» среди студенчества университета, её проведение позволило «вычистить» значительно количество «неуспевающих» студентов, что в свою очередь сказалось в последующем на росте средней успеваемости в университете.

Кроме того, «чистка» 1924 г. носила и социальный характер. Она нанесла серьезный и основательный удар по «старому» студенчеству, который был определенной победой властей университета. Так, в ряде сохранившихся воспоминаний советского периода проведенная «чистка» 1924 г. оценивалась не только положительно, но и подчеркивалась ее особая роль в становлении нового, «красного» университета в 1920-е гг.

Вместе с этим, «чистка» 1924 г. имела отчасти декларативный характер, т. к. в результате достичь абсолютной пролетаризации университета властям не удалось. Более того, часть «старых» студентов, спустя определенное время, смогла вновь восстановиться и продолжить обучение в университете. Однако, «чистка» 1924 г. стала определенным водоразделом в противостоянии властей университета и «новых» студентов со «старыми» и закрепила победу первых. В заключении, следует подчеркнуть, что «чистка» 1924 г. была важным фактором укрепления позиций партийной организации. После проведенной «чистки» количество студентов, вступивших в партийную организацию Ленинградского государственного университета, стало стремительно расти, а количество беспартийных студентов стало стремительно сокращаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Д.А. «Красное студенчество» в начале 1920-х гг.: дисс. на соиск. к.ист.н. СПб. 2007. 187 с.
2. Любезный И.В., Смагина С.М. Процесс чистки студенческого состава высшей школы Юга России в 1924 году: приоритеты и итоги // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10. № 1. С. 98–105. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.12>.

3. Любезный И.В. «Чистка» 1924 г. в восприятии студентов Юга России // XVIII Ежегодная молодежная научная конференция «Наука Юга России: достижения и перспективы»: тезисы докладов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. С. 174.
4. Марущак О.В. Проверка личного состава студентов рабочих факультетов РСФСР 1921–1925 гг.: (на примере Пензенской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4 (54). Ч. I. С. 111–113.
5. Халфин И. В поисках оппозиции: чистка 1924 г. в Ленинградском коммунистическом университете им. Г. Е. Зиновьева // Личность, общество и власть в истории России: сборник научных статей, посвященный 70-летию д-ра ист. наук, проф. В. И. Шишкина. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2018. С. 398–420.
6. История Ленинградского университета. 1819–1969: Очерки / отв. ред. В. В. Мавродин. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1969. 663 с.
7. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.
8. Ермошко А.Г. Изменение социального облика студенчества Петроградского/ Ленинградского университета в первые годы советской власти // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. № 2 (16). С. 137–144.
9. Konecny, P. Builders and Deserters: Students, State, and Community in Leningrad, 1917–1941. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1999. 358 p.
10. Ростовцев Е.А., Тихонов И.Л. Три века Петербургского университета. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2024. 463 с.
11. Баринев Д.А. Зиновьев. Троцкий. Университет. Левое движение в высшей школе Петрограда / Ленинграда (1918–1932 гг.). СПб.: Наука, 2024. 381 с.
12. Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917–1925 гг.) Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1984. 197 с.
13. На штурм науки: Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского ун-та. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. 264 с.
14. Солдатенков С.В. Прожито – не забыто. Воспоминания ленинградских универсантов: сборник. М. Г. Кулиби. СПб.: Издательство Филологического факультета СПбГУ, 2014. 165 с.
15. Ленинградский университет 1819–1944 / Отв. ред. В. В. Мавродин. М.: Советская наука, 1945. 182 с.

REFERENCES

1. Andreev D.A. «Krasnoe studenchestvo» v nachale 1920-h gg. [«Red Studenthood» in the Early 1920s]: diss. na soisk. k.ist.n. SPb. 2007. 187 p. (In Russian).
2. Lyubeznyi, I.V., Smagina, S.M. The Process of Purification of the Student Structure of the Higher School of the South of Russia in 1924: Priorities and Results. *Humanities and law research*. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 98–105. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.12>.
3. Lyubeznyi I.V. «Chistka» 1924 g. v vosprijatii studentov Juga Rossii [«Purge» 1924 in the Perception of Students of the South of Russia]. XVIII Ezhegodnaja molodezhnaja nauchnaja konferencija «*Nauka Juga Rossii: dostizhenija i perspektivy*» [XVIII Annual Youth Scientific Conference «*Science of the South of Russia: achievements and prospects*»]. Rostov-na-Donu: Izd-vo JuNC RAN, 2022. P. 174. (In Russian).
4. Marushchak O.V. Examination of Students Staff of Workers' Faculties of the RSFSR of 1921–1925 (by the Example of Penza Province). *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2015. No. 4 (54). Part I. P. 111–113. (In Russian).
5. Halfin I. V poiskah oppozicii: chistka 1924 g. v Leningradskom kommunisticheskom universitete im. G. E. Zinovjeva [In Search of Opposition: the Purge of 1924 in the Leningrad Communist University Named after G.E. Zinoviev]. *Lichnost, obshhestvo i vlast v istorii Rossii* [Personality, Society and Power in the History of Russia]: sbornik nauchnih statej, posvjashhennyj 70-letiju d-ra ist. nauk, prof. V.I. Shishkina. Novosibirsk: Publishing house SO RAN, 2018. P. 398–420. (In Russian).

6. Istorija Leningradskogo universiteta. 1819–1969: Oчерki [History of Leningrad University. 1819–1969: Essays]. Edited by V.V. Mavrodin. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1969. 663 p. (In Russian).
7. Rozhkov A.Yu. V krugu sverstnikov: Zhiznennyj mir mladogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-h godov [In the Circle of Peers: The Life World of a Young Man in Soviet Russia in the 1920s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review], 2014. 640 p. (In Russian).
8. Ermoshko A.G. Izmenenie socialnogo oblika studenchestva Petrogradskogo/Leningradskogo universiteta v pervye gody sovetskoj vlasti [Changes in the Social Image of the Student Population of Petrograd/Leningrad University in the First Years of Soviet Power]. *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Istorija* [Vestnik of Perm University. Series: History]. 2011. No. 2 (16). P. 137–144. (In Russian).
9. Konecny, P. Builders and Deserters: Students, State, and Community in Leningrad, 1917–1941. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1999. 358 p.
10. Rostovtsev E.A., Tikhonov I.L. Tri veka Peterburgskogo universiteta [Three Centuries of St. Petersburg University]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Publishing House of St. Petersburg State University], 2024. 463 p. (In Russian).
11. Barinov D.A. Zinov'ev. Trockij. Universitet. Levoe dvizhenie v vysshej shkole Petrograda/Leningrada (1918–1932 gg.) [Zinoviev. Trotsky. University. The Left Movement in the Higher School of Petrograd/Leningrad (1918–1932)]. Saint Petersburg: Nauka, 2024. 381 p. (In Russian).
12. Kupaigorodskaya A.P. Vysshaja shkola Leningrada v pervye gody Sovetskoj vlasti (1917–1925 gg.) [Higher School of Leningrad in the First Years of Soviet Power (1917–1925)]. Leningrad: Nauka. Leningrad Branch, 1984. 197 p. (In Russian).
13. Na shturm nauki: Vospominanija byvshih studentov fakulteta obshhestvennyh nauk Leningradskogo un-ta [Storming Science: Memories of Former Students of the Faculty of Social Sciences at Leningrad University]. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta [Leningrad University Publishing House], 1971. 264 p. (In Russian).
14. Soldatenkov S.V. Prozhito – ne zabyto Vospominanija leningradskih universantov [Lived – not Forgotten. Memories of Leningrad University Students]: sbornik. M.G. Kulibi. Saint Petersburg: Izdatelstvo Filologicheskogo fakulteta SPbGU [Publishing House of the Philological Faculty of St. Petersburg State University], 2014. 165 p. (In Russian).
15. Leningradskij universitet 1819–1944 [Leningrad University 1819–1944]. Edited by V.V. Mavrodin. Moscow: Sovetskaja nauka, 1945. 182 p. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Солнышкин Андрей Александрович – ведущий архивист, Отдел использования и публикации документов; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.

E-mail: solnyschkin.andrei@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6660-5067

Автор подтверждает об отсутствии конфликта интересов.

Solnyshkin Andrei A. – The leading archivist, Department of Use and Publication of Documents; the Central State Archive of St. Petersburg.

E-mail: solnyschkin.andrei@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6660-5067

The author confirms that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.04.2025.

Одобрена после рецензирования 25.04.2025.

Принята 05.05.2025.

Received 15.04.2025.

Approved after reviewing 25.04.2025.

Accepted 05.05.2025.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ EURASIAN INTEGRATION

научная статья / research article

УДК: 327

EDN: QXAPBU

DOI: 10.48612/RG/RGW.28.2.7

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

Геополитические аспекты транспортных коридоров: как конкуренция великих держав формирует политическую динамику в Центральной Азии

Пьянникова Дарья Евгеньевна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
 pyannikova_daria@mail.ru

Аннотация

Введение. В исследовании приводится анализ геополитических аспектов транспортных коридоров в Центральной Азии и их влияние на политическую динамику в регионе. Регион, обладая выгодным географическим положением, служит связующим звеном между Европой и Азией, что делает его объектом интересов множества стран, включая Россию, Китай, США и соседние страны. Рассматривается влияние конкуренции между великими державами на формирование транспортных маршрутов и их использование в своих интересах. Особое внимание уделяется роли Китая, США, Европейского Союза, России и других стран в создании и развитии транспортной инфраструктуры (ТРАСЕКА¹, «Север-Юг», «Восток – Запад», проект «Один пояс – один путь»), а также стратегическим планам по укреплению своего влияния в субрегионе. Предметом исследования является геополитическое влияние конкуренции великих держав (Россия, Китай, США) в сфере развития транспортных коридоров на политическую динамику в странах Центральной Азии. Объектом изучения определены транспортные коридоры, проходящие через регион и политические процессы, обусловленные конкуренцией между великими державами в сфере их развития и контроля. В фокусе – определение и анализ геополитических факторов, определяющих конкуренцию великих держав в сфере развития транспортных коридоров и оценка их влияния на политическую стабильность, суверенитет и экономическое развитие стран региона.

Материалы и методы. Информационной основой исследования послужили официальные документы и соглашения, научные исследования, статистические данные объемов торговли и т.д. Были использованы количественные и качественные методы, метод контент-анализа, сравнительный анализ.

¹ TRACECA – Transport Corridor Europe-Caucasus-Asia

Результаты. Изучены теоретические подходы к анализу геополитики, роли транспортных коридоров и конкуренции великих держав в регионе, определены и классифицированы основные транспортные коридоры. Проанализированы интересы и стратегии России, Китая, Индии и США в сфере развития транспортных коридоров в Центральной Азии. Оценено влияние конкуренции великих держав в транспортной сфере на политическую динамику региона.

Обсуждение. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что развитие транспортных коридоров влияет на экономическое сотрудничество, а также на политическую стабильность стран Центральной Азии.

Заключение. Транспортные коридоры играют ключевую роль в формировании нового порядка в данном регионе, где экономические и политические интересы великих держав пересекаются с национальными интересами стран Центральной Азии. Исследование предоставляет практические рекомендации для государств и международных организаций по оптимизации сотрудничества в сфере инфраструктуры и торговли, что может способствовать укреплению стабильности и безопасности в условиях конкурентной борьбы великих держав.

Ключевые слова: транспортные коридоры; Центральная Азия; Китай; Россия; Европейский союз; США

Для цитирования: Пьянникова Д.Е. Геополитические аспекты транспортных коридоров: как конкуренция великих держав формирует политическую динамику в Центральной Азии // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 2. С. 98–110. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.7

© Пьянникова Д.Е., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Geopolitical Aspects of Transport Corridors: How Great Power Competition Shapes the Political Dynamics in Central Asia

Daria E. Pyannikova

Ural Federal University Named after First President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

 pyannikova_daria@mail.ru

Abstract

Introduction. The study provides an analysis of the political aspects of transport corridors in Central Asia and their impact on the political dynamics in the region. This region, with its advantageous geographical location, serves as a link between Europe and Asia, which makes it an object of interest to many countries, including Russia, China, the United States and neighboring regions. The article examines the impact of competition between great powers on the formation of transport routes and their use to their advantage. Special attention is paid to the role of China, the United States, the European Union, Russia and other countries in the creation and development of transport infrastructure (TRACECA, North–South, East–West, One Belt – One Road project) in the region under study, as well as strategic plans to strengthen its influence in the subregion. The subject of the study is the geopolitical impact of the competition of the great powers (Russia, China, the USA) in the development of transport corridors on the political dynamics in the countries of Central Asia; The object of the study is the transport corridors passing through the region and the political processes caused by competition between the great powers in the sphere of their development and control. The research focuses on identifying and analyzing the geopolitical factors that determine the competition of great powers in the development of transport corridors and assessing their impact on the political stability, sovereignty and economic development of the countries of the region.

Materials and methods. Official documents and agreements, scientific research, statistical data on trade volumes, etc. were the information basis of the research. The study used quantitative and qualitative methods, the method of content analysis, and comparative analysis.

Results. Theoretical approaches to the analysis of the geopolitics of transport corridors and the competition of great powers in the region have been studied, and the main transport corridors have been identified and classified. The interests and strategies of Russia, China, India, and the United States in the development of transport corridors in Central Asia are analyzed. The influence of the competition of the great powers in the transport sector on the political dynamics of the region is assessed. Discussion. The results obtained allow us to conclude that the development of transport corridors affects economic cooperation as well as the political stability of the Central Asian countries.

Conclusion. Transport corridors play a key role in shaping a new order in this region where the economic and political interests of the great Powers overlap with the national interests of the Central Asian countries. The study provides practical recommendations for states and international organizations to optimize cooperation in the field of infrastructure and trade, which can contribute to strengthening stability and security in the competitive environment of great powers.

Keywords: Transport Corridors; Central Asia; China; Russia; European Union; USA

For citation: Pyannikova, D.E. Geopolitical Aspects of Transport Corridors: How Great Power Competition Shapes the Political Dynamics in Central Asia. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 2. P. 98–110. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.7

© Pyannikova, D.E., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Центральная Азия стала важным геополитическим регионом современного мира. В политико-географическом субрегионе Центральной Азии находятся пять бывших союзных республик, которые с 1991 года стали независимыми государствами: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Регион соединяет торговые пути Европы, Ближнего Востока и Азии [1]. Регион объединяет ядерные государства, такие как Россия, Китай, Индия, Пакистан и привлекает внимание ведущих экономик благодаря своим природным ресурсам: газ, нефть, уголь, цинк, свинец, золото, олово, редкие металлы, сера, фосфориты, мрамор и т.д. [2] За последние 30 лет страны Центральной Азии значительно улучшили свое экономическое положение. Это стало важным шагом к созданию и развитию демократических институтов. В результате страны стали более привлекательны в глазах европейских государств и США. Так как логистические цепочки являются гарантом успешных торгово-экономических отношений, то необходима развитая транспортная система. Контроль над транспортными коридорами имеет ключевое значение для обеспечения безопасности и суверенитета, а также для усиления военно-политического влияния [3]. Конкуренция за рынки сбыта, в свою очередь, приводит к геополитической нестабильности в данном регионе.

Транспортные артерии играют ключевую роль в геополитике, поскольку они соединяют различные географические области, упрощая торговлю, обмен информацией, культурное и экономическое взаимодействие. Контроль над транспортными путями может усилить политическое влияние государства в регионе и способствовать его экономическому росту. Кроме того, транспортные коридоры имеют важное значение в военном аспекте, позволяя оперативно перемещать войска и обеспечивать логистическую поддержку. В связи с этим, контроль над ключевыми транспортными артериями часто становится предметом конфликтов и соперничества между государствами [4].

В странах Центральной Азии особое внимание уделяется развитию международных транспортных коридоров (далее – МТК). Это связано с тем, что

интеграция в международную транспортно-логистическую систему является одним из ключевых направлений транспортной политики региона. Ряд проектов, связанных с транспортными маршрутами, которые проходят через государства Центральной Азии, были предложены государствами, расположенными за пределами региона. В частности, Европейский союз и Китай активно развивают сотрудничество со странами Центральной Азии и проявляют интерес к некоторым из этих проектов. Создание и улучшение инфраструктуры для привлечения инвестиций в страны и регионы – один из ключевых векторов развития в современном мире. Транзитный потенциал стран региона и их включение в новые МТК создают возможности для выхода на внешние рынки и укрепления экономики. Для устойчивого и предсказуемого экономического роста необходимо уделять особое внимание развитию реального сектора и промышленного производства [5].

В последние годы наблюдается активизация инвестиционных программ и инициатив со стороны этих стран, что подчеркивает важность исследования новых транспортных коридоров и их влияния на политическую стабильность, экономическое развитие и безопасность Центральной Азии. Актуальность данного исследования в том, что понимание этих процессов позволяет не только прогнозировать будущие политические сценарии, но и выявлять возможности для сотрудничества и оптимизации транспортных потоков. Новизна заключается в оценке не только экономических, но и политических факторов, а также в использовании сравнительного подхода для анализа внешних акторов и их стратегий на развитие транспортных коридоров и политической динамики в регионе.

В качестве информационной базы исследования были использованы официальные документы и соглашения, статистические данные, научные публикации. В процессе исследования применялись как количественные, так и качественные методы, в том числе метод контент-анализа и сравнительный анализ.

Результаты и их обсуждение

Роль Китая в Центральной Азии

Китай разрабатывает проект «Один пояс – один путь», который активно развивается в рамках евразийских транспортных коридоров и охватывает Юго-Восточную Азию, часть Африки, Индию, Центральную Азию (Таджикистан, Казахстан и т.д.) и Европу. Этот коридор отражает геополитический курс Китая «на мирное возвышение» и включает масштабные инвестиции в инфраструктуру, включая магистрали, железные дороги и порты. Благодаря сотрудничеству с Китаем страны Центральной Азии² получают доступ к китайскому и другим международным рынкам, что способствует диверсификации их экономик и снижению зависимости от традиционных партнеров. Китай в своей политике полагается на экономическую экспансию, развивая инфраструктуру и создавая рабочие места в других государствах в обмен на право китайских компаний действовать на их территории.

Китай является крупнейшим торговым партнером Кыргызстана, Туркменистана и Узбекистана и вторым по величине торговым партнером Казахстана, а также третьим по величине торговым партнером Таджикистана. Импорт сельскохозяйственной,

² Шукан Ц. Китай и страны Центральной Азии совместно продвигают инициативу "Один пояс и один путь". 17.05.2023 // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2023/05/18/otpravnaia-tochka-mira.html> (дата обращения: 21.01.2025).

энергетической и минеральной продукции в Китай из пяти стран стремительно растёт. Одновременно с этим, экспорт механической и электронной продукции из Китая в эти страны увеличился на 42%. Началась реализация нескольких совместных инициатив в области инфраструктуры, нефтегазовых разведочных работ, производства, медицины и здравоохранения, образования, технологий и цифровой экономики. По данным таможенного агентства Китая (GACC³), в 2023 г. товарооборот между Китаем и государствами Центральной Азии составил 89,4 миллиарда долларов. Это на 27% больше, чем в предыдущем году (70,2 миллиарда долларов)⁴.

Хоргос – это Международный центр приграничного сотрудничества (МЦПС), который служит зоной беспощинной торговли между Китаем и Казахстаном. Центр разделён на две части: казахстанскую и китайскую⁵. Трубопровод, соединяющий Китай с Центральной Азией, – это первый международный газопровод в Китае. Его длина составляет 1833 км, а пропускная способность – 60 млрд. м³ газа в год. Газопровод начинается на границе Туркменистана и Узбекистана, проходит через территории этих двух стран и Казахстана. В пункте Хоргос, который находится в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, он соединяется с китайской магистралью «Запад – Восток».

В 2023 г. состоялся форум, посвященный промышленному и инвестиционному сотрудничеству между Китаем и странами Центральной Азии⁶. Мероприятие получило название «С+С5: Содействие высококачественному региональному экономическому развитию на основе взаимной выгоды и беспроигрышного прогресса». Си Цзиньпин, председатель Китайской Народной Республики, заявил о готовности своей страны делиться своими рынками, промышленностью и технологиями со странами Центральной Азии. Он также подчеркнул важность углубления сотрудничества и совместного экономического развития. По его мнению, это будет способствовать созданию тесного китайско-центральноазиатского сообщества с общим будущим⁷.

Транскаспийский международный транспортный маршрут (далее – ТМТМ) «обеспечивает торговые связи Китая, Казахстана, стран Южного Кавказа, Турции и Южной Европы». Запущенный в 2017 г., в настоящее время ТМТМ рассматривается в качестве важной составляющей развития экономических отношений между ЕС и Китаем. Помимо стратегически перспективного евразийского маршрута, ТМТМ стал для Казахстана интересным коридором, соединяющим железнодорожную инфраструктуру, морское сообщение, сухой порт. ТМТМ является мультимодальным маршрутом, в котором задействованы два вида транспорта: железнодорожный и

³ General Administration of Customs of the People's Republic of China.

⁴ Imports and Exports by Country (Region) of Origin/Destination, 12.2023. 19.01.2024 // General Administration of Customs People's Republic of China: [сайт]. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/57de06a8-279a-4ee7-952c-d4ce287404e1.html> (дата обращения: 21.01.2025).

⁵ Инфографика: Экономические и торговые отношения Китая и Центральной Азии достигли существенных результатов. 16.05.2023 // New Central Asia: [сайт]. URL: <https://www.newscentralasia.net/2023/05/16/infografika-ekonomicheskiye-i-torgovyye-otnosheniya-kitaya-i-tsentralnoy-azii-dostigli-sushchestvennykh-rezultatov/> (дата обращения: 21.01.2025).

⁶ Кондратьев В. Казахстан и Туркменистан принял участие в министерской встрече «Центральная Азия – Китай». 06.05.2023 // Сетевое издание «Каспийский Вестник» [сайт]. URL: <https://casp-geo.ru/kazahstan-i-turkmenistan-prinyal-uchastie-v-ministerskoj-vstreche-tsentrlnaya-aziya-kitaj/> (дата обращения: 21.01.2025).

⁷ В Циндао проходит промышленно-инвестиционный форум Китай + Центральная Азия. 17.02.2023 // TURKMENPORTAL: [сайт]. URL: <https://turkmenportal.com/blog/58045/v-cindao-prohodit-promyshlennoinvesticionnyi-forum-kitai--centralnaya-aziya> (дата обращения: 26.01.2025).

морской. В настоящее время сроки прохождения транзитных грузов из Китая в Европу составляют 19–23 дня, из них по территории Казахстана – 6 дней, грузопоток – 6 млн. тонн. В рамках соглашения планируется увеличить грузопоток к 2027-му году до 10 млн. тонн, общая скорость прохождения грузов из Китая в Европу составит 12–13 дней. В целом, Транскаспийский маршрут проходит через Казахстан, который непосредственно граничит с Китаем, акваторию Каспийского моря, Азербайджан, Грузию и через Турцию выходит на страны ЕС. По итогам 2023 г. грузовой поток по этому коридору увеличился на 65% по сравнению с 2022 г., составив 2,7 млн. тонн. За четыре месяца текущего года по ТМТМ было перевезено 1,4 млн. тонн, что на 14% больше, чем за аналогичный срок прошлого года⁸.

Усиление китайского присутствия в Центральной Азии вызывает опасения по поводу утраты суверенитета или чрезмерной экономической и политической зависимости от Китая. Тем не менее, Китай является наиболее важным партнером для стран Центральной Азии, т.к. увеличивается взаимодействие в области экономики, культуры, устанавливаются дипломатические отношения, особенно учитывая место и роль Китая в современном миропорядке. Для Китая возведение континентальных маршрутов актуализируется из-за торговой войны с США, которая перемещается и на морское пространство⁹. Китай считает, что в нынешних условиях новый путь мог бы значительно изменить структуру евразийской транспортной сети.

Роль США и Европейского Союза в Центральной Азии

В последние годы в ключевых документах, определяющих внешнеполитическую стратегию США, более подробно описываются интересы, цели и задачи Вашингтона в отношении государств субрегиона, чем когда-либо прежде. В стратегии США в отношении Центральной Азии можно выделить приоритеты и определить, какие вопросы имеют первостепенное значение.

Участие США в формате «С5+1» способствует укреплению связей в регионе, а также поддерживает суверенитет, независимость и территориальную целостность стран Центральной Азии. Благодаря помощи правительства США в размере более 34 млн. долларов, проекты «С5+1» реализуются по всей Центральной Азии. Проекты направлены на обеспечение безопасности, развитие экономических связей и защиту окружающей среды¹⁰. В рамках формата «С5+1» страны-участницы подтвердили свою приверженность следующим принципам: совместная работа над преодолением общих угроз безопасности; активизация усилий в регионе по борьбе с терроризмом и сотрудничеству в области пограничной безопасности; противодействие насильственному экстремизму в регионе¹¹.

⁸ Срок доставки грузов по Транскаспийскому маршруту, который идет в обход России, сократится в два раза. 29.05.2024 // Онлайн платформа TRANS.RU: [сайт]. URL: <https://trans.ru/news/srok-dostavki-gruzov-po-transkaspiskomu-marshrutu-kotorii-idet-v-obhod-rossii-sokratitsya-v-dva-raza> (дата обращения: 26.03.2025).

⁹ Smith, J.M. China's Belt and Road Initiative: Strategic Implications and International Opposition // Backgrounder, No. 3331. The Heritage Foundation: [сайт]. URL: <https://www.heritage.org/asia/report/chinas-belt-and-road-initiative-strategic-implications-and-international-opposition> (дата обращения: 26.03.2025).

¹⁰ United States Strategy for Central Asia 2019–2025 (Advancing Sovereignty and Economic Prosperity). February 2020 // U.S. Embassy in Tajikistan: [сайт]. URL: <https://tj.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/143/United-States-Strategy-for-Central-Asia-2019-2025-1.pdf> (дата обращения: 26.01.2025).

¹¹ Tolipov, F. New Strategy, Old Game: The Realigning Geopolitics of Central Asia. 26.03. 2020 // Central Asia-Caucasus Analyst: [сайт]. URL: <http://cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13610-new-strategy-old-game-the-realigning-geopolitics-of-central-asia.html> (дата обращения: 26.01.2025).

США стремятся усилить влияние в Центральной Азии через программы развития, демократизации и безопасности совместно с ЕС. Одним из важных проектов ЕС является TRACECA (Transport Corridor Europe Caucasus Asia), соединяющий Европу и Азию в обход России. Поддержка коридора США связана с желанием оградить новые независимые государства региона от доминирования одного государства в сфере коммуникаций и транспорта, а также обеспечить гарантированный выход прикаспийских энергоресурсов на международные рынки. Интерес США к Центральной Азии возрастает в контексте новой холодной войны [6].

Международный транспортный коридор «Восток – Запад» (МТК «Восток – Запад») играет ключевую роль в развитии международных экономических отношений и сферы транзитных услуг. Связано с тем, что маршрут является востребованным для осуществления транзитных перевозок между Китаем и Евросоюзом. Коридор представляет собой альтернативу традиционному морскому пути, который проходит через Суэцкий канал и соединяет Юго-Восточную Азию с Европой. В сентябре 2023 г. на саммите G20 в Нью-Дели была выдвинута инициатива «Хлопкового пути» – «экономического коридора», соединяющего Индию с Ближним Востоком и Европой. Проект может стать началом нового экономического альянса, целью которого является уничтожение БРИКС, маргинализация Суэцкого канала и подрыв китайского Шелкового пути. Возможно, страны Центральной Азии также интегрируются в данную инициативу.

Для Соединенных Штатов Америки представляют интерес проекты, которые в конечном итоге должны нанести ущерб экономическим возможностям Российской Федерации, ограничить или полностью исключить её из цепочек поставок товаров, а также снизить уровень сотрудничества с государствами Центральной Азии.

Роль Индии в Центральной Азии

Стремление обеспечить свою энергетическую безопасность за счёт нефти и газа из Центральной Азии формирует стратегические интересы Индии в регионе. В задачи политики Нью-Дели входит стремление стать сильным региональным игроком. Индия активно участвует в геэкономических и геополитических процессах в Центральной Азии, разрабатывает инициативы, направленные на укрепление связей с республиками, несмотря на их географическую отдаленность. Индия возлагает большие надежды на многостороннее сотрудничество со странами Центральной Азии в области экономики, политики и безопасности. Однако одним из главных препятствий на пути реализации индийской внешнеполитической стратегии в регионе является Китай.

Сотрудничество Индии и государств Центральной Азии в энергетической сфере началось с проектов по модернизации гидроэлектростанций и линий электропередач на территории Таджикистана и Кыргызстана. Индийская сторона выделила на эти цели своим центральноазиатским партнёрам гранты и льготные кредиты в рамках программы технической помощи¹².

Индия проявляет большой интерес к проекту строительства газопровода ТАПИ¹³, который должен связать Туркменистан, Афганистан, Пакистан и Индию. Строительство газопровода началось в 2015 г., но в настоящее время приостановлено из-за

¹² Mullen, R.D., Shivakumar, H., Taraporevala, P., Prasad, K.K. India Central Asia Background. Indian Development Cooperation Research. 06.01.2014 // Centre for Policy Research (CPR): [сайт]. URL: https://cprindia.org/wp-content/uploads/2021/12/India-Central-Asia_0.pdf (дата обращения: 27.03.2025).

¹³ Газопровод Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ).

нестабильной политической ситуации в Афганистане. Если проект будет успешно реализован, Индия не только получит доступ к углеводородным ресурсам региона, но и значительно укрепит свои геополитические позиции в Центральной Азии¹⁴.

Одним из основных препятствий на пути развития экономического и политического взаимодействия между Индией и государствами региона является ограниченность транспортно-логистических возможностей. Поэтому Индия стремится интегрироваться в уже существующие евразийские системы. В 2016 г. Индия присоединилась к Ашхабадскому соглашению о международном транспортном и транзитно-транспортном коридоре, которое упрощает перемещение грузов между странами Центральной Азии и Персидского залива. В том же году было подписано трехстороннее соглашение с Ираном и Афганистаном о транзите, в рамках которого планируется строительство порта в Чабахаре при финансовой поддержке Индии. В перспективе Индия планирует превратить порт Чабахар в крупный транзитный узел и интегрировать его в международную транспортную систему «Север – Юг». Индия активно работает над расширением торговли со странами Центральной Азии.

С целью интенсифицировать торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество индийским правительством было инициировано создание Делового совета «Индия и Центральная Азия», первое заседание которого состоялось в Нью-Дели в феврале 2020 г. В центре внимания был вопрос о необходимости воздушных коридоров между Индией и странами региона. На фоне китайского проекта, отличающегося глобальными масштабами и солидным финансовым капиталом, Индии будет очень сложно продвигать в Центральной Азии свои экономические и транспортно-коммуникационные инициативы.

В связи с этим для Нью-Дели предпочтительнее подключиться к проекту КНР, который мог бы оказаться плодотворным, даже несмотря на дефицит доверия в Индии в отношении Пекина [7]. Несмотря на тесные стратегические партнёрские связи, которые Индия установила с Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном и Кыргызстаном, её товарооборот остается небольшим. Она не входит в число крупнейших торговых партнёров этих стран. Это свидетельствует о том, что в двусторонних торгово-экономических отношениях Индии с государствами Центральной Азии есть существенный пробел, который не соответствует интересам и потенциалу обеих сторон.

Таблица 1*

**Товарооборот Индии с Центральной Азией
(2023–2024) ****

	Экспорт	Импорт	Общий объем торговли
Казахстан	236.56	95.14	331.70
Кыргызстан	45.72	9.34	55.06
Таджикистан	51.64	0.01	51.65
Туркменистан	37.46	74.93	112.39
Узбекистан	372.56	98.80	471.36

* Таблица составлено автором на основе Directorate General of Foreign Trade of India

** Значения в млн. долларов США

¹⁴ Чепурина М. Проект ТАПИ: геополитический козырь Туркменистана. 26.07.2016 // Российский совет по международным делам (РСМД): [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/proekt-tapi-geopoliticheskiy-kozyr-turkmenistana/> (дата обращения: 27.03.2025).

Для того, чтобы упрочить свои позиции в регионе и ясно обозначить свои намерения, Индией сформулированы стратегии «Connect Central Asia»¹⁵ и «Extended Neighborhood»¹⁶. Обе стратегии основаны на активном политическом, экономическом и человеческом взаимодействии со странами Центральной Азии, но по-прежнему нуждаются в стабильной наземной связи.

Роль России в Центральной Азии

Россия, как региональная держава, традиционно считает Центральную Азию своей сферой влияния и старается сохранить контроль над транспортными маршрутами и энергетическими ресурсами региона [8].

Транспортный путь «Север – Юг» открывает новые перспективы для международной торговли, обеспечивая альтернативный маршрут для доставки товаров из Индии, Юго-Восточной Азии, Африки и Ближнего Востока в Европу в обход Суэцкого канала. Проект МТК «Север – Юг»¹⁷ был разработан еще в 1999 г. Россией, Ираном и Индией. В 2002 г. Россия утвердила генеральный договор, регулирующий перевозку контейнеров между странами по международному транспортному маршруту Россия – Каспий – Иран – Индия – Шри-Ланка. Этот договор регулирует экспортно-импортные операции с использованием контейнеров. Задача проекта состояла в том, чтобы уменьшить время доставки грузов между Россией и Индией, а также создать альтернативный маршрут, который не будет проходить через Суэцкий канал в Египте.

Основное преимущество транспортного коридора «Север – Юг» перед другими маршрутами – это значительное сокращение расстояния перевозок и, как следствие, снижение стоимости транспортировки контейнеров. Постепенно к договору о создании МТК подключились такие страны, как Казахстан, Белоруссия, Армения, Азербайджан, Сирия, Оман. В районе Каспийского моря коридор «Север – Юг»¹⁸ проходит по трем маршрутам: транскаспийскому – с использованием портов России и Ирана, западному – через Азербайджан, восточному – через Казахстан, Узбекистан и Туркменистан.

Преимущество транспортного пути – сокращение расстояния перевозок, что экономит время и деньги. Маршрут связан с большинством широтных транспортных коридоров в евроазиатском сообщении. Роль МТК «Север – Юг» возрастает в условиях формирования «новой логистики» и восстановления международных транспортно-логистических цепочек. С другой стороны, это может быть признаком

¹⁵ See: Keynote address by MOS Shri E. Ahamed at First India-Central Asia Dialogue. 12.06.2012 // Ministry of External Affairs. Government of India: [сайт]. URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/19791/> (дата обращения: 28.03.2025).

¹⁶ See: Keynote address by Secretary (East) at 6th IISS-MEA Dialogue on 'India's extended neighbourhood: Prospects and Challenges' at IDSA, New Delhi. 04.03.2014 // Ministry of External Affairs. Government of India: [сайт]. URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/23030> (дата обращения: 28.03.2025).

¹⁷ Соглашение о международном транспортном коридоре «Север – Юг» между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Индия, Правительством Исламской Республики Иран и Правительством Султаната Оман // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=13&nd=203000589&collection=1 (дата обращения: 21.09.2024).

¹⁸ Раванди-Фадаи Л. Международный транспортный коридор «Север – Юг» и его значение для Ирана. 26.07.2023 // Российский совет по международным делам (РСМД): [сайт]. URL: <https://russiacouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnyy-transportnyy-koridor-sever-yug-i-ego-znachenie-dlya-irana/> (дата обращения: 21.01.2025).

того, что Россия планирует расширять своё влияние на мировой рынок и увеличивать объем транзитных перевозок через свою территорию в ближайшем будущем¹⁹. Это может быть связано с высокой вероятностью военно-политической нестабильности в ключевых регионах мира, которые имеют большое значение для мировой торговли.

Таким образом, данный маршрут охватывает все государства Центральной Азии, которые вовлечены в активное участие в данном проекте. Он открывает новые возможности для экономического сотрудничества с соседними государствами [9].

Анализ внутреннего и внешнего взаимодействия в рамках объединений регионального сотрудничества

В начале XXI века, за последние 20 лет, Российская Федерация создала и развила несколько альянсов, которые занимаются интеграцией, экономикой, политикой и военно-политическим сотрудничеством в Евразии. Москва – идеальный кандидат на роль лидера интеграционных процессов в Центральной Азии, поскольку уже показала своё мастерство в организации и финансировании многих процессов, а также свою готовность улучшать их, чтобы достигать геополитические и геоэкономические цели [10]. Россия является участником всех трех организаций и занимает в каждой ведущую роль. Таким образом, Российская Федерация тесно связана с Центральной Азией и происходящими там процессами. На данном этапе истории реализация концепции евразийства кажется наиболее разумным геополитическим решением для России [11].

Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС) является основной экспериментальной и практической площадкой для китайских концепций нового международного порядка. Организация играет важную роль в дипломатии Китая. В состав входят страны Евразии, Центральной Азии, Южной Азии и Западной Азии, граничащие с Китаем (включая Монголию, являющуюся государством-наблюдателем). У Китая были большие надежды на экономическое сотрудничество в рамках организации, предполагающие создание Зоны Свободной Торговли и Банка развития ШОС. Пилотная зона «Китай–ШОС» обладает огромной политической значимостью в вопросе обслуживания внешней работы государства и укрепления региональной миссии. Пилотная зона должна создать новую платформу для международного сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс – один путь»²⁰. Китай признает роль ОДКБ как ведущего механизма безопасности в СНГ для обеспечения мира и стабильности [12]. Взаимодействие Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и Китайской Народной Республики оформлено Соглашением о торгово-экономическом сотрудничестве, которое было подписано 17 мая 2018 года и вступило в силу 25 октября 2019 года²¹.

¹⁹ Международный транспортный коридор «Север – Юг»: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура. Доклады и рабочие документы 22/2. Алматы, Москва: Евразийский банк развития, 2022. [сайт]. URL: https://eabr.org/upload/iblock/a2b/EDB_2022_Report-2_INSTC_rus.pdf (дата обращения: 21.02.2025).

²⁰ Зона Китай – ШОС. Что такое пилотная зона Китай – ШОС // Павильон Россия: [сайт]. URL: <https://russia-expo.com/zonasco/> (дата обращения: 26.03.2025).

²¹ Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами – членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны // Евразийская экономическая комиссия (ЕАК): [сайт]. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dotp/torgovye-soglasheniya/china.php> (дата обращения: 26.03.2025).

Наблюдатели и аналитики также признают, что сотрудничество США с ШОС по проблеме Афганистана могло бы способствовать уменьшению враждебности в отношениях между США и Ираном. Фактически современные действия США на геополитической арене скорее отдаляют, а не укрепляют и сотрудничество между США и государствами Центральной Азии. В последние несколько лет правительство этой страны ведет достаточно агрессивную политику в отношении одного из главных соседей – России, посредством введения все новых и новых санкций.

Для Индии Шанхайская организация сотрудничества является важнейшим инструментом многостороннего взаимодействия в Центральной Азии. В 2017 г. Индия и Пакистан стали полноправными членами этой организации. Присоединение Индии к ШОС, как представляется, открыло для нее новые горизонты и дало больше возможностей быть услышанной. Обычно Индия выражает особое мнение, отказываясь поддерживать решения, которые идут вразрез с ее интересами, но при этом она не всегда может продвигать свою альтернативную точку зрения. Участие в деятельности организации «региональных антагонистов» усложняет процесс выработки консенсуса и процедурные вопросы. Тем не менее, это превращает ШОС из преимущественно центральноазиатской в паназиатскую структуру, что существенно повышает ее глобальную значимость.

Таким образом, в результате исследования сформулированы следующие выводы: проведён анализ интересов и стратегий России, Китая, Индии и США в контексте развития транспортных коридоров в Центральной Азии, предложена оценка влияния конкуренции великих держав в сфере транспорта на политическую динамику региона.

Заключение

Транспортные коридоры могут "конструировать" пространство, учитывая интересы политических субъектов. В условиях роста геополитической напряженности попытки США и Европы усилить свое влияние в Центральной Азии, где у Китая и России есть общие интересы, могут привести к обострению конкуренции и конфликтам. Если страны Центральной Азии смогут поддерживать хорошие отношения с США, Европой, Россией, Китаем и Ближним Востоком на своих условиях, это поможет создать сеть компромиссов, что станет гарантом мира. С одной стороны, страны Центральной Азии могут максимально воспользоваться этими изменениями, но в то же время они испытывают на себе возрастающее внешнее давление. Это проявляется в ухудшении работы некоторых региональных институтов. МТК играют ключевую роль в функционировании реального сектора экономики.

Для Центральной Азии, граничащей с Китаем, важно уметь маневрировать между геополитическими гигантами, чтобы сохранить свободу действий и продолжить экономическое развитие, несмотря на экономическое давление. Подобная фрагментация не позволяет странам региона в полной мере реализовывать свой ресурсный потенциал. Именно с Россией, а также с Китаем связаны основные крупные проекты, в которых принимают участия государства изучаемого региона. Однако отсутствие общей географической границы усложняет развитие двустороннего сотрудничества между Индией и государствами Центральной Азии. Преодолеть эту проблему Индия стремится за счет интеграции в уже существующие транспортно-коммуникационные системы. Для решения этой задачи потребуется высокий уровень дипломатического искусства и неординарные подходы. Странам Центральной Азии будет нелегко выработать общий

внешнеполитический курс, однако это может стать их главным преимуществом. Автор считает, что им следует опираться на опыт Индии при выстраивании международных отношений и опираться на тактику «хеджирования».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов П.Х. Роль международных транспортных коридоров в процессе глобализации экономик стран Центральной Азии. // Век глобализации. 2018. № 3 (27). С. 39–46. <https://doi.org/10.30884/vglob/2018.03.04>.
2. Чжоу Цзюнь. Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе // Управленческое консультирование. 2017. № 3 (99). С. 164–171. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-3-164-171>.
3. Егоров В.Г. Геополитика транспортных коридоров // Геоэкономика энергетики. 2021. № 2 (14). С. 6–31. https://doi.org/10.48137/2687-0703_2021_14_2_6.
4. Бирюков П.Э. Международные транспортные коридоры в условиях формирования нового мироустройства. / Дис. канд. полит. наук. М., 2021. 181 с.
5. Мартынова Е.С. Международные транспортные коридоры как фактор формирования Большого Евразийского партнерства // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 3 (60). С. 68–77. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-3-68-77>.
6. Жильцов С.С. Роль транспортных коридоров в развитии Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2024. Т. 11. № 3. С. 188–197. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-188-197>.
7. Гарбузарова Е.Г. Центральназиатская политика Индии // Россия и АТР. 2023. № 3 (121). С. 37–51. <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2023-3-37-51>.
8. Новосельский Г.Я. Транспортная интеграция в Центральной Азии и Россия // Устойчивое развитие российских регионов: экономическая политика в условиях внешних и внутренних шоков: сборник материалов XII международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 17–18 апреля 2015 г. Екатеринбург: [УрФУ], 2015. С. 625–634.
9. Вардомский Л.Б., Тураева М.О. Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов (научный доклад). М.: Институт экономики РАН. 2018. 64 с.
10. Тертри Д. Стальные коридоры Евразии и роль России // Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17. № 3. С. 89–104.
11. Мартыненко С.Е. ЕАЭС, ОДКБ и ШОС – три опоры российского "евразийства" // Инновации и инвестиции. 2020. № 8. С. 60–64.
12. Малышева Д.Б. Международно-политическая конкуренция на постсоветском центральноазиатском пространстве // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 7 С. 106–115. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-106-115>.

REFERENCES

1. Azimov P.H. The Role of International Transport Corridors in the Process of Globalization of Economies of Central Asia. *The Age of Globalization*. 2018. No. 3 (27). P. 39–46. (In Russian). <https://doi.org/10.30884/vglob/2018.03.04>.
2. Zhou Jun. The Value of the Central Asian States in World Politics. *Administrative Consulting*. 2017. No. 3 (99). P. 164–171. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-3-164-171>.
3. Egorov V.G. The Geopolitics of Transport Corridors. *Geoeconomics of Energetics*. 2021. No. 2 (14). P. 6–31. (In Russian). https://doi.org/10.48137/2687-0703_2021_14_2_6.
4. Biryukov P.E. Mezhdunarodnye transportnye koridory v usloviyah formirovaniya novogo miroustrojstva [International transport Corridors in the Context of the Formation of a New World Order]. Dis. kand. polit. nauk. M., 2021. 181 p. (In Russian).
5. Martynova E.S. Mezhdunarodnye transportnye koridory kak faktor formirovaniya Bol'shogo Evrazijskogo partnerstva [International Transport Corridors as a Factor in the Formation of the Greater

- Eurasian Partnership]. *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and the New States of Eurasia]. 2023. No. 3 (60). P. 68–77. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-3-68-77>.
6. Zhiltsov S.S. The Role of Transport Corridors for the Development of Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2024. Vol. 11. No. 3. P. 188–197. (In Russian). <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-188-197>.
7. Garbuzarova E.G. India's Central Asian Policy // Russia in ATR. 2023. No. 3 (121). P. 37–51. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2023-3-37-51>.
8. Novoselskij G.Ya. Transportnaya integraciya v Centralnoj Azii i Rossiya [Transport Integration in Central Asia and Russia]. *Ustojchivoe razvitie rossijskih regionov: ekonomicheskaya politika v usloviyah vneshnih i vnutrennih shokov* [Sustainable Development of Russian Regions: Economic Policy in the Context of External and Internal Shocks] : sbornik materialov XII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Ekaterinburg, 17–18 aprelya 2015 g. Ekaterinburg: [UrFU], 2015. P. 625–634. (In Russian).
9. Vardomskiy L.B., Turaeva M.O. Development of the Post-Soviet Transport Corridors in Terms of Contemporary Geopolitical and Economic Challenges (scientific report). Moscow: Institute of Economy, Russian Academy of Sciences, 2018. 64 p. (In Russian).
10. Tertre D. Eurasian "Steel Corridors" and Russia's Role // Russia in Global Affairs. 2019. Vol. 17. No. 3. P. 89–104. (In Russian).
11. Martynenko S.E. EAEU, CSTO and SCO – Three Pillars of the Russian “Eurasianism”. *Innovation and Investment*. 2020. No. 8. P. 60–64. (In Russian).
12. Malysheva D.B. International Political Competition in the Post-Soviet Central Asian Space. *World Economy and International Relations*. 2021. Vol. 65. No. 7. P. 106–115. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-106-115>.

Сведения об авторах / Information about authors

Пьянникова Дарья Евгеньевна – бакалавр, факультет Международные отношения; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

E-mail: pyannikova_daria@mail.ru

ORCID: 0009-0009-0480-072X

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Pyannikova Daria E. – Bachelor, faculty International Relations; Ural Federal University Named after First President of Russia B.N. Yeltsin.

E-mail: pyannikova_daria@mail.ru

ORCID: 0009-0009-0480-072X

The author confirms that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 14.02.2025.

Одобрена после рецензирования 10.04.2025.

Принята 14.04.2025.

Received 14.02.2025.

Approved after reviewing 10.04.2025.

Accepted 14.04.2025.

научная статья / research article

УДК: 327

EDN: [RDMZXS](#)

DOI: [10.48612/RG/RGW.28.2.8](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](#)

Русский язык как инструмент мягкой силы евразийской интеграции

Хусаинова Софья Салаватовна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
 selenis95@mail.ru

Аннотация

Введение. Трансформация глобальных связей превращает Евразию в регион сотрудничества, в центр взаимодействия государств в новом многополярном мире, в площадку мировой политики, на базе которой возможно выстраивание новой системы международных отношений. В геополитическом смысле Евразия подразделяется на другие субрегионы, одним из которых является Северо-Восточная Евразия. Специфика постсоветского пространства заключается в представленности русского языка на государственном уровне, а также как языка межкультурного общения в качестве инструмента мягкой силы. Темпы реализации политики определяются наличием запроса на изучение русского языка в отдельных странах региона. Исследование направлено на выявление особенностей использования русского языка как средства ведения внешней политики в странах СНГ. Для характеристики наиболее эффективных способов применения инструмента мягкой силы, необходимо проанализировать критерии, которые создают благоприятные условия для его успешной реализации в процессе формирования многополярного миропорядка.

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования стали материалы статистических данных стран постсоветского пространства. Для оценки эффективности мягкой силы, как инструмента внешней политики на постсоветском пространстве, были использованы научные статьи отечественных авторов по теме исследования в контексте компаративного анализа.

Результаты. Выявлены критерии оценки эффективности применения инструмента мягкой силы в ряде стран: во-первых, постсоветская страна должна отвечать требованиям, от которых зависит успех применения инструментов мягкой силы Российской Федерации посредством русского языка в исследуемом регионе; во-вторых, наиболее благоприятными государствами с точки зрения эффективности мягкой силы являются Республика Беларусь, Республика Казахстан, а также Киргизская Республика.

Заключение. Продвижение русского языка как средства межнационального общения является в настоящее время залогом укрепления ведущей роли Российской Федерации в вопросах евразийской интеграции. Становление инструмента мягкой силы посредством русского языка в рамках евразийской интеграции зависит не только от внутренних проектов, но и от общей готовности второй стороны к их реализации. Эффективность мягкой силы напрямую зависит от наличия запроса со стороны других государств на изучение русского языка для могут способствовать выработке практических рекомендаций для современной государственной политики. Оценка результативности мягкой силы русского языка в странах

постсоветского пространства может способствовать выработке практических рекомендаций для современной государственной политики.

Ключевые слова: мягкая сила; евразийская интеграция; русский язык; сотрудничество; СНГ

Для цитирования: Хусаинова С.С. Русский язык как инструмент мягкой силы евразийской интеграции // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 2. С. 111–123. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.8

© Хусаинова С.С., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Russian Language as a Soft Power Instrument of Eurasian Integration

Sofia S. Khusainova ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

✉ selenis95@mail.ru

Abstract

Introduction. The reshaping the world order turns Eurasia into a region of cooperation, evolve into a center of interaction of states in a new multipolar world, into a platform of world politics, on the basis of which it is possible to build a new state-to-state relations. Eurasia is divided into other subregions, one of which is North-Eastern Eurasia considering the geopolitical situation. The representation of the Russian language at the state level, being the language of intercultural communication as an instrument of soft power of the post-Soviet space is in context-driven. The pace of policy implementation is determined by the demand for studying the Russian language in individual countries of the region. The study is aimed at identifying the features of using the Russian language as a means of conducting foreign policy in the CIS countries. To characterize the most effective ways of using the soft power instrument, it is necessary to analyze the criteria that create favorable environment for its successful implementation in the process of forming a global international order.

Materials and methods. The empirical basis of the study was the statistical data of the post-Soviet countries. Scientific articles by domestic authors on the topic of the study were used in the context of comparative analysis to assess the effectiveness of soft power as a foreign policy instrument in the post-Soviet space.

Results. The criteria for assessing the effectiveness of the soft power tool in a number of countries have been identified: firstly, a post-Soviet country must fulfil the requirements on which the success of the effective operation of soft power tools of the Russian Federation through the Russian language in the region under study depends; secondly, the most favorable states in terms of the effectiveness of soft power are the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, and the Kyrgyz Republic.

Conclusion. The promotion of the Russian language as a means of interethnic communication is currently the key to strengthening the leading role of the Russian Federation in matters of Eurasian integration. The formation of a soft power instrument through the Russian language within the framework of Eurasian integration depends not only on internal projects, but also on the general readiness of the other side to implement them. The effectiveness of soft power directly depends on the presence of a request from other states to study the Russian language for can contribute to the development of practical recommendations for modern state policy. An assessment of the effectiveness of the soft power of the Russian language in the post-Soviet countries can contribute to the development of practical recommendations for modern public policy.

Keywords: soft power; Eurasian integration; Russian language; cooperation; CIS

For citation: Khusainova, S.S. Russian language as a Soft Power Instrument of Eurasian Integration. *Russia in the Global World*. 2025. Vol.28. Iss. 2. P. 111–123. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.8

© Khusainova, S.S., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Сохранение статуса русского языка и его продвижение в странах СНГ во многом осуществляется за счет распространения образования и науки на русском языке. Популярность языка и культуры как инструмента мягкой силы во внешней политике в настоящее время обусловлена имеющимися положительными результатами сотрудничества между странами СНГ по линии культурного и образовательного обмена. Изменяющаяся структура международных отношений становится вызовом не только системе привычных двусторонних форматов сотрудничества, а всей конъюнктуре мировой политики: происходит переосмысление центров силы.

В контексте геополитики на первый план выходит Евразия, которая играет важную роль в формировании новой системы международных отношений. Согласно концепции евразийства в ее социально-политическом понимании, Российскую Федерацию можно считать сердцем процессов евразийской интеграции¹. Наличие такого статуса у России предопределяет ее роль как государства, вокруг которого и будет происходить дальнейшее объединение. Новая система международных отношений предположительно сформируется в рамках многополярности, при этом определенное значение будут иметь государства, чей экономический и политический вес станут точками опоры в региональных процессах². Стремление занять лидерскую позицию в Евразии демонстрируют и другие страны, которые не связаны с регионом в геополитическом плане. Именно поэтому уже сейчас необходимо учитывать все риски и преимущества, которые есть у Российской Федерации для укрепления статуса одного из ведущих игроков в регионе.

Объектом исследования выступает статус русского языка как инструмента мягкой силы России во взаимодействии со странами СНГ; предмет исследования – определение перспектив развития русского языка в странах постсоветского пространства, в которых реализация лингвокультурного инструмента мягкой силы будет наиболее результативной.

В данной связи дальнейшее развитие русского языка как инструмента межнационального общения и объединяющего фактора на евразийском пространстве приобретает свою характеристику: для успеха инструментов мягкой силы по установлению русского языка в качестве движущего фактора евразийской интеграции с ведущей ролью России необходимо не только наличие запроса со стороны стран постсоветского пространства, но и готовности внутренних структур, международных организаций к обеспечению доступа к изучению русского языка и погружению в русскую культуру.

Статус и роль русского языка в контексте мировой политики является центральной темой научных исследований таких авторов, как Е.А. Хамраева, С.Ю. Камышева, А.В. Богданова, В.Д. Старченко, Э.Д. Сулейманова и др. Перечисленные ученые рассматривают как общетеоретические вопросы применения инструментов

¹ Ахметов А.Н. Блог Лаборатории аналитики ИАМП. Возрождение евразийства: взгляд и Казахстана. 15.01.2024 // Российский совет по международным делам (РСМД): [сайт]. URL: [https://russiancouncil.ru/blogs/laiamp/vozhrozhdenie-evraziystva-vzglyad-i-kazakhstan/?sphrase_id=209718071](https://russiancouncil.ru/blogs/laiamp/vozhrozhdenie-evraziystva-vzglyad-i-kazakhstan/) (дата обращения: 07.05.2025).

² Панова В.В. Страны, взявшие на себя формирование многополярного мира. 23.10.2024 // Российский совет по международным делам (РСМД): [сайт]. URL: https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/comments/strany-vzyavshie-na-sebya-formirovanie-mnogopolyarnogo-mira/?sphrase_id=208247814 (дата обращения: 07.05.2025).

мягкой силы, так и их практическую реализацию. Исследования большей частью основаны на анализе политики Российской Федерации в отношении мягкой силы государства в целом и демонстрируют соотношение между инициативами популяризации языка в рамках культурных мероприятий на территории различных стран СНГ. В связи с изменяющимися условиями реализации внешней политики актуальным становится изучение статуса русского языка внутри стран СНГ с целью выявления тех государств, где успех применения языкового инструмента мягкой силы может стать примером для реализации подобных проектов в других государствах Северо-Восточной Евразии. На современном этапе использование русского языка в качестве инструмента наращивания мягкой силы России за рубежом изучено в рамках государственных инициатив со стороны России³.

Автор данного исследования предлагает сосредоточиться на анализе современного положения русского языка в странах СНГ. Для определения его места в социальном дискурсе постсоветского пространства необходимо определить характер его присутствия в государствах изучаемого региона. Для оценки уровня распространения и использования русского языка в Северо-Восточной Евразии следует сформулировать соответствующие поставленным задачам критерии. В рамках установления русского языка как инструмента мягкой силы в долгосрочной перспективе требуется определить страны региона, в которых данная инициатива будет наиболее продуктивна.

Реализация невидимых инструментов внешней политики, в частности – мягкой силы, зависит от высоких показателей экономического роста внутри государства, от сбалансированной внутренней управленческой деятельности, от порядка и последовательности в вопросах евразийской интеграции. Интерес к изучению русского языка связан прежде всего с экономическими преимуществами, именно поэтому достижение высоких целей России в Евразии возможно через применение различных инструментов мягкой силы.

Становление наукоемкого производства, устойчивое и сильное развитие внутри Российской Федерации – залог успеха долгосрочных планов по поддержке первостепенной роли России в новой формирующейся системе международных отношений. В предлагаемом исследовании рассматривается присутствие русского языка в странах Северо-Восточной Евразии, в частности – в таких бывших республиках Советского Союза, как Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Республика Молдова, Республика Таджикистан, Туркменистан и Республика Узбекистан; оценивается перспектива сохранения и развития русского языка в названных государствах.

Методы

Метод сравнительного анализа результатов исследований, изложенных в научных статьях отечественных авторов, а так же статистических данных позволили

³ Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом от 03.11.2025 // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/50644> (дата обращения: 16.05.2025); Концепция внешней политики Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 16.05.2025); Концепция внешней политики Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 16.05.2025).

определить, что в настоящее время странами, где есть наиболее благоприятные условия для сохранения и развития русского языка, а также для его использования в общественно-политической жизни, являются Республика Беларусь, Республика Казахстан и Киргизская Республика⁴. В данном исследовании использовался компаративный анализ, в рамках которого русский язык и степень его представленности в ряде стран составили объект сравнения. Поиск аналогий между статусами русского языка с странах СНГ показал, что, безусловно, в Азербайджанской Республике, в Узбекистане, в Таджикистане, в Туркменистане, в Республике Молдова и в Республике Армения русский язык используется, однако его статус либо не определен, либо он является языком межнационального общения и фактически вытесняется языком титульной нации, что превращает русский в иностранный⁵.

Материалы

Эмпирической базой исследования являются материалы статистических данных, отражающих использование русского языка в странах постсоветского пространства. Для оценки эффективности мягкой силы как инструмента внешней политики на постсоветском пространстве были использованы научные статьи отечественных авторов по теме исследования.

Результаты

Одним из постсоветских государств, имеющим позитивные результаты с практической точки зрения применения русского языка, является Республика Беларусь. Несмотря на, казалось, позитивное отношение к русским, их численность с 1989 по 2019 гг. имела тенденцию существенного сокращения [1, с. 4–6]. Если в 1989 г. русские составляли 1 342,0 тыс. чел., что являлось 13,2 % от общей доли этнической структуры республики, то к 2019 г. численность сократилась на 635 107 чел., т. е. почти в 2 раза, и уже составляла 7,5 % в структуре населения Беларуси⁶.

В период с 1995 по 2003 гг. наблюдалось уменьшение количества часов русского языка в белорусских школах, что, возможно, объясняется запросом на увеличение количества часов белорусского языка. Однако спустя несколько лет в школах республики снова перешли на русский язык обучения и доля таких школ достигла 75 %, что также требовало увеличения контингента учителей русского языка и литературы. В этом отношении в педагогических вузах Белоруссии была налажена система подготовки специалистов-филологов с высшим образованием. Русский язык в Республике Беларусь закреплен в Конституции⁷, он имеет статус государственного

⁴ Русский язык на постсоветском пространстве: сравнительное исследование распространенности. Аналитический отчет по результатам вторичного анализа данных // АНО «Социологическая мастерская Задорина», 2009. [эл. доступ]. URL: <https://www.zircon.ru/upload/iblock/0e2/090311.pdf> (дата обращения: 16.05.2025).

⁵ Языковая политика стран СНГ: положение русского языка. 02.07.2014 // Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом: [сайт]. URL: https://pravfond.ru/press-tsentr/stati/yazykovaya_politika_stran_sng_polozhenie_russkogo_yazyka_647/ (дата обращения: 16.05.2025).

⁶ Национальный состав населения, гражданство // Национальный статистический комитет Республики Беларусь: [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2009/vykhodnye-reglamentnye-tablitsy/natsionalnyu-sostav-naseleniya-grazhdanstvo/index.php> (дата обращения: 29.04.2025).

⁷ Конституция Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) статья 17 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь: [сайт]. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 14.05.2025).

языка, в стране развито и распространено образование на русском языке, имеется литература на русском языке, и общественная жизнь в основном происходит на русском языке.

Следующим государством для исследования является Республика Казахстан. Во времена СССР Казахстан считался одной из первых стран с высочайшим уровнем владения русским языком. Возникновение нового государства повлекло за собой изменения, в связи с чем часть русскоговорящего населения мигрировала, параллельно с этим в саму республику стали возвращаться граждане, говорящие только на казахском языке, что в корне изменило положение русского языка в стране, это привело к изменению этнодемографической структуры Казахстана [2, с. 103].

Следует отметить, что в период с 1989 по 2021 г. численность русского населения в Казахстане с 6 536 616 чел. уменьшилась в 2,1 раза и составляла около 2 982 тыс. чел. при снижении удельного веса русского населения в национальном составе в 2,4 %.

В 1989 г. численность и удельный вес в этнической структуре казахов и русских сравнился. К 2023 г. темпы роста численности и доли титульной, этнической группы – казахов – превзошли все ожидания. Если по последней советской переписи населения 1989 г. численность казахов составляла 6 536 тыс. чел. при их доле 39,7 %, то к 2023 г. она выросла более чем в два раза и составила 13 487 тыс. чел. при их удельном весе в этнической структуре более 70 %, т. е. произошел грандиозный скачок численности титульного населения в республике. При этом происходит фактическое уменьшение доли русскоязычных граждан [3, с. 76–80].

Примечательно то, что страна находилась на этапе перевода всех официальных структур и жизни только лишь на казахский язык, однако высокий уровень образования граждан, наличие гражданских институтов, многонациональность государства, а так же тот факт, что все владеют русским языком в той или иной степени, позволили фактически и юридически русскому языку стать языком межнационального общения, что привело к так называемому триединству языков в Республике Казахстан (русский, казахский, английский)⁸.

Русский язык в Казахстане представлен как язык государственных организаций и органов местного самоуправления, и русский язык официально употребляется наравне с казахским языком. Данный факт закреплен в Конституции⁹ страны, в то время как английский язык является языком, помогающим стране выйти на международную арену.

Необычная ситуация на сегодняшний день складывается в Киргизской Республике. Как и в Республике Казахстан, здесь наблюдается резкое сокращение русскоязычного населения в постсоветское время, а также высокий уровень миграции из Киргизии. Согласно официальным данным переписи населения, за 1989 г., численность русскоязычных в стране была около 916 558 чел. (21,5 % от общего населения), однако к 1999 г. было уже 313 357 чел. при их доле 12,5 % от общего населения. Примечательно, но уже к новой переписи в 2022 г. доля русскоязычных

⁸ Концепция развития языковой политики в Республике Казахстан на 2023–2029 годы // Официальный сайт Правительства Республики Казахстан: [сайт]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/sko-sayasat/documents/details/481125?lang=ru> (дата обращения: 03.05.2025).

⁹ Конституция Республики Казахстан, статья 7 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 14.05.2025).

составляла всего лишь 335,2 тыс. чел. при их доле 5,0 %¹⁰. Согласно статистическим данным всесоюзной переписи Киргизской Республики, в 1989 г., более 70 % населения заявляли о своем свободном владении русским¹¹. Русский язык в Киргизской Республике является официальным¹², так же, как и в Республике Казахстан и в Республике Беларусь, имеются высокие показатели распространения образования на русском языке. Это подтверждается наличием русских школ, русских классов, филиалов российских ВУЗов на территории страны.

В трех исследуемых странах русский язык чрезвычайно часто используется в повседневном общении, существует делопроизводство на русском языке, в обществе представлена русская культура, наблюдается популярность русской литературы, что дает основания рассуждать о действительно успешном применении инструментов мягкой силы Российской Федерации в этих странах [11, с. 17–19].

Анализ существующих типологий позиционирования русского языка в бывших республиках Советского Союза предполагает представление авторской модели критериев основных типов государств, имеющих различия в реализации в них русского языка как инструмента мягкой силы¹³. Недостатком существующих подходов является интерпретация мягкой силы либо только с точки зрения особой системы взглядов и ценностей, либо лишь как механизма продвижения национальных интересов, в то время как, по мнению автора, мягкая сила является комплексом инструментов и подходов, одним из компонентов которого является продвижение русского языка за рубежом.

Компаративный метод позволил выработать ряд факторов, по которым можно выявить эффективность применения мягкой силы русского языка в перспективе. Основные показатели формируют модель, по которой возможна оценка степени представленности русского языка в странах СНГ. По мнению автора, главными элементами модели выступают следующие критерии системообразующих процессов:

1) государственный статус языка, закрепленный конституционно или в других нормативно-правовых документах (положение русского языка зависит не только от частоты его использования на бытовом уровне гражданами исследуемых стран, но и от его представленности в официальных документах, от его использования в деловой сфере общения, от его закрепления в рамках одного из основных языков ведения переговоров, от его использования в судебной сфере деятельности);

2) русский язык является проводником культуры и духовности, для сохранения и развития которых необходимы носители языка; именно они являются координирующим звеном между странами постсоветского пространства и Российской Федерацией, поэтому важен процент русскоязычного населения в странах СНГ.

3) наличие русского языка в системе общего, среднего профессионального и высшего профессионального образования, количество часов не только самого русского языка, но и предметов, изучение которых осуществляется на русском языке;

¹⁰ Национальный состав населения // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики: [сайт]. URL: <https://www.stat.gov.kg/ru/opendata/category/312/> (дата обращения: 23.04.2025).

¹¹ Национальный состав населения // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики: [сайт]. URL: <https://www.stat.gov.kg/ru/opendata/category/312/> (дата обращения: 15.05.2025).

¹² Конституция Киргизской Республики, статья 13 // Официальный сайт Правительства Кыргызской Республики: [сайт]. URL: <https://www.gov.kg/ru/p/constitution> (дата обращения: 15.05.2025).

¹³ Бурлинова Н. Такая «мягкая сила» нам не нужна. 01.12.2023 // Российский совет по международным делам (РСМД): [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/naltalia-burlinova/> (дата обращения: 15.05.2025).

4) существование и степень влияния на коренное население механизмов гражданского общества, защищающих интересы русскоязычного населения, в независимой стране СНГ;

5) использование русского наряду с государственным языком стран Северо-Восточной Евразии в различных сферах делопроизводства данного государства;

6) наличие и распространенность русскоязычной культуры и литературы в повседневной жизни общества.

Язык как средство общения и коммуникации сегодня действительно играет ключевую роль в выстраивании необходимого для Российской Федерации социального дискурса, в достижении национальных интересов страны [10, с. 67–68].

Результатом проведенного исследования стала модель оценки представленности русского языка в странах СНГ. По выработанным критериям можно оценить эффективность использования русского языка в качестве механизма мягкой силы Российской Федерации. Успех русского языка в роли инструмента мягкой силы, как способа повышения интереса к стране и популяризации имиджа Российской Федерации зависит и от внешнего запроса от государств постсоветского пространства, не только от юридического закрепления русского языка в нормативно-правовой базе государства, но и от фактического положения русского языка внутри социума. Страны СНГ сегодня находятся в поиске путей решения языкового вопроса, при попытке увеличить статус языка титульной нации все же наблюдается стремление к сохранению фактического двуязычия [11, с. 26–27].

В последнее десятилетие наблюдается снижение количества людей, владеющих русским языком, однако популярность его не исчезает. Причиной сложившейся ситуации становится проводимая странами СНГ политика [12, с. 26–27; 13, с. 77]. Однако при верном выстраивании стратегии реализации инструмента мягкой силы у Российской Федерации есть шанс не только изменить данную ситуацию в положительную сторону, но и укорениться в рамках евразийской интеграции в роли лидера объединяющего процесса [14, с. 17; 15, с. 27]. Предлагаемая модель оценки позиции русского языка может стать примером для выстраивания стратегии по применению мягкой силы русского языка не только в странах СНГ с наименее благоприятными условиями, но и на территории других стран Евразии.

Обсуждение

Согласно Указу о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. у России есть цели по увеличению к 2030 г. численности иностранных студентов, обучающихся по основным образовательным программам высшего образования, а также по формированию сети устойчивых партнерств с иностранными государствами в различных сферах. Данная задача стоит наряду с планами о развитии общества внутри государства. Одной из приоритетных целей является создание к вышеупомянутым годам условий для воспитания гармонично развитой патриотично и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, что является основополагающим факторами в долгосрочном

планировании¹⁴. Реализация планов по воспитанию молодежи внутри государства поможет усилить роль русского языка, как проводника культуры и российских ценностей. Взаимодействие с иностранными студентами будет осуществляться на основе уважительного отношения не только к русскому языку, но и к истории государства, к его позиции в современном мире.

Активная деятельность по усилению роли русского языка происходит и на внешнеполитическом уровне. На сегодняшний день Российской Федерацией осуществляется поддержка некоммерческой организации АНО «Евразия»¹⁵, деятельность которой направлена на развитие межнационального общения. Данная организация должна стать площадкой для реализации крупнейшего проекта – Евразийской ассоциации поддержки русского языка. Планы о ее создании были озвучены 19 марта 2025 года министром просвещения С.С. Кравцовым¹⁶. По озвученному плану, открытие данного центра является важным шагом и этапом взаимодействия не только с дружественными странами Евразии, но с далекими в геополитическом плане странами Латинской Америки и Африки. Примечательно, что основными направлением развития центра становится именно повышение качества изучения и преподавания русского языка, поэтому основной упор делается на подготовку профессиональных кадров и разработку учебных планов по осуществлению таких долгосрочных наукоемких проектов.

Созданная ранее Международная организация по русскому языку, образованная в соответствии с Договором об учреждении Международной организации по русскому языку, фактически и юридически представляет собой международную межправительственную организацию, обладающую международной правосубъектностью. Организация выполняет функцию развития и укрепления отношений дружбы, добрососедства, взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества¹⁷. Российская Федерация, таким образом, продолжает создавать условия для освоения русского языка и погружения в русскую культуру, в социально-нормативные реалии, предоставляет возможности карьерного и социального роста через высокое качественное владение русским языком, однако для укрепления престижа и статуса русского языка нужно так же наличие запроса на его изучение извне. Такой запрос возможен за счет сохранения роли русского языка как фактора успеха в карьере, профессионального роста и развития личности, как способа формирования новых компетенций и навыков не только в гуманитарной, но и в других сферах жизни общества.

К общим проблемам, которые наблюдаются в странах СНГ относительно статуса русского языка, можно отнести следующие показатели. Фактическое наделение привилегированными правами языка титульной нации зачастую смещает русский язык с официальной позиции. Согласно отечественным исследованиям власти

¹⁴ Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 21.04.2025).

¹⁵ Автономная некоммерческая организация содействия развитию международного сотрудничества «Евразия».

¹⁶ Кравцов С.С. сообщил о создании Евразийской ассоциации поддержки русского языка. 19.03.2025 // Информационное агентство «Интерфакс»: [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1015396> (дата обращения: 20.04.2025).

¹⁷ Устав Международной организации по русскому языку. 13.10.2023 // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6026> (дата обращения: 20.04.2025).

постсоветских стран, все же пытаются искоренить русскую речь в официальном дискурсе [4, с. 5–7]. Более того, существующая русофобия не добавляет привлекательности в вопросах изучения русского языка и в странах СНГ несмотря на то, что многие из них проводят все же дружественную политику по отношению к официальной позиции Российской Федерации [5, с. 74].

Наблюдаются проблемы в проработке научно-методических, учебных материалов, требуется их качественная оценка в каждой постсоветской стране. Если, например, в Республике Узбекистан и в Киргизской Республике есть нормативно-правовая база к составлению учебных материалов, то в других странах такая практика отсутствует [6, с. 39]. Русский язык остается средством социального роста, именно поэтому его изучение не теряет своей значимости на территории СНГ, однако проводимая официальная политика стран по уменьшению часов русского языка является препятствием к выработке профессионально-ориентированных навыков общения на русском языке [7, с. 49].

Развитие сотрудничества между странами СНГ и рост востребованности русского языка осуществляются прежде всего за счет увеличения степени экономического взаимодействия среди стран Северо-Восточной Евразии, а также в связи с желанием иностранных граждан получить высшее образование в России: имеется запрос на изучение русского языка извне, так как русский, будучи языком межнационального общения, представляет собой некое преимущество в вопросах трудоустройства, в том числе – в сфере международных отношений [8, с. 89–90].

Пример стран СНГ, где существуют благоприятные условия для реализации механизмов мягкой силы, не означает успех этого невидимого инструмента внешней политики на всей территории Северо-Восточной Евразии. Сегодня наблюдается ослабление роли русского языка, что является вызовом для национальной системы ценностей России. Именно поэтому необходимо дальнейшее научное осмысление роли русского языка в мировой политике [16, с. 440]. Поступательное развитие России зависит от способности стран выработать общую повестку будущего, которая сочетает прагматичные интересы и ценности, образовательное сотрудничество играет здесь далеко не последнюю роль [17, с. 23].

Заключение

В ходе исследования выявлено, что оценка роли русского языка предполагает не только изучение этнического состава государства постсоветского пространства, но и возможностей дальнейшей реализации культурного и образовательного обмена. Для успешного применения инструментов мягкой силы необходимо детальное изучение всех компонентов такого невидимого способа ведения международных отношений. Владение русским языком на высоком уровне является основой для изучения профильных предметов в сфере профессионального образования. Изучение иных дисциплин специальности становится возможным при усвоении языка на продвинутом уровне. В контексте получения образования в Российской Федерации русский язык необходим для освоения программы высших учебных заведений.

Выстраивание внутренней политики, базирующейся на популяризации русского языка как способа погружения в научную деятельность, будет транслировать социальный дискурс и для иностранных обучающихся. При этом одной из задач образования будет воспитание уважительного отношения к русскому языку и, как следствие, к Российской Федерации в целом. Использование мягкой силы

посредством русского языка может стать эффективным средством укрепления внешнеполитической позиции России в процессе евразийской интеграции.

Будучи языком межнационального общения в полиэтническом государстве, русский язык претендует на позицию международного языка в качестве объединяющей силы в регионе. От успеха применения инструмента мягкой силы посредством русского языка в Евразии во многом зависит положение Российской Федерации, как центра экономического развития на новой евразийской арене международных отношений.

Выделенные автором критерии позволяют оценить условия сохранения и развития русского языка в социальном дискурсе каждой из стран СНГ, что определяет возможность реализации инструментов мягкой силы Российской Федерации при помощи русского языка.

В рамках прогноза по развитию проектов «Большой Евразии» одним из способов реализации национальных интересов может стать усиление использования комплексного инструментария мягкой силы в странах, где уже существуют благоприятные условия использования русского в роли языка межнационального общения. Применение эффективных моделей в этих странах поможет выявлению алгоритма действий и на территории других постсоветских стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный состав населения Республики Беларусь: статистический бюллетень. Минск, 2020. 26 с. [эл. доступ]. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/8c1/8c1ee4894438509fbb9d384c08a3822e.pdf> (дата обращения: 25.04.2025).
2. Сулейменова Э.Д. Языковая политика и русский язык в школах Казахстана // Вестник Центра международного образования МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2010. № 1. С. 102–107.
3. Старичёнок В.Д. Русский язык в Беларуси: состояние, перспективы // Слово.ру: Балтийский акцент. 2012. Т. 3. № 2. С. 76–80.
4. Богданова А.В. Проблема сохранения русского языка в странах СНГ и Балтии // Россия в глобальном мире. 2018. № 12 (35)–13 (36). С. 5–11.
5. Матвеевская А.С., Дьякова С.А. Публичная дипломатия и национальный брендинг Российской Федерации // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 1. С. 73–91. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.28.1.4>.
6. Хамраева Е.А. Русский язык в образовательном пространстве стран СНГ: система школьных сертификационных уровней владения русским языком и новая учебная литература // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2023. №1 (13). С. 36–40.
7. Камышева С.Ю. Индекс положения русского языка в мире – 2023: к году русского языка в странах СНГ // Русский язык за рубежом. 2023. № 4 (299). С. 86–90. <https://doi.org/10.37632/PI.2023.299.4.013>.
8. Мусаева А.К., Каландарова Н.З. Место русского языка среди мировых языков // Modern Science and Research. 2025. Т. 2. Вып. 1. С. 47–57. <https://doi.org/10.5281/zenodo.14608644>.
9. Братковская Д.В., Рогова Я.Д., Токарева С.А. Преподавание русского языка как иностранного: инструмент политического влияния // Журнал прикладных исследований. 2024. № 5. С. 187–192. <https://doi.org/10.47576/2949-1878.2024.5.5.029>.
10. Монахов И.А. Русский язык в научных коммуникациях на пространстве СНГ: анализ публикационной активности // ООН: Стремление к устойчивому развитию в условиях глобальной неопределенности (к 75-летию ООН). Тверь: Тверской государственный университет, 2021. С. 62–69.
11. Лавицкий А.А. Языковая политика стран СНГ: актуальное состояние и перспективы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. №. 4. С. 16–27. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-4-16-27>.

12. Афанасьева Н.Д. Позиции русского языка в странах СНГ в 2021 году: языковая политика // Проблемы преподавания русского языка как иностранного в современном вузе: традиции, новации и перспективы. М.: МГИМО-Университет, 2022. С. 21–31.
13. Аксенова Н.В. Русский язык как средство коммуникации в драматических театрах стран СНГ: современные аспекты исторического опыта // Международный научный конгресс "Русский язык в странах СНГ": положение, функционирование, коммуникация. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. С. 76–79.
14. Нагзибекова М.Б., Петрова С.М. Русский язык в эпоху цифровой трансформации // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2022. №. 2 (26). С. 16–23.
15. Камышева С.Ю. Объективные инструменты оценки глобальной конкурентоспособности языков // II Международный конгресс «Языковая политика стран Содружества Независимых Государств (СНГ)». г. Алма-Ата. Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. 2021. С. 26–28.
16. Горбухова М.Ю., Сибирякова С.Н. Укрепление позиций русского языка на территории Евразии. Его роль и безопасность в современных условиях // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 4 (107). С. 437–440. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-4107-437-440>.
17. Сутырин В.В. Пересборка постсоветской Евразии: лидерский потенциал России в условиях внешнего давления // Россия и мир: научный диалог. 2024. №. 3 (13). С. 22–33. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-22-33](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-22-33).

REFERENCES

1. National Composition of the Population of the Republic of Belarus: Statistical Bulletin. Minsk, 2020. 26 p. Available at <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/8c1/8c1ee4894438509fbb9d384c08a3822e.pdf> (accessed: 25.04.2025). (In Russian).
2. Suleimenova E.D. Language Policy and the Russian Language in Kazakhstan Schools. *Bulletin of the Central Educational Institution of Moscow State University. Philology. Culturology. Pedagogy. Methodology*. 2010. No. 1. P. 102–107. (In Russian).
3. Starichenok V.D. Russian Language in Belorussia: State, Perspectives. *Slovo.ru: Baltic Accent*. 2012. Vol. 3. No. 2. P. 76–80. (In Russian).
4. Bogdanova A.V. The Problem of the Russian Language Preservation in CIS and Baltic Countries. *Russia in the Global World*. 2018. No. 12 (35)–13 (36). P. 5–11. (In Russian).
5. Matveevskaya, A.S., Dyakova, S.A. Public Diplomacy and National Branding of the Russian Federation. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 1. P. 73–91. (In Russian). <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.28.1.4>.
6. Khamraeva E.A. Russian Language in the Educational Space of the CIS Countries (Commonwealth of Independent States): The System of School Certification Levels of Proficiency in the Russian Language and New Educational Literature. *Professors Journal. Series: Russian language and literature*. 2023. No. 1 (13). P. 36–40. (In Russian).
7. Kamysheva S.Y. Russian Language Index in the World – 2023: by the Year of the Russian Language in the CIS Countries. *Russian Language Abroad*. 2023. No. 4 (299). P. 86–90. (In Russian). <https://doi.org/10.37632/PI.2023.299.4.013>.
8. Musayeva A.K, Kalandarova N.Z. The Place of the Russian Language Among the World Languages. *Modern Science and Research*. 2025. Vol. 2. Iss. 1. P. 47–57. (In Russian). <https://doi.org/10.5281/zenodo.14608644>.
9. Bratkovskaya D.V., Rogova Ya.D., Tokareva S.A. Teaching Russian as a Foreign Language: A Tool of Political Influence. *Journal of Applied Research*. 2024. No. 5. P. 187–192. (In Russian). <https://doi.org/10.47576/2949-1878.2024.5.5.029>.
10. Monahov I.A. The Russian Language in Scientific Communications in the CIS: an Analysis of Publication Activity. *ООН: Стремление к устойчивому развитию в условиях глобальной неопределенности (к 75-летию ООН) [UN: Striving for Sustainable Development in the Face of Global Uncertainty (on the 75th Anniversary of the United Nations)]*. Tver: Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2021. P. 62–69. (In Russian).

11. Lavitski A.A. Language Policy of the CIS Countries: Current State and Prospects. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2021. No. 4. P. 16–27 (In Russian). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-4-16-27>.
12. Afanasyeva N.D. The Position of the Russian Language in the CIS Countries in 2021: Language Policy. *Problems of teaching Russian as a foreign language in a modern university: traditions, innovations and prospects*. Moscow: MGIMO University, 2022. P. 21–31. (In Russian).
13. Axionova N.B. Russian Language as a Communication Tool in Drama Theaters in CIS: Modern Aspects of Historical Experience. *International scientific congress "Russian language in the CIS countries": position, functioning, communication*. Moscow: The Pushkin State Russian Language Institute, 2022. P. 76–79. (In Russian).
14. Nagzibekova M.B., Petrova S.M. Russian Language in the Era of Digital Transformation. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy*. 2022. No. 2 (26). P. 16–23. (In Russian).
15. Kamysheva S.Yu. Objective Tools for Assessing the Global Competitiveness of Languages. *II International Congress "Language Policy of the Commonwealth of Independent States (CIS)"*. Almaty. The Pushkin State Russian Language Institute. 2021. P. 26–28. (In Russian).
16. Gorbukhova M.Yu., Sibiryakova S.N. Strengthening the Position of the Russian Language on the Territory of Eurasia. Its Role and Security in the Modern Conditions. *The world of Science, Culture and Education*. 2024. No. 4 (107). P. 437–440. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-4107-437-440>.
17. Sutyryn V.V. Reassembling Post-Soviet Eurasia: Russia's Leadership Potential in Conditions of External Pressure. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2024. No. 3 (13). P. 22–33. (In Russian). [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-22-33](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-22-33).

Сведения об авторах / Information about authors

Хусаинова Софья Салаватовна – ассистент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: selenis95@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8423-5311

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Khusainova Sofia S. – Assistant of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: selenis95@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8423-5311

The author confirms that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.04.2025.
Одобрена после рецензирования 08.05.2025.
Принята 16.05.2025.

Received 23.04.2025.
Approved after reviewing 08.05.2025.
Accepted 16.05.2025.

СТРАНЫ, НАРОДЫ, КУЛЬТУРЫ STATES, NATIONS, CULTURES

научная статья / research article

УДК: 94 (574)

EDN: [STKHTW](#)

DOI: 10.48612/RG/RGW.28.2.9

Научная специальность ВАК:
5.6.1. Отечественная история

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](#)

Взаимодействие государственных структур и общественных организаций по улучшению медико-санитарной службы в Степном крае (конец XIX – начало XX вв.)

Власова Анна Игоревна

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
 for.ann.annie@yandex.ru

Аннотация

Введение. Во второй половине XIX века в Российской империи произошли значительные изменения в системе взаимоотношений власти и общества, обусловленные буржуазными реформами. На рубеже XIX–XX веков Степной край был открыт для переселения крестьян из европейской части страны. Усложнение системы социальных связей и отношений в Степном крае на протяжении второй половины XIX века расширяло и спектр коммуникации между органами власти и обществом. В данном исследовании рассматривается проблема взаимодействия центральных и региональных управлений и общественной организации – регионального отделения Российского общества Красного Креста в вопросе оказания медико-санитарной помощи крестьянам-переселенцам. В отечественной историографии вопрос отношений властных структур и общественных организаций в сфере здравоохранения оставался за рамками интересов исследователей. Целью данного исследования стал анализ процесса взаимодействия государственных структур и общественных организаций по улучшению медико-санитарной службы в Степном крае.

Материалы и методы. Основой исследования послужили опубликованные и неопубликованные источники по теме исследования: официальные документы, научные публикации, межведомственная переписка Регионального отделения Красного Креста с государственными структурами. В качестве методов исследования выступают принципы историзма и объективности, историко-генетический метод; общенаучные методы – анализ, синтез, обобщение. Получены новые данные о процессе и масштабе взаимодействия общественных организаций с региональными и центральными органами власти в вопросе оказания медико-санитарной службы населению степных областей на основе архивных исследований.

Результаты. Выявлено, что наравне с государственными структурами общественные организации принимали активное участие в развитии и улучшении сферы здравоохранения в Степном крае. Установлено, что благодаря тесному взаимодействию всех

вышеперечисленных структур успешно решались некоторые проблемы в сфере оказания продовольственной и медицинской помощи.

Заключение. Совместная деятельность Переселенческого управления МВД, Комитета Сибирской железной дороги, Регионального общества Красного Креста привела к позитивным сдвигам в процессе развития медико-санитарной службы Степного края. Благодаря взаимодействию общественных организаций и государственных структур стало возможным добиться улучшения уровня медицинского обслуживания переселенцев в Степном крае, частичного решения вопроса нехватки медицинского персонала в степных областях путем командирования в нуждающиеся районы сестер милосердия, улучшения санитарного состояния переселенческих поселков благодаря открытию столовых на средства, выделенные региональным отделением Российского общества Красного Креста.

Ключевые слова: Степной край; Красный Крест; Переселенческое управление; медицинское обеспечение; санитарное состояние

Финансирование: РНФ № 23-28-01369 «Власть и общество в Степном крае Российской империи: эволюция практик взаимодействия (XIX – начало XX в.).

Для цитирования: Власова А.И. Взаимодействие государственных структур и общественных организаций по улучшению медико-санитарной службы в Степном крае (конец XIX – начало XX вв.) // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 2. С. 124–132. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.9

© Власова А.И., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Interaction Between Government Agencies and Public Organizations to Improve Health Care Services at the Steppe Territory (Late XIX – Early XX Century)

Anna I. Vlasova
Altai State University, Barnaul, Russia
 for.ann.annie@yandex.ru

Abstract

Introduction. In the second half of the 19th century, significant changes in the relations' system between power and society occurred in the Russian Empire, caused by bourgeois reforms. At the turn of the 19th and 20th centuries, the Steppe Region was opened to the peasants' resettlement from the European country part. The increasing complexity of the social connections system and relations in the Steppe region during the second half of the 19th century also expanded the range of communication between government bodies and society. This study examines the problem of interaction between central and regional administrations and a public organization – the regional branch of the Russian Red Cross Society – in the matter of providing medical and sanitary assistance to peasant migrants. In Russian historiography the issue of relation between government structures and public organizations in the healthcare sector remained outside the researcher's interests. The aim of this scientific study is to analyze the process of interaction between government agencies and public organizations to improve health services in the Steppe Region.

Materials and methods. The study was based on published and unpublished sources on the topic of the study: official documents, scientific publications, interdepartmental correspondence of the Regional Office of the Red Cross with government agencies. The research methods used are the principles of historicism and objectivity, the historical-genetic method and general scientific methods: analysis, synthesis, generalization. New data on the process and extent of interaction between public organizations with regional and central authorities in the provision of health services to the population of the steppe regions were obtained based on archival studies.

Results. It was revealed that, along with government agencies, public organizations took an active part in the development and improvement of the healthcare sector in the Steppe Region. It was possible to establish that, thanks to the close interaction of all the above-mentioned structures, some problems in the area of providing food and medical assistance were successfully resolved.

Conclusion. The joint activities of such structures as the Resettlement Department of the Ministry of Internal Affairs and the Regional Society of the Red Cross led to positive changes in the development of the medical and sanitary service of the Steppe Region. Thanks to the interaction of the public organization and government structures, it became possible to improve the level of medical care for migrants in the Steppe Region, partially resolve the issue of the shortage of medical personnel in the steppe regions by sending nurses to the area's most in need, and improve the sanitary conditions of migrant settlements by opening canteens with funds allocated by the regional branch of the Russian Red Cross Society.

Keywords: Steppe Region; Red Cross; Resettlement Administration; medical service; sanitary service

Funding: Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01369 "Power and Society in the Steppe Region of the Russian Empire: Evolution of Interaction Practices (19th – Early 20th Century).

For citation: Vlasova, A.I. Interaction Between Government Agencies and Public Organizations to Improve Health Care Services at the Steppe Territory (Late XIX – Early XX Century). *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 2. P. 124–132. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.9

© Vlasova, A.I., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

В конце XIX – начале XX в. в Российской империи началась массовая миграция крестьян на территории Зауралья и Сибири. Это привело к необходимости регулирования переселения со стороны центральных и местных властей. В связи с этим остро встал вопрос о создании специальной административной единицы, которая взяла бы на себя функции по координации усилий всех структур, причастных к переселенческому движению. Кроме того, обозначилась проблема обеспечения медицинским сопровождением крестьян-переселенцев в период следования к местам водворения и в местах их водворения.

Осмысление исторического опыта формирования системы здравоохранения в Степном крае Российской империи, влияние внешнеполитических процессов на результаты включения региона в общеимперское пространство представляется научно значимым и актуальным. Выстраивание системы осуществлялось в контексте продвижения русской оседлости в степные области восточных окраин страны и происходило в сложных этнокультурных и социокультурных обстоятельствах. Таким образом, региональные процессы становления и развития системы здравоохранения в Российской империи являются важным аспектом истории здравоохранения в целом и требуют детального анализа, чем и обусловлена актуальность представленного исследования.

В современной российской историографии одним из аспектов исследования темы становления и развития медицины в Сибири стали вопросы организации сельской медицины и медицинской помощи переселенцам по пути следования к местам водворения, развитию сельской медицины в сибирских губерниях. Становление и развитие сельского здравоохранения в Сибири в конце XIX – начале XX в. в современной историографии представлены несколькими научными работами.

В основном исследована Западная Сибирь [1]. Больше всего работ по этой тематике вписаны в территориальные рамки Тобольской губернии [2]. История сельской медицины Восточной Сибири изучалась менее интенсивно [3]. Комплексному анализу развития медицины в одной из областей Степного края – Акмолинской, посвящены исследования Л.Е. Свиридовой [4, с. 8–10]. Таким образом, в региональном срезе на примере Сибирских губерний вопросы становления и развития системы здравоохранения и взаимодействия центральных и региональных властей представлены достаточно детально. Такого рода вопросы в отношении Степного края практически не рассматривались в отечественной историографии. Научная новизна исследования заключается в анализе взаимодействия центральных властей и общественных организаций в деле улучшения медико-санитарной службы в Степном крае в XIX – начале XX вв.

Методы

В качестве методологической основы исследования выступают принципы историзма и объективности. Принцип объективности позволил рассматривать развитие медико-санитарной службы в Степном крае как закономерный, объективный процесс. На основе принципа историзма развитие медико-санитарной службы в Степном крае в XIX – начале XX в. рассматривалось в контексте внутренней политики государства в области здравоохранения как составная часть данной политики. В работе использованы общенаучные методы – анализ, синтез, обобщение. С помощью историко-генетического метода становится возможным определить подходы и методы государственных и региональных властей в вопросе формирования медико-санитарной службы в исследуемом регионе.

Материалы

Источниковая база исследования представлена неопубликованными документами и материалами, отложившихся в фондах архивов Российской Федерации (Российском государственном историческом архиве и Историческом архиве Омской области). Наибольший интерес для исследователя представили Ф. 391 РГИА, где была обнаружена переписка Российского комитета Красного креста с Государственной Думой, Переселенческим управлением, генерал-губернатором. Данный источник содержит в себе широкий пласт информации о врачебно-продовольственной помощи в наиболее нуждающихся районах.

Фонд 99 Исторического архива Омской области содержит в себе информацию, благодаря которой становится возможным проанализировать объем оказываемой продовольственной и медико-санитарной помощи населению степных областей. Кроме того, в документах данного фонда отложилась информация о лечебном учреждении, открытом в г. Омске.

К началу XIX в. в структуре государственных органов не было создано управления, которое бы решало вопросы, связанные с массовым переселением крестьян на земли Сибирских губерний. Следовательно, для решения данного вопроса в 1896 г. в структуре МВД было создано Переселенческое управление¹. Значительное

¹ Переселенческое управление (1896–1918) – учреждение, ведавшее переселенческим делом в России, по уровню приравнивалось к департаменту МВД, позднее вошло в состав Главного

внимание с момента создания оно уделяло вопросам оказания врачебно-медицинской помощи переселенцам по пути их следования на новые места жительства и по прибытии на них [5], в том числе в степных областях. В Степном крае были созданы комитеты Переселенческого управления – Уральско-Тургайский, Семипалатинский переселенческий комитет и Акмолинский переселенческий комитет. Тургайская Уральская, Семипалатинская, Акмолинская области получили статус переселенческих районов. Их руководство на местах проводило активное обследование земель, межевание переселенческих участков. Одной из важнейших функций деятельности Уральско-Тургайского, Акмолинского и Семипалатинского региональных комитетов Переселенческого управления стала организация врачебно-продовольственной помощи переселенцам [6, с. 163].

Значительное влияние на развитие медицинской помощи переселенцам Степного края оказала поездка управляющего делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзина вдоль Сибирской железной дороги. Результаты поездки А.Н. Куломзин изложил в своем отчете, содержащем ценную информацию об уровне развития медицинской службы в Степном крае и проблемах в предоставлении медицинской помощи переселенческому населению. Центральной из них являлась нехватка медицинских кадров и их низкая квалификация. Не высокий уровень медицинского обслуживания переселенцев, по оценке А.Н. Куломзина, объяснялся также резким ростом их численности, плохими санитарными условиями по пути следования на новое место жительства и, как следствие, высоким уровнем заболеваемости среди них [7, с. 96].

В целом, по оценке А.Н. Куломзина, эффективность оказываемой помощи во врачебно-питательных пунктах являлась достаточно высокой. Он подчеркивал, что все врачи, студенты-медики и фельдшеры полностью «отдаются исполнению возлагаемых на них обязанностей и отличаются хорошим отношением к обращающимся к ним переселенцам» [7, с. 25]. Однако он считал, что этого недостаточно.

Региональные переселенческие органы поддерживали А.Н. Куломзина в данном вопросе. Заведующий переселенческим делом в Акмолинской области А.А. Станкевич в конце 1900 г. переправил в Переселенческое управление отчет доктора Н. Капельмана о санитарном состоянии новосельческих поселков Акмолинского уезда, в котором крайне критично была оценена имевшая место в области медицинская служба в целом, в том числе в сфере оказания медицинской помощи переселенцам. Острая необходимость в медицинской помощи возникала из-за скудного и однообразного питания, плохих условий проживания (мазанки, землянки, шалаши), а также некачественной питьевой воды. Кроме того, из-за больших территорий Акмолинской и Семипалатинской областей, значительных расстояний между переселенческими поселками обозначилась еще одна проблема – отсутствие достаточного количества медицинских кадров. Поэтому отчет, который управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзин предоставил в соответствующие госучреждения после поездки в регионы, стал отправной точкой для нового этапа в организации медицинской помощи для переселенцев.

Переселенческая организация занималась организацией медицинского обслуживания новоселов, это было связано с тем, что во многих отчетах заведующих переселенческими поселками сообщалось о нехватке медицинских кадров в регионе и отсутствии должного медицинского обслуживания переселенческого населения. Как уже отмечено ранее, в своем отчете Н. Капельман подчеркнул, что новоселы попали в тяжелые условия пребывания. Скучное питание, неудовлетворительное состояние жилых помещений, отсутствие хорошей питьевой воды отрицательно влияло на здоровье переселенцев. Это становилось благоприятной почвой для развития и распространения различных инфекционных заболеваний. В условиях повышения заболеваемости крестьяне не имели возможности своевременно обратиться за медицинской помощью, т.к. на расстоянии более чем 200 верст не было ни одного как врачебного, так и фельдшерского участка [8, с. 5]. В связи с такой обстановкой возникла острая необходимость создания обширной сети медицинских пунктов для оказания помощи новоселам Акмолинского уезда.

Сформированные по решению областных администраций степных областей сельских медицинских участков с фельдшерскими пунктами в них не могли в полном объеме решить данной проблемы. По мнению заведующего переселенческим делом в Томском районе Шумана Н.К., в уездах Акмолинского района необходимо создавать не только фельдшерские, но и врачебные пункты, так как квалификация фельдшеров не всегда достаточна для оказания медицинской помощи населению. Именно поэтому в 1902 г. Переселенческим управлением были открыты первые медицинские пункты (пять врачебных и три фельдшерских) на территории Акмолинского района [8, с. 6].

Для увеличения объема медицинской помощи, оказываемой переселенцам, было привлечено Российское общество Красного Креста. Впервые о помощи общества Красного Креста в степных областях упомянуто в 1897 г. В деловой переписке председатель Российского общества Красного Креста М.П. фон Кауфман отправил запрос председателю И.Л. Горемыкину в Главное управление землеустройства и земледелия о принятии участия Общества Красного Креста в деле помощи переселенцам [9, л. 5]. Врачи и сестры милосердия Общества Красного Креста командировались в наиболее нуждающиеся районы Степного края. Кроме оказания врачебной помощи, Общество Красного Креста также оказывало содействие в создании особых врачебно-питательных отрядах в селениях с наиболее неблагоприятной обстановкой. Врачебный персонал Красного Креста содержался за счет самого общества. Из казны Главного управления Российским обществом Красного Креста командируемому медицинскому персоналу выделялось 500 руб., включая свидетельство на бесплатный проезд и провоз багажа до Омска и 2 руб. суточных за время пути до станции прибытия. Остальная сумма предназначалась для расходов, связанных с деятельностью командированного отряда и подлежала строгой отчетности [10, л. 12].

Кроме этого, сибирским учреждениям Общества Красного Креста было предложено увеличить состав санитарного персонала, а также создать комитеты для широкого участия в организации санитарной помощи переселенцам, устройству амбулаторных лечебниц и питательных пунктов в местах скопления переселенцев совместно с правительственными силами [9, л. 7].

Благодаря слаженным действиям всех структур, занимающимся делами переселения и оказания врачебно-санитарной помощи переселенцам при поддержке Красного Креста в июле 1897 г. средствами Петропавловского Комитета Красного Креста были открыты столовые в поселках Петровском, Исаевском и Рождественском, которые в среднем за четыре месяца выдали около 5000 порций [9, л. 19].

В сентябре 1905 г. Степное окружное общество Красного Креста решило открыть собственный лазарет в Омске. Лазарет располагался в частном доме и был обустроен на 30 мест, однако в случае острой необходимости количество койко-мест могло быть увеличено до 50 человек. Согласно санитарному отчету по лазарету Степного окружного управления Общества Красного Креста в ноябре лазарет разместил 53 человека [11, л. 38].

В феврале 1907 г. врачебно-питательный отряд Красного креста в составе врача, двух сестер милосердия и двух санитаров совершил объезд в район Акмолинского уезда. За время свой командировки медицинский персонал совершил более 10000 посещений тяжело больных цингой и тифом. Кроме медицинской помощи, также оказывалась питательная помощь более чем 500 остро нуждающимся семьям. В финансовом плане отпущенных на питательную помощь средств оказалось крайне недостаточно. Острая нехватка средств выражалась в том, что больным приходилось делиться выданными продуктами с остальными членами семьи, которые из продуктовых припасов имели только муку и хлеб [10, л. 2].

Командированные Красным Крестом отряды зачастую действовали совместно с врачами Переселенческого управления, обоюдно разделив районы для дальнейшей работы [12, л. 3]. Задачи командированных отрядов Красного Креста заключались в оказании амбулаторной помощи заболевшим инфекционным заболеванием или от недоедания. В случае острой нужды в открытии стационарного лечебного заведения, медицинский отряд Красного Креста имел право открыть их. При обнаружении нехватки медицинских или материальных запасов, их пополнение было возможно за счет сумм, отпускаемых Степным Управлением при врачах отряда [10, л. 23].

Результаты

Благодаря слаженному взаимодействию государственных структур и Российского общества Красного креста стало возможным добиться улучшения медико-санитарного состояния степных областей. Было выявлено, что, работая совместно, Переселенческое управление и Красный Крест оказывали помощь переселенцам в местах их водворения. На средства общества открывались столовые, командировались отряды сестер милосердия для оказания медицинской помощи в наиболее нуждающиеся районы Степного края. Переселенческие врачи наряду с врачебным персоналом Красного Креста боролись с эпидемиями и следили за здоровьем местного населения и крестьян-переселенцев.

Таким образом, можно отметить, что большую роль в развитии медико-продовольственной помощи крестьянами переселенцам на рубеже XIX–XX вв. оказало Российское общество Красного Креста. На ассигнованные данной организацией деньги были открыты столовые для переселенцев. Кроме того, сестры милосердия в период своих разъездов по территории областей Степного края оказывали помощь населению наряду с медицинским персоналом Переселенческого

управления МВД, что в свою очередь благоприятно сказывалось на эпидемическом состоянии региона. Одновременно с больницами и приемными покоями Переселенческого управления МВД в степных областях действовали и амбулатории Красного Креста, что в свою очередь снижало нагрузку на медицинский персонал МВД.

Заключение

Благодаря совместной работе Переселенческого управления МВД, Комитета Сибирской железной дороги и Регионального общества Красного креста в Степном крае произошли значительные улучшения в области здравоохранения.

Сотрудничество общественных и государственных структур позволило значительно улучшить медицинское обслуживание переселенцев в Степном крае. Кроме того, удалось частично решить проблему нехватки медицинского персонала в степных областях, направив в нуждающиеся районы сестёр милосердия.

Также стоит отметить, что открытие столовых, финансируемых региональным отделением Российского общества Красного Креста, позволило улучшить санитарное состояние переселенческих посёлков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Татарникова А.И. Сельское здравоохранение и сеть медицинских учреждений в Западной Сибири под воздействием модернизационных процессов (конец XIX – первая четверть XX в.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 137–140.
2. Панишев Е.А. Медицинское обслуживание и охрана здоровья населения Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–3 (64). С. 161–164.
3. Шаламов В.А. Численность и состав врачей Восточной Сибири по данным 1913 г. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2014. Т. 7. С. 88–93.
4. Свиридова Л.Е. Основные этапы развития медицины и здравоохранения в Северном Казахстане (XVIII–XX вв.). Автореферат дис. ... док. мед. наук. М., 1993. 42 с.
5. Белянин Д.Н. Деятельность переселенческих пунктов и врачебно-продовольственная помощь переселенцам в Сибири в 1861–1905 годах // Научный диалог. 2019. № 12. С. 230–247. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-12-230-247>.
6. Кошин Н.Я. Переселенческие поселки в Усть-Каменогорском уезде. Семипалатинск, 1899. 83 с.
7. Куломзин А.Н. Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896. 187 с.
8. Немцов С.Б. Врачебные и фельдшерские пункты Переселенческой организации Акмолинского района и заболеваемость населения в районе пунктов по карточной регистрации за 1906–1910 гг. Омск, 1911. 24 с.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 2. Д. 59.
10. Исторический архив Омской области. Ф. 99. Оп. 1. Д.20.
11. Исторический архив Омской области. Ф. 99. Оп. 1. Д. 7.
12. Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 3. Д.205.

REFERENCES

1. Tatarnikova A.I. Rural Health Care and Health Centres Network in Western Siberia under the Influence of Modernization Processes (the Late XIX – First Quarter of the XX Centuries). *Theory and Practice of Social Development*. 2015. No. 22. P. 137–140. (In Russian).
2. Panishev E.A. Medical Care and Health Protection in tobolsk Province at the Second Half of XIXth – the Beginning of XXth Centuries. *Izvestiya of Altai State University*. 2009. No. 4–3 (64). P. 161–164. (In Russian).

3. Shalamov V.A. Number and Staff Structure of Doctors in Eastern Siberia According to the Data of 1913. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series «History»*. 2014. Vol. 7. P. 88–93. (In Russian).
4. Sviridova L.E. Osnovnye jetapy razvitija mediciny i zdavoohranenija v Severnom Kazahstane (XVIII–XX vv.). [The main stages of development of medicine and health care in Northern Kazakhstan (XVIII–XX centuries)]: abstract of dis. ... doc. med. sciences. Moscow, 1993. 42 p. (In Russian).
5. Belyanin D.N. The Activities of Resettlement Centers and Medical and Food Assistance to Resettles in Siberia in 1861–1905. *Nauchnyi dialog*. 2019. No. 12. P. 230–247. (In Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-12-230-247>.
6. Koshin N.Ya. Pereselencheskiye poselki v Ust-Kamenogorskom uyezde [Settlement Settlements in the Ust-Kamenogorsk District]. Semipalatinsk, 1899. 83 p. (In Russian).
7. Kulomzin A.N. Vsepoddanneyshiy otchet stats-sekretarya Kulomzina po poyezdke v Sibir dlya oznakomleniya s polozheniyem pereselencheskogo dela [Most Humble Report of State Secretary Kulomzin on his Trip to Siberia to Get Acquainted with the State of the Resettlement Issue]. St. Petersburg, 1896. 187 p. (In Russian).
8. Nemtsov S.B. Vrachebnyye i feldsherskiye punkty Pereselencheskoy organizatsii Akmolinskogo rayona i zabolevayemost naseleniya v rayone punktov po kartochnoy registratsii za 1906–1910 gg. [Medical and Paramedic Stations of the Resettlement Organization of the Akmola District and Morbidity of the Population in the Area of the Stations According to Card Registration for 1906–1910]. Omsk, 1911. 24 p. (In Russian).
9. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 391. Record 2. File 59. (In Russian).
10. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti [Historical archive of Omsk region]. Fund 99. Record 1. File 20. (In Russian).
11. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti [Historical archive of Omsk region]. Fund 99. Record 1. File 7. (In Russian).
12. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 391. Record 3. File 205. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Власова Анна Игоревна – кандидат исторических науки, доцент кафедры востоковедения; Алтайский государственный университет.

E-mail: for.ann.annie@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7799-438x

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Vlasova Anna I. – Candidate of Historical Sciences, associate professor Department of Oriental Studies; Altay State University

E-mail: for.ann.annie@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7799-438x

The author confirms that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 24.10.2024.
Одобрена после рецензирования 02.04.2025.
Принята 21.04.2025.

Received 24.10.2024.
Approved after reviewing 02.04.2025.
Accepted 21.04.2025.

научная статья / research article

УДК: 325+314.74+94

EDN: [UIWYWF](#)

DOI: 10.48612/RG/RGW.28.2.10

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](#)

Социальная адаптация российской эмиграции в Шанхае в 1917–1939 гг.

Носкова Наталья Владимировна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ noskova.natalia27@gmail.com

Ван Цзюньтао

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
juntao2013@yandex.ru

Аннотация

Введение. Вопросы миграции играют важную роль в современном мире, но особый интерес вызывает история миграции и ее причины. Большая русская диаспора сложилась в первой половине XX века в Китае, где г. Шанхай являлся одним из основных миграционных центров. Целью исследования является анализ и выявление особенностей адаптационного процесса российской диаспоры в Шанхае в период 1917–1939 гг.

Материалы и методы. Исследование опирается на широкий круг научных публикаций, включающих работы отечественных и китайских авторов. Особое внимание уделено анализу воспоминаний и мемуаров, написанных участниками событий российской эмиграции в Шанхае 1917–1939 гг. Методической основой исследования являются сравнительно-описательный, хронологический и сравнительно-исторический методы, способствующие решению поставленных задач.

Результаты. Исследованием установлено, что российскую эмиграцию в Шанхае можно охарактеризовать как самостоятельное и жизнеспособное социокультурное образование, которое сохранило свою самобытность и культуру. Адаптация и интеграция российских эмигрантов в Китае зависели от конкретных условий региона. Специфика адаптации, выявленная при анализе оригинальных материалов культурного взаимодействия между эмигрантами и местным населением, показала факторы, которые способствовали или препятствовали интеграции русских эмигрантов в китайское общество.

Заключение. В Шанхае русским было значительно сложнее адаптироваться к местным условиям вследствие большой конкуренции с иностранными гражданами. Расцвет деятельности и активной городской жизни русского общества в Шанхае приходится на период с середины 1920–1930-х гг. В полной мере этот процесс оценить сложно, но авторы полагают, что есть основание утверждать, что уровень адаптации и интеграции в принимающее общество зависит от конкретных случаев и ситуаций.

Ключевые слова: Китай; Россия; Шанхай; адаптация; российские эмигранты; социальные проблемы

Для цитирования: Носкова Н.В., Ван Цзюньтао. Социальная адаптация российской эмиграции в Шанхае в 1917–1939 гг. // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 2. С. 133–143. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.10

© Носкова Н.В., Ван Цзюньтао, 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Social Adaptation of Russian Emigration in Shanghai in 1917–1939

Natalia V. Noskova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
 noskova.natalia27@gmail.com

Juntao Wang

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
juntao2013@yandex.ru

Abstract

Introduction. Migration issues currently play an important role in the modern world. The history of migration and its causes are of great interest. A large Russian diaspora developed in China in the first half of the twentieth century. Shanghai was one of the main migration centers in China. The purpose of the study is to analyze and identify the features of the adaptation process of the Russian Diaspora in Shanghai in the period 1917–1939.

Materials and methods. The research is based on a wide range of scientific publications, including works by Russian and Chinese authors. Special attention should be paid to the analysis of memoirs and memoirs written by direct participants in the events of 1917–1939, devoted to the study of Russian emigration in Shanghai. The methodological basis of the research is comparative descriptive, chronological and comparative historical methods that contribute to solving the tasks set.

Results. The study found that Russian emigration to Shanghai can be described as an independent and viable socio-cultural education that has preserved its identity and culture. The adaptation and integration of Russian emigrants in China significantly depended on the specific conditions of the region. Specifics of the adaptation of Russian emigration in Shanghai in 1917–1939, revealed in the analysis of cultural interaction between Russian emigrants and local population, showed what factors contributed to or hindered the integration of Russian emigrants into Chinese society.

Conclusion. The process of adaptation of Russian emigration in Shanghai was difficult. In Shanghai, it was much more difficult for Russians to adapt to local conditions, as a result of the great competition with foreign citizens. The heyday of activity and active urban life of Russian society in Shanghai occurred in the mid-1920s, closer to the 1930s. It is difficult to fully assess this process. There is reason to believe that the level of adaptation and integration into the host society depends on specific cases and situations.

Keywords: China; Russia; Shanghai; adaptation; Russian emigrants; social problems

For citation: Noskova, N.V., Wang Juntao. Social Adaptation of Russian Emigration in Shanghai in 1917–1939. *Russia in the Global World*. 2025. Vol.28. Iss. 2. P. 133–143. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.10

© Noskova, N.V., Wang Juntao, 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Во второй половине XIX в. в Китае основными городами для российской миграции стали Пекин, Тяньцзинь, Ханькоу, Шанхай. Согласно российско-китайскому мирному договору 1896 г., Россия получила разрешение на строительство КВЖД¹, в связи с чем российское правительство направило на Северо-Восток Китая большое

¹ Китайская Восточная железная дорога

количество специалистов для её строительства. В 1898 г. был основан город Харбин, ставший своеобразной столицей русских эмигрантов в Китае. Вторым по привлекательности поселения стал город – порт Шанхай с большим количеством иностранцев, говоривших на разных языках, поэтому г. Шанхай получил название «желтый Вавилон».

События 1917 г. в России существенно изменили образ жизни русских эмигрантов в Шанхае. Эту ситуацию хорошо описал академик РАН Е.И. Пивовар: «Практически ни у кого не вызывала и не вызывает сомнений правомерность применения определения "беженцы" к тем массам людей, которые хлынули через границы России в 1917 – начале 1920-х годов, спасаясь от физического уничтожения, голода, лишений, тюремного заключения. В то же время для основной массы российских беженцев была абсолютно неприемлемой установившаяся на родине политическая система, что превращало их в эмигрантов в общепринятом политизированном смысле этого слова. После декрета РСФСР 1921 г. о лишении их гражданства, подтвержденного и дополненного в 1924 г., дверь в Россию для них была захлопнута и изнутри» [1, с. 85]. Автор исторического очерка «Русские в Шанхае» Г.Г. Сунненберг писал: «Как ни тяжело было русским в Шанхае в эти годы, но все же духом они не пали и своего честного имени, и имени России не посрамили» [2, с. 220].

Актуальность данного исследования обусловлена важностью изучения российского социокультурного образования и на территории Шанхая в XX в. Российская диаспора в условиях эмиграции смогла сохранить культурную общность и самобытность, что является социокультурным феноменом.

Проблема исследования заключается в выявлении специфики адаптации русской эмиграции в Шанхае в 1917–1939 гг., а также в анализе культурного взаимодействия между российскими эмигрантами и местным населением. Важно понять, какие факторы способствовали, или препятствовали интеграции русских эмигрантов в китайское общество и как происходил взаимный культурный обмен. Цель исследования - особенности процесса адаптации русской эмиграции в Шанхае в 1917–1939 гг. в рамках инокультурного поля. Исследовательская проблематика определена рядом вопросов и задач:

Проанализировать процесс адаптации российской эмиграции в Шанхае в 1917–1939 гг. и выявить основные факторы, влияющие на него.

Исследовать трудности, с которыми сталкивались русские эмигранты в Шанхае, включая экономические, социальные и психологические аспекты.

Охарактеризовать отношение местного населения и иностранных сообществ к русским эмигрантам и влияние этого фактора на их адаптацию.

Выявить особенности трудоустройства русских эмигрантов, включая роль языкового барьера и конкуренции на рынке труда.

Рассмотреть динамику изменений в положении русских эмигрантов в Шанхае в 1920–1930-е годы, включая создание русской инфраструктуры и улучшение экономического положения.

Проанализировать различные точки зрения отечественных и китайских исследователей на процесс адаптации русской эмиграции в Китае.

Оценить влияние русской диаспоры на жизнь в Шанхае и степень их интеграции в местное сообщество.

Материалы и методы

Исследование опирается на широкий круг научных публикаций, включающих работы отечественных и китайских авторов. Особое внимание уделено анализу воспоминаний и мемуаров, написанных непосредственными участниками событий 1917–1939 гг., посвященных российской эмиграции в Шанхае.

Методической основой послужили методы исторического исследования: сравнительно-описательный, хронологический и сравнительно-исторический методы, каждый из которых способствовал решению поставленных задач.

Сравнительно-описательный метод позволил детально рассмотреть процесс адаптации российской эмиграции в Шанхае, описать социально-экономическое положение эмигрантов, а также выявить особенности их культурного взаимодействия с местным населением. С его помощью были проанализированы различные аспекты жизни русской диаспоры, включая трудовую деятельность, образование, бытовые условия и общественные институты.

Хронологический метод обеспечил последовательное изучение процесса эмиграции, помог выявить основные этапы адаптации русских эмигрантов в Шанхае и отследить динамику изменений в их социальном положении и культурных контактах с китайским обществом в период 1917–1939 гг. Метод позволил структурировать материал, проследить влияние исторических событий (гражданская война в России, изменения в международной политике, экономические кризисы) на положение эмигрантов и их интеграцию в новую среду.

Сравнительно-исторический метод способствовал сопоставлению адаптационного опыта русской эмиграции в Шанхае с аналогичными процессами в других странах и регионах, а также с другими волнами российской эмиграции. Удалось выявить уникальные черты шанхайской эмиграции, а также общие закономерности, характерные для русских эмигрантов в различных странах.

Выбранные для анализа источники содержат ценную информацию о социально-экономическом положении, адаптационных стратегиях и культурном взаимодействии русских эмигрантов в Шанхае в 1917–1939 гг.

Работы отечественных исследователей (Е.Е. Аурилене [3; 13], Н.Е. Аблова [4], О.И. Кочубей, В.Ф. Печерица [5], А.А. Хисамутдиновой [6], В.П. Петрова [8], В.Д. Жиганова [9], В.Г. Шароновой [7; 10], Е.В. Дроботушенко [11], Е.С. Князевой [12], И.В. Ставрова [14] и др.) позволяют рассмотреть проблему российской эмиграции в более широком историческом контексте; выявить основные этапы миграции; проанализировать социальные институты, созданные русскими эмигрантами; а также оценить степень их интеграции в китайское общество. Эти исследования освещают политические, экономические и культурные факторы, повлиявшие на формирование русской диаспоры в Шанхае.

Работы китайских исследователей (Ван Чжичэн [15], У Яньцю [16], Ван Гоцзе [17], Цзян Хаофэн [18], Ма Чанлинь [19] и др.) предоставляют ценный взгляд на проблему с позиции китайской науки. Они позволяют проанализировать восприятие русской эмиграции со стороны местного населения, изучить особенности взаимодействия китайской и русской культур, а также понять, какие социальные и политические процессы в Китае повлияли на положение русских эмигрантов. Эти

источники особенно важны для понимания степени интеграции русских в китайское общество и выявления взаимного влияния двух культур.

Результаты исследования получены на анализе статистических данных, приведенных в фундаментальных трудах А.А. Хисамутдиновой [6], Е.Е. Аурилене [13], а также на конкретных фактах истории адаптации российской иммиграции в Шанхае, взятых из работ Е.Е. Аурилене [13], И.В. Ставрова [14], Ван Чжичэна [15]. На основе анализа представленных материалов, авторы работы пришли к следующим выводам: адаптация и интеграция российских эмигрантов в Китае значительно зависела от конкретных условий региона; в Шанхае адаптация проходила сложнее, чем в других городах в силу присутствия большого количества иностранных представителей и русские люди, не владевшие языками, оказывались в довольно в затруднительном положении. Привлечение дополнительных документальных источников позволило дополнить общую картину периода существования русской эмиграции в Китае.

Российская община в Шанхае была известна своей культурной динамичностью и предпринимательским духом. Община основала целый ряд культурных центров и предприятий: рестораны, ночные клубы и театры. Они стали популярными местами сбора и для российских эмигрантов, и для более широкого международного сообщества. Община была известна своим вкладом в искусство: многие российские музыканты (Б.С. Захаров, А.Н. Есипова, С.С. Аксаков) [20], художники (К.П. Данилевский, В.С. Подгурский, Н.К. Соколовский, Н.И. Адамович и К.Н. Малиновский) [21] и писатели (М.Ц. Спургот, Николай Светлов (наст. фам. Свиньин; псевдоним Ваня-Сибиряк), Н.Н. Языков, Ю.В. Крузенштерн-Петерец) [22] и др., оставили свой след в культурной жизни Шанхая. Несмотря на многочисленные трудности, такие как политические потрясения и экономические депрессии, российская диаспора в Шанхае оставалась жизнестойкой и сыграла важную роль в истории и развитии города [8; 15].

Активное присутствие иностранцев в Шанхае началось гораздо раньше, чем в Харбине. После основания иностранных концессий на территории Шанхая на постоянной основе, ни один российский подданный не проживал в городе. Появление первых резидентов из Российской империи относят к началу 1860-х годов. В основном, это были купцы, занимавшиеся чайной торговлей. Тогда же было организовано внештатное консульство Российской империи. С середины XIX века постоянно возрастало число иностранцев, однако, среди них практически не было представителей российской эмиграции. Данные, представленные в газете «North China Herald» за 1860 г., насчитывают около 569 иностранных резидентов, в то время как российских представителей не было вообще [23].

К концу XIX века российское правительство предприняло решительные шаги по созданию организационных и управленческих институтов. В 1896 г. было учреждено официальное Российское императорское консульство [24], открыто отделение Русско-Китайского банка [25], открытие которого было связано с Японо-китайской войной 1894-1895 гг. и поражение Китая в этой войне повлекло за собой наложение контрибуций. Для их выплаты в 1895 г. российским и французским банком был образован синдикат, в котором разместились займы для китайской стороны. В 1899 г.

была открыта российская почтовая контора. Официальное учреждение российских организаций означало закрепление и упрочение положения России в Шанхае.

После завершения русско-японской войны были оперативно предприняты усилия по восстановлению Транссибирской железнодорожной магистрали. Все большее число иностранцев начало путешествовать по этому маршруту. Железная дорога способствовала развитию кратчайшего маршрута до Шанхая, что стало значительным стимулом для развития торговли и перевозок в регионе. Этот маршрут позволил сократить протяженный морской путь, сделав торговлю более рентабельной и выгодной.

Несмотря на создание российских компаний («Губкин-Кузнецов и К^о», «Молчанов-Печатнов и К^о», «С.В. Литвинов и К^о» и др.) [26] и введения в эксплуатацию железной дороги численность российских резидентов в Шанхае оставалась незначительной. В большинстве случаев они проживали временно, основной целью их пребывания в городе было связано с торговой деятельностью.

Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. русские солдаты стали обычным явлением в китайских городах. Они выполняли различные обязанности: надзор за ремонтом поврежденных кораблей и оказания медицинской помощи в больницах [27, с. 220]. Оставшиеся в Китае русские солдаты смогли найти работу, соответствующую их интересам (на транспорте, в торговле, сельском хозяйстве). Некоторые создавали совместные предприятия по обслуживанию как российских, так и китайских клиентов.

Шанхай, оживленный портовый город, расположенный в дельте реки Янцзы, в начале XX века притягивал людей со всего мира. Со временем эти российские иммигранты стали неотъемлемой частью китайского общества, внося свой вклад в развитие местной экономики и культуры, которые поселились в городе и сделали его своим домом. В городе часто можно было услышать разговор на разных языках, в том числе и на русском [27, с. 220].

Представленная предыстория образования русскоязычной колонии в Шанхае важна для исследования, потому что необходимо понимание того, на какой базе сформировалась группа людей, имеющих общую культурную и национальную принадлежность.

С момента начала Гражданской войны в России произошли значительные изменения в количественном составе российской диаспоры в Шанхае. В начале 1918 г. в город уже прибыло около тысячи русских беженцев. Однако, в декабре 1922 г. число российских эмигрантов в Шанхае значительно увеличилось. В этом году было окончательно подавлено сопротивление белоэмигрантов новой власти на Дальнем Востоке. Генерал Ф.Л. Глебов [15], политический деятель казачьей эмиграции в Китае и адмирал Г.К. Старк [28] возглавили миссию по эвакуации русских беженцев, используя для этого корабли императорского флота. Эскадра адмирала Г.К. Старка прибыла в устье р. Янцзы и перевезла тысячи беженцев, из войск генерала Ф.Л. Глебова. Благодаря этому притоку общее число русских в Шанхае составило 6000 человек. В последующие годы – это число продолжало расти с прибытием эмигрантов из Маньчжурии, главным образом, из Харбина. К середине 1930-х годов численность русского и русскоязычного населения Шанхая превысила 20 000 человек, что сделало его крупнейшей иностранной колонией в городе. Русские в Шанхае в основном селились во французской концессии.

Русская община в Шанхае была разнообразной, в нее входили люди из разных социальных, экономических и культурных слоев. Однако, их объединял общий опыт перемещения и желание наладить свою жизнь на чужбине. Несмотря на различные проблемы, такие как дискриминация и языковые барьеры, русским в Шанхае удалось создать динамичное сообщество со своими собственными школами, клубами и культурными организациями.

После хлынувшего потока русских беженцев в Шанхай, в начале 1920-х гг., Международный сэттльмент² (上海公共租界工部局) занялся распространением прокламаций, где было представлено объяснение, почему иностранцы не должны помогать эмигрантам найти работу и оказать им какую-либо помощь. Одним из шагов были ограничения на въезд в город. Если у эмигранта из России не было бы при себе официального международного паспорта, в таком случае, такие люди не допускались в город [27]. Несмотря на все меры, предпринимаемые администрацией Шанхая с попыткой остановить приток русских эмигрантов, они все равно проникали небольшими группами в город.

В работах отечественных историков и востоковедов: Е.Е. Аурелене, Е.Н. Абловой, В.Г. Шароновой др. единогласно высказывается мнение, что Шанхай встретил русскую эмиграцию довольно неприветливо. В работе В.Г. Шароновой подчеркивается, что, в первую очередь, была недовольна существующая маленькая русская колония сторожил, которые являлись выходцами из богатых семей, которые смогли обосноваться в Шанхае задолго до начала революционных событий в России [2, с. 218].

По прибытии в Шанхай русские эмигранты столкнулись с невероятно сложной ситуацией. Трудности, которые они испытали, не имели себе равных ни в чем, что они испытывали раньше. Несмотря на поддержку и содействие, оказываемые различными китайскими и зарубежными организациями, большинство россиян оказались в крайней нищете. Это положение привело к разрушительным последствиям, поскольку многие люди были вынуждены свести счеты с жизнью из-за невыносимых условий жизни.

Эмоциональные и психологические последствия жизни в таком нестабильном состоянии оказали глубокое влияние на русскую общину в Шанхае. Психическое напряжение, вызванное необходимостью выживать при ограниченных ресурсах, привело многих к чувству отчаяния и безнадежности. Разрушительные последствия нищеты и трудности, с которыми сталкиваются эмигранты, подчеркивают важность поддержки и оказания помощи тем, кто изо всех сил пытался наладить свою жизнь в новой стране. Крайне важно было признать проблемы, с которыми сталкиваются эмигранты, и предложить им необходимые ресурсы и поддержку, чтобы помочь пережить трудные времена.

Китайский историк Ван Чжичэн в своем исследовании отмечает, что период с 1922 по 1925 гг. был особенно тяжелым для российской эмиграции в Шанхае [15, с. 363]. Одним из факторов, усложняющих процесс адаптации, можно считать языковой барьер, хотя небольшое количество российских эмигрантов в Шанхае владели китайским языком. Что касается иностранных языков, то в этом городе довольно часто

² Сэттльмент (англ. *Settlement* – «поселение»), – обособленные кварталы в центре некоторых крупных городов Китая в XIX – начале XX веков, сдаваемые в аренду иностранным государствам.

можно было встретить английскую речь, реже можно было услышать французскую и немецкую речь. Те, кто владел одним из европейских языков, могли рассчитывать на предложение работы в какой-нибудь иностранной фирме в Шанхае.

Однако, как отмечает в своем исследовании Н.Е. Аблова, условия оплаты труда для русских эмигрантов часто были ниже, чем для других [4, с. 84]. В тот период времени в Шанхае было популярно привлекать к работе западных специалистов, однако на россиян такого спроса не было. Отмечается, что иностранцы и китайское население относились к ним с настороженностью [4, с. 85]. Служба в местном муниципалитете считалась самой престижной и уважаемой работой. Те, кому удалось построить карьеру, считались российской трудовой аристократией [4, с. 87]. Остальные выполняли, в основном, «черную работу».

Для тех, кто не смог устроиться на хорошую работу, одним из препятствий была жесткая конкуренция. Помимо языкового барьера, который являлся важным аспектом в коммуникации между начальством и подчиненными, также была жесткая профессиональная и личная конкуренция. Даже те, кто был готов выполнять сложную работу не могли составлять конкуренцию с более выносливыми и подготовленными к тяжелому труду. Многие нашли свое трудоустройство после начала массовых стачек и начала движения 30 мая 1925 г., когда в результате митингов и погромов в Шанхае многие бастующие потеряли место работу [3, с. 109]. Многие эмигранты заняли их места.

К середине 1930-х годов положение российской эмиграции в Шанхае значительно улучшилось. Это было связано с тем, что к этому времени из Северной части Китая хлынул новый поток российских эмигрантов. За довольно продолжительный промежуток времени российское общество в Шанхае смогло лучше приспособиться к жизни и наладить свое финансовое положение. На территории города появилась русская улица – Авеню Жоффр было местом, где селились российские эмигранты. На этой улице к середине 1930-х годов около 95% предприятий, магазинов, общественных заведений имели российских владельцев и работников [3, с. 119].

Результаты

Исследованием установлено, что российскую эмиграцию в Шанхае можно охарактеризовать как самостоятельное и жизнеспособное социокультурное образование, которое сохранило свою самобытность и культуру. Россияне столкнулась с большими трудностями, связанными с высокой конкуренцией со стороны местного населения и других иностранных сообществ. Адаптация и интеграция российских эмигрантов в Китае, существенно зависела от конкретных условий региона.

Заключение

Процесс адаптации российской эмиграции в Шанхае проходил значительно сложнее, чем в других китайских городах, потому что в городе присутствовало много представителей других стран и русские люди, не владевшие языками, оказывались в довольно в затруднительном положении.

Расцвет деятельности и активной городской жизни русского общества в Шанхае приходится на период середины 1920-х годов ближе к 1930-м годам. В полной мере

оценить уровень адаптационного процесса сложно. Есть основание полагать, что уровень адаптации и интеграции в принимающее общество зависит от конкретных случаев и ситуаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: Издательский центр РГГУ, 2008. 546 с.
2. Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Китае // Русское зарубежье. 2014. № 3. С. 217-231.
3. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). Хабаровск. Частная коллекция, 2008. 269 с.
4. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М: Русская панорама, 2005. 430 с.
5. Кочубей О.И., Печерица В.Ф. Исход и возвращение: (русская эмиграция в Китае в 20–40-е гг.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. 225 с.
6. Русские в Китае. Исторический обзор / Под общ. ред. А.А. Хисамутдинова. Шанхай: Изд-во Координационного совета соотечественников в Китае, 2010. 572 с.
7. Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2015. 512 с.
8. Петров В.П. Шанхай на Вампу: Очерки и рассказы. Вашингтон: Издание Русско-Американского Исторического общества, 1985. 272 с.
9. Русские в Шанхае: альбом / сост. и ред. В.Д. Жиганов. Шанхай, 1936. 330 с.
10. Шаронова В.Г. Некрополь русского Шанхая. М.: Старая Басманная, 2013. 519 с.
11. Дроботушенко Е.В. Страницы истории православия в Шанхае. Чита: ЗабГУ, 2021. 350 с.
12. Князева Е.С. Российские архитекторы-эмигранты и их наследие в Шанхае // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 234–255. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2023-3-20>.
13. Аурилене Е.Е. Особенности адаптации эмигрантов в 1920-1950 годы // Россия и АТР. 2004. № 3. С. 94–101.
14. Ставров И.В. Некоторые вопросы адаптации россиян в Маньчжурии в первой половине XX века // Ойкумена. 2010. № 4. С. 58-64.
15. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М.: Русский путь: Библиотека-фонд "Русское Зарубежье", 2008. 573 с.
16. У Яньцю. Русская эмигрантская диаспора в Шанхае в 1920–1940 гг. // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 1. [эл. доступ]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21435332_43903481.pdf (дата обращения: 25.07.2023).
17. Ван Гоцзе 王国杰. 20 шици чуци юаньдун дицюй дэ эго иминь вэньти 20 世纪初期远东地区的俄国移民问题 [Проблемы русской иммиграции на Дальнем Востоке в начале 20 века] // Шисюэ цзикань 史学集刊 [Исторический журнал]. 1997. № 2. С. 44–48. [эл. доступ] URL: <https://www.ncpssd.cn/Literature/articleinfo?id=1002250536&synUpdateType=&type=journalArticle&typename=%E4%B8%AD%E6%96%87%E6%9C%9F%E5%88%8A%E6%96%87%E7%AB%A0> (дата обращения: 15.07.2023).
18. Цзян Хаофэн. 姜浩峰. Шанхай дэ элосы хэньци 上海的俄罗斯痕迹 [Русские следы в Шанхае] 09.02.2022 // Синьминь чжоукань 新民周刊 [Еженедельник «Синьминь»]: [сайт]. URL: <https://www.xinminweekly.com.cn/lunbo/2022/02/09/17052.html> (дата обращения: 21.09.2023).
19. Ма Чанлинь 马长林. Лао Шанхай дэ элосы цяоминь 老上海的俄罗斯侨民 [Русская диаспора в старом Шанхае] // Данань юй шисюэ 档案与史学 [Архивы и историография]. 2008. Вып. 11. С. 39–43. [эл. доступ]. URL: https://www.zhangqiaokeyan.com/academic-journal-cn_memories-archives_thesis/0201228848.html (дата обращения: 21.08.2023).
20. Королева В.А. Русские музыканты в Китае // Россия и АТР. 1999. № 3. С. 103–107.
21. Шаронова В.Г. Русские художники в Шанхае в годы «Белой» эмиграции // Русское зарубежье. 2013. № 2. С. 237–244.
22. Хэ Мин, Ли Синьмэй. Многоликость Шанхая в русской эмигрантской поэзии в Китае // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 3 (34). С. 118–134.

23. Supplement to the North China Herald // North China Herald. 07.08.1860 august. № 5.
24. Черникова Л.П. «Землю под фундамент привезли с родины»: очерк истории генерального консульства России в Шанхае в 1890-е – 1927 гг. // Общество и государство в Китае. 2013. Т. 43. № 2. С. 186–210.
25. Яго Казухико. Русско-Китайский банк в 1896–1910 гг.: международный финансовый посредник в России и Азии // Экономическая история: Ежегодник. 2012. С. 293–314.
26. Хисамутдинов А.А., Гао Мингью. История российского предпринимательства в Китае первой половины XX века в зеркале рекламы // Историко-экономические исследования. 2023. Т. 24. № 4. С. 611–630. [https://doi.org/10.17150/2308-2488.2023.24\(4\).611-630](https://doi.org/10.17150/2308-2488.2023.24(4).611-630).
27. Першин А. Эпопея флотилии адмирала Старка // Морской сборник. 2000. № 2. С. 90–93.

REFERENCES

1. Pivovarov E.I. [Russian Abroad: Social and Historical Phenomenon, Role and Place in the Cultural and Historical Heritage]. M.: Publishing Center of the Russian State University for the Humanities, 2008. 546 p. (In Russian).
2. Sharonova V.G. History of Russian Emigration in China. *Russian Abroad*. 2014. No. 3. P. 217–231. (In Russian).
3. Aurilene E.E. Russian Diaspora in China (1920–1950s). Khabarovsk. Private Collection, 2008. 269 p. (In Russian).
4. Ablova N.E. CER and Russian Emigration in China: International and Political Aspects of History (First Half of the 20th Century). M: Russian Panorama, 2005. 430 p. (In Russian).
5. Kochubey O.I., Pecheritsa V.F. Exodus and Return: (Russian Emigration in China in the 20–40s). Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University, 1998. 225 p. (In Russian).
6. Hisamutdinov A.A. Russians in China. Historical Overview. Shanhaj: Publishing House of the Coordination Council of Compatriots in China, 2010. 572 p. (In Russian).
7. Sharonova V.G. History of Russian Emigration in Eastern China in the First Half of the XX Century. M.; SPb.: Centre for Humanitarian Initiatives, Universitetskaya kniga [University Book], 2015. 512 p. (In Russian).
8. Petrov V.P. Shanghai on Wampu: Essays and Stories. Vashington: Publication of the Russian-American Historical Society, 1985. 272 p. (In Russian).
9. Zhiganov V.D. Russians in Shanghai: album. Shanhaj, 1936. 330 p. (In Russian).
10. Sharonova V.G. Necropolis of Russian Shanghai. M.: Staraya Basmanaya, 2013. 520 p. (In Russian).
11. Drobotushenko E.V. Pages of the History of Orthodoxy in Shanghai. Chita: Transbaikalian State University, 2020. 350 p. (In Russian).
12. Knyazeva E.S. Russian Emigre Architects and Their Legacy in Shanghai. *Historical Courier*. 2023. No. 3 (29). P. 234–255. (In Russian). <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2023-3-20>.
13. Aurilene E.E. The Peculiar Features of Emigrants in 1920–1950. *Russia and the Pacific*. 2004. No. 3. P. 94–101. (In Russian).
14. Stavrov I. V. Some Aspects of Russian's Adaptation in Manchzhuria in the First Half of the XXth Century. *Ojkumena*. 2010. No. 4 (15). P. 58–64. (In Russian).
15. Wang Zhicheng. History of Russian Emigration in Shanghai. M.: Russian Way: Library-Fund "Russian Abroad, 2008. 573 p. (In Russian).
16. Wu Yanqiu. Russian Immigrant Community form 1920 to 1940 in Shanghai. APRIORI. Series: Humanities. 2014. No. 1. Available at https://elibrary.ru/download/elibrary_21435332_43903481.pdf (accessed: 25.07.2023). (In Russian).
17. Wang Guojie 王国杰. 20 Shiji chu qi yuandong diqu de eguo yimin wenti 20世纪初期远东地区的俄国移民问题 [The Russian Immigration Problem in the Far East in the Early 20th Century]. *Shixue jikan 史学集刊 [Historical Journal]*. 1997. No. 2. P. 44–48. Available at <https://www.ncpssd.cn/Literature/articleinfo?id=1002250536&synUpdateType=&type=journalArticle&typename=%E4%B8%AD%E6%96%87%E6%9C%9F%E5%88%8A%E6%96%87%E7%AB%A0> (accessed: 15.07.2023). (In Chinese).

18. Jiang Haofeng. 姜浩峰. Shanghai de eluosi henji 上海的俄罗斯痕迹 [Russian Traces in Shanghai]. 09.02.2022. *Xinmin zhouban* 新民周刊 [*Xinmin Weekly*]. Available at <https://www.xinminweekly.com.cn/lunbo/2022/02/09/17052.html> (accessed: 21.09.2023). (In Chinese).
19. Ma Changlin 马长林. Lao Shanghai de eluosi qiao 老上海的俄罗斯侨 [Russian Immigrants in Old Shanghai]. *Dang'an yu shixue* 档案与史学 [*Archives and Historiography*]. 2008. Iss. 11. P. 39–43. Available at https://www.zhangqiaokeyan.com/academic-journal-cn_memories-archives_thesis/0201228848.html (accessed: 21.08.2023). (In Chinese).
20. Koroleva V.A. Russian Musicians in China. *Russia and the Pacific*. 1999. No. 3. P. 103–107. (In Russian).
21. Sharonova V.G. Russian Artists in Shanghai During the Years of the “White” Emigration. *Russkoye zarubezhye* [*Russian Abroad*]. 2013. No. 2. P. 237–244. (In Russian).
22. He Min, Li Xinmei. The Diversified Image of Shanghai in the Poetry of Russian Emigrants in China. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*. 2018. No. 3 (34). P. 118–134. (In Russian).
23. Supplement to the North China Herald // North China Herald. 07.08.1860 №. 5.
24. Chernikova L.P. “The Soil for the Foundation was Brought from the Homeland”: An Essay on the History of the Russian Consulate General in Shanghai in the 1890s – 1927. *Society and State in China*. 2013. Vol. 43. No. 2. P. 186–210. (In Russian).
25. Yago Kazuhiko. The Russo-Chinese Bank (1896–1910): International Financial Intermediary in Russia and Asia. *Economic History: A Yearbook*. 2012. P. 293–314. (In Russian).
26. Khisamutdinov A.A., Gao Mingyue. History of Russian Entrepreneurship in China the First Half of the XX Century in the Mirror of Advertising. *Journal of Economic History & History of Economics*. 2023. Vol. 24. No. 4. P. 611–630. (In Russian). [https://doi.org/10.17150/2308-2488.2023.24\(4\).611-630](https://doi.org/10.17150/2308-2488.2023.24(4).611-630).
27. Pershin A. The Epic of Admiral Stark's Flotilla. Marine collection. 2000. № 2. P. 90–93. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Носкова Наталья Владимировна – магистрант Высшей школы лингвистики и педагогики Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: noskova.natalia27@gmail.com
ORCID: 0009-0001-4052-0129

Ван Цзюньтао – кандидат политических наук, доцент ин. Высшей школы лингвистики и педагогики Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: juntao2013@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2315-1138

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Noskova Natalia V. – Master's student of High School of Linguistics and Pedagogy, Institute of Humanities; Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.
E-mail: noskova.natalia27@gmail.com
ORCID: 0009-0001-4052-0129

Wang Juntao – Ph.D. of Political Sciences, associate professor of High School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.
E-mail: juntao2013@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2315-1138

The authors confirm that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025.
Одобрена после рецензирования 15.04.2025.
Принята 15.04.2025.

Received 10.04.2025.
Approved after reviewing 15.04.2025.
Accepted 15.04.2025.

МИР И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ THE WORLD AND DIGITAL TRANSFORMATION

научная статья / research article

УДК: 327+004.056

EDN: [YCDSOE](#)

DOI: 10.48612/RG/RGW.28.2.11

Научная специальность ВАК:
5.5.1. История и теория политики

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](#)

Китай и Россия: международное право и кибербезопасность (проблемы, размышления и контрмеры)

Чжан Цзинькай

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
 chzhan7.ts@edu.spbstu.ru

Аннотация

Введение. Управление безопасностью в цифровом мире на международном уровне сталкивается с рядом сложностей и этических вопросов, связанных с технологиями, нравственностью и нормами поведения. Исследование предлагает концептуальную основу для понимания правовых причин, лежащих в основе существующих проблем киберпространства, а также предлагает модели решения этих проблем и реагирования на связанные с ними риски с разных точек зрения. Международное право играет ключевую роль в обеспечении кибербезопасности, однако, оно не всегда адаптировано к современной специфике киберпространства.

Материалы и методы. Источниковую базу исследования составили официальные документы международных организаций, материалы конференций и саммитов, научные публикации. На основе дескриптивного анализа конкретных ситуаций и полученных характеристик выявлены ключевые проблемы безопасности в киберпространстве России и Китая с точки зрения государственной стратегии и управления.

Результаты. Исследованы корни возникновения проблем в сфере международной кибербезопасности, с акцентом на противоречия и этические аспекты, которые освещаются в работах китайских, российских и западных ученых. Продемонстрирован конфликт интересов между странами с разным уровнем технологического развития в вопросе установления правил поведения в киберпространстве. Автор считает, что разрыв в развитии интернет-технологий между западными и восточными (азиатскими) государствами всё больше расширяется, что свидетельствует о неравномерности решения глобальных проблем киберпространства.

Обсуждение. В процессе преобразования международной системы управления безопасностью в киберпространстве отдельные страны могут повысить свой статус и влияние, внедряя новые цифровые технологии, стандарты безопасности, следуя модели сетевого управления на основе «многостороннего подхода» в международном законодательстве.

Заключение. Столкнувшись с вызовами в области кибербезопасности, правительства всех стран придерживаются различных подходов и стратегий реагирования. Отсутствие общепринятых международных норм поведения в киберпространстве и преобладание «односторонних» законодательств привели к несбалансированному развитию международного управления безопасностью в киберпространстве. Многие страны признают, что действующее международное право применимо к использованию информационных и коммуникационных технологий, но отсутствуют специализированные правила, которые бы четко регулировали киберпространство. Результаты исследования могут быть полезны в проблематике комплексного исследования регионоведения, развития международного права и вопросов кибербезопасности.

Ключевые слова: управление безопасностью; концепт многосторонности; нормы поведения; киберпространство; международное право; развивающиеся страны

Для цитирования: Чжан Цзинькай. Китай и Россия: международное право и кибербезопасность (проблемы, размышления и контрмеры) // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 2. С. 144–161. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.11

© Чжан Цзинькай, 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

China and Russia: International Law and Cybersecurity (Issues, Reflections and Countermeasures)

Jinkai Zhang

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
 chzhan7.ts@edu.spbstu.ru

Abstract

Introduction. International management of cybersecurity in the digital world faces a number of challenges and ethical issues related to technology, ethics and behavior. The study provides a conceptual basis for understanding the legal causes underlying existing cyber space problems. It also proposes models for solving these problems and responding to associated risks from different perspectives. International law plays a key role in cybersecurity, but it is not always adapted to the modern specifics of cyberspace.

Materials and methods. The source base of the research was made up of official documents of international organizations, conference and summit materials, and scientific publications. Based on the content analysis of specific situations and the obtained characteristics, key security problems in the cyberspace of the Russia and China from the point of view of state strategy have been identified.

Results. The origins of the dilemma in the field of international cyber security were investigated, with a focus on the contradictions and ethical aspects that are highlighted in the works of Chinese, Russian and Western scholars. The conflict of interests between countries with different levels of technological development regarding the establishment of rules of conduct in cyberspace is demonstrated. The author argues that the gap in internet technology development between Western and Asian states is widening. This indicates the uneven resolution of global cyber space issues.

Discussion. In the process of transforming the international cyberspace security management system, individual countries can enhance their status and influence in the international cyberspace security management system by introducing new cyber technologies, security standards, and adhering to a network management model based on a "multi-pronged approach" in international law.

Conclusion. Faced with international challenges in the field of cybersecurity, governments around the world adhere to different approaches and response strategies. The lack of international norms of behavior in cyberspace and the predominance of "unilateral" legislation have led to an unbalanced development of international security management in cyberspace, which indicates the direction of development of global network management and helps to establish a new network

management order. Many countries recognize that current international law applies to the use of information and communication technologies, but there are no specialized rules that would clearly regulate cyberspace. The results of the study could be useful for the study of regional science, the development of international law and cyber security issues.

Keywords: security governance; concept of multilateralism; norms of behavior; cyberspace; international law; developing countries

For citation: Jinkai Zhang. China and Russia: International Law and Cybersecurity (Issues, Reflections and Countermeasures). *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 2. P. 144–161. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.11

© Jinkai Zhang, 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

В настоящее время наблюдается тенденция к сближению международного и национального права в решении вопросов кибербезопасности. Международные инициативы, направленные на обмен информацией, обучение и коллективное реагирование на киберугрозы, подчёркивают значимость совместного подхода к решению проблем в этой сфере, поэтому многие государства стремятся к тесному сотрудничеству, чтобы обеспечить стабильность в киберпространстве. Эти обстоятельства определяют актуальность и новизну исследования.

С ростом зависимости стран от интернет-технологий в политике, экономике, энергетике, военном и других аспектах возрастают риски сетевой безопасности, с которыми сталкиваются все страны. В настоящее время стратегическая цель кибербезопасности в странах заключается не в установлении новой гегемонии в виртуальном пространстве и не в том, чтобы обеспечить выживание в самом элементарном смысле этого слова, а в построении нового киберпорядка в соответствии с национальными интересами в сложной и открытой среде. В этом процессе мы должны четко осознавать, что современный международный порядок действует не в системе, состоящей из отдельных (или строго «дружественных») субъектов, а сталкивается с вызовами, исходящими от множества субъектов и измерений, которые в разной степени представляют собой угрозы, на которые должна эффективно реагировать национальная стратегия кибербезопасности каждой страны и мира в целом. В качестве объекта нашего исследования мы рассматриваем международное право, как инструмент регулирования вопросов кибербезопасности. Более конкретно, мы анализируем предмет исследования: позиции Китая и России в этой сфере, представленные в виде самостоятельных инициатив, и оцениваем их освещение в научной литературе.

Относительно термина «киберпространство» известно несколько позиций. Фан Биньсин, создатель китайского интернет-брендмауэра, считает, что это «искусственное пространство для деятельности, где субъекты осуществляют передачу данных и взаимодействие через определенные сетевые роли и полагаются на системы связи. В основном оно состоит из четырех элементов: сущности, платформы, данных и поведения» [1]. Александр Климбург, профессор Гарвардского университета, утверждает, что киберпространство, как искусственное технологическое пространство, в первую очередь состоит из трехуровневой структуры: самый фундаментальный

«физический уровень», состоящий из инфраструктуры; «логический уровень» для передачи информации и данных; и «содержательный уровень», состоящий из материалов и коммуникационных сетей [2]. Ученые разных стран в целом признают эти концепции и морфологические характеристики различных элементов киберпространства и достигли определенного консенсуса в отношении структурного анализа киберпространства. Подчеркивая «виртуальные» характеристики киберпространства, определяется роль сетевой инфраструктуры, существующей в физической форме.

Понимание термина «суверенитет Интернета» демонстрирует принципиальные различия во взглядах и определениях исследователей из разных стран. Например, китайский ученый Чжи Чжэньфэн считает, что суверенитет Интернета требует, чтобы ни одна страна или регион не осуществляли технологическую монополию и гегемонию в киберпространстве, вопросы кибербезопасности должны решаться однозначно, без двойных стандартов. Запрещается использовать Интернет для вмешательства во внутренние дела других стран, а также участвовать, поддерживать, или намеренно допускать кибердеятельность, которая каким-либо образом подрывает национальную безопасность других стран [3]. Джеймс А. Льюис (аналитический Центр стратегических и международных исследований США (CSIS¹)), считает, что киберпространство не должно принадлежать какой-либо одной стране, а свободное использование Интернета любым человеком или организацией не должно контролироваться [4].

В России обсуждается вопрос о «суверенном интернете» в России, в которой утверждается, что несмотря на то, что Россия приняла соответствующие законы о киберпространстве, в настоящее время существуют противоречия между российской правовой системой, международным правом и административным управлением [5].

Под влиянием идеологии либерализма большинство исследователей в западных странах по-прежнему считают, что киберпространство следует рассматривать как глобальное достояние, что, несомненно, является продолжением западных ценностей в киберпространстве. Однако, с развитием глобальной сетевой ситуации исследователи из Китая согласны с концепцией «суверенного Интернета», полагая, что власть и функции стран и правительств в области управления сетью не должны ослабевать и игнорироваться, а должны постоянно укрепляться.

Фактически, несмотря на продолжающиеся споры между странами о концепции и юрисдикции интернет-суверенитета, наблюдается единодушное внимание к управлению и поддержанию их собственного киберпространства в действии, что, несомненно, косвенно признает рациональность интернет-суверенитета. Вышеупомянутые результаты исследований дают ценную информацию для нашего исследования, большинство специалистов по безопасности в киберпространстве приводят оценку с точки зрения событий, фактических данных, рисков и способов устранения, связанных с ними неопределенностей.

Анализ состояния изученности проблемы на основе авторского поиска по авторитетным академическим базам данных в Китае, России и в западных странах обнаружил, что исследования, связанные с обсуждаемой темой, в основном,

¹ Center for Strategic and International Studies.

посвящены концепциям элементов, связанных с кибербезопасностью, с двух точек зрения: «киберпространство» и «кибер-суверенитет». Процесс формирования международных стандартов в области кибербезопасности отражает необходимость в более четких и универсальных принципах, которые могли бы охватить все аспекты цифровой сферы. Однако на пути к определению этих норм часто возникают сложности, поскольку технологии развиваются настолько быстро, что стандарты должны постоянно адаптироваться к новым вызовам.

Среди основных проблем, связанных с международным правом и кибербезопасностью, можно выделить несколько исследовательских вопросов. На данный момент нет универсальных международных соглашений, которые бы регулировали кибербезопасность, что приводит к правовым пробелам и затрудняет международное сотрудничество в этой области и свидетельствует об отсутствии согласованных норм.

Концепция цифрового суверенитета подразумевает контроль государств над информацией и инфраструктурой в киберпространстве, что может привести к фрагментации интернета и усложнить применение международного права. Это также затрудняет возможность наказания государств за кибератаки, так как многие из них могут ссылаться на принципы невмешательства.

Увеличение числа киберпреступлений требует создания более строгих международных норм и механизмов для их преследования. На данный момент многие страны действуют в рамках своих национальных законов, что затрудняет международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью.

В настоящее время кибербезопасность таких стран как Китай и Россия, сталкивается с огромными рисками. В этой статье мы надеемся предложить подходящую основу для анализа текущей дилеммы безопасности в киберпространстве и выработать рекомендации по разумному реагированию на риски и вызовы в киберпространстве. Эти обстоятельства определяют цель публикации, предполагающая выявление особенностей национального и международного права. Основные исследовательские вопросы (задачи исследования) предполагающие достижение поставленной цели: история развития международного законодательства и степень изученности проблемы в исследованиях по материалам России и Китая; анализ различных стратегий национальной безопасности и их характеристик; определение основных проблем и вызовов современной международной кибербезопасности.

Методы

Методы, используемые в этом исследовании, включают в себя дескриптивный (описательный) анализ опубликованных мнений, тематический анализ и сравнительные исследования.

1. Метод описательной или дескриптивной аналитики ориентированы на сбор, систематизацию и обобщение первичных данных (результатов исследования) из различных источников с целью обнаружения в них интерпретируемых зависимостей и закономерностей. Основными инструментами описательной аналитики являются извлечение данных из источников и их сведение в единый блок данных. Исследование основано на организации и интеграции результатов исследований

китайских и российских авторов, в сочетании с их собственными теоретическими разработками.

2. Тематический анализ имеет интуитивные, краткие и убедительные характеристики. В настоящем исследовании будет использован тематический анализ материалов, будут приведены примеры разработок различных стран, с тем чтобы повысить убедительность настоящего исследования.

3. Метод сравнительных исследований выявил антагонистические отношения между условным Востоком и Западом, "развитыми странами" и "развивающимися странами", помог сформулировать сходства и различия в развитии принципов управления кибербезопасностью. В целом, в исследовании используется комплексный подход к сопоставлению данных, в строгом соответствии с параметрами сравнения.

Материалы

Источниковую базу исследования составили официальные документы международных организаций, материалы международных конференций и саммитов (например, International Conference on Cyber Conflict (Cycon U.S.); 2016, Washington; Саммит лидеров G20 в Анталии, 2015; Саммит БРИКС на Гоа, 2016 и др.), научные публикации китайских, российских и иных авторов последних лет.

В условиях глобализации значение международного права в сфере кибербезопасности занимает ведущее место, а международные нормы и стандарты играют важную роль в формировании принципов ответственного поведения государств в киберпространстве. Последние выступают своеобразным фундаментом, на котором строятся взаимодействие стран в цифровой среде².

В 2010 г. ООН призвала членов международного сообщества обсудить нормы поведения в киберпространстве. В 2011 г. Китай, Россия и другие государства-члены Шанхайской организации сотрудничества представили Генеральной Ассамблее ООН проект «Международного кодекса поведения в области информационной безопасности», надеясь разъяснить права и обязанности стран в информационном пространстве и способствовать конструктивному и ответственному поведению в информационном пространстве.

В 2013 и 2015 гг. группа правительственных экспертов ООН по информационной безопасности достигла консенсуса подготовки двух документов,

² Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/4089723/> (дата обращения: 21.02.2025).

Проект Конвенции Организации Объединенных Наций о сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности // Официальный сайт МИД Российской Федерации: [сайт]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/un/1561374/ (дата обращения: 22.02.2025).

Проект Концепции стратегии кибербезопасности Российской Федерации // Совет Федерации: [сайт]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d4b3dfbdb25cea8a73.pdf> (дата обращения: 18.02.2025).

Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации от 12 декабря 2016 г. № 50 ст. 7074.

Чжунхуажэньминьгунхэ ванлоаньцюань фа 中华人民共和国网络安全法 [Закон о кибербезопасности КНР] // Цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй 全国人民代表大会 [Всекитайское собрание народных представителей]: [сайт]. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2016-11/07/content_2001605.htm (дата обращения: 22.02.2025).

предложив 11 норм «ответственного поведения государств». В последствии этот консенсус был признан в таких документах, как «Саммит лидеров G20 в Анталье. Коммюнике» (2015 г.) и в «Декларации Восьмого БРИКС Саммита на Гоа» (2016 г.). Однако, начиная с 2016 г., в путь к установлению норм поведения в киберпространстве постепенно был заблокирован. Не только переговоры экспертных групп в ООН завершились безрезультатно, но и «Глобальная конференция по управлению Интернетом», основанная в 2014 г., прекратила свою работу.

13 января 2025 г. Всемирный экономический форум (ВЭФ) и Accenture совместно опубликовали отчет «Перспективы глобальной кибербезопасности на 2025 год». В отчете подчеркивается, что все более сложный ландшафт киберпространства оказывает значительное влияние на различные организации и страны по всему миру.

Сложность киберпространства обусловлена быстрым развитием новейших технологий, неопределенной геополитической ситуацией, эволюцией методов борьбы с угрозами, проблемами регулирования, уязвимостями, вызванными взаимозависимыми цепочками поставок, и растущим разрывом в навыках работы в киберпространстве³.

Результаты и их обсуждение

Анализ официальных документов и исследовательских публикаций показал, что предварительно можно выделить следующие проблемы и вопросы регулирования современными процессами в киберпространстве.

1. Проблемы международного регулирования безопасности в киберпространстве

Уровень технологического развития сетевых технологий в разных странах демонстрирует различия в формировании восприятия и позиции в отношении безопасности в киберпространстве. С одной стороны, они снизили чувство безопасности стран в киберпространстве и обострили конфликты по поводу политики и управления кибербезопасностью. В настоящее время международное управление безопасностью в киберпространстве постепенно становится узким местом, что затрудняет достижение прорывного прогресса.

1.1. Техническая проблема

Глобальная кибербезопасность представляет собой весьма сложные структуры. Кибербезопасность фокусируется на данных и системах, в отличие от традиционных угроз. Хотя физический ущерб от кибератак меньше, их частота и масштаб воздействия выше. В Отчете Microsoft за 2024 г. отмечается, что ежедневно в мире происходит более 600 млн кибератак, включая действия государственных структур и киберпреступников. Стоимость кибербезопасности растет. С марта 2024 г. участились DDoS-атаки, достигнув 4500 в день в июне⁴ (см. рис.1).

³ Global Cybersecurity Outlook 2025. 13.01.2025 // The World Economic Forum: [сайт]. URL: <https://www.weforum.org/publications/global-cybersecurity-outlook-2025/> (дата обращения: 09.03.2025).

⁴ Вэйжуань шуцзы фанюй баогао 2024 微软数字防御报告 2024 [Отчет Microsoft о цифровой защите за 2024 год] [сайт]. URL: <https://www.microsoft.com/zh-tw/security/security-insider/intelligence-reports/microsoft-digital-defense-report-2024> (дата обращения: 09.03.2025).

Рис. 1. Статистика количества глобальных DDoS-атак⁵
Fig. 1. Statistics on the number of global DDoS attacks

Виртуальная природа киберпространства порождает скрытые характеристики кибератак и неизбирательный характер поставленных перед ними целей. Информатизация управления и социальной жизни повысила уязвимость к кибератакам. Частые атаки увеличивают риски для кибербезопасности страны, все устройства в интернете уязвимы, даже при усиленной защите инфраструктуры. Например, согласно отчету под названием «Киберизмерения российско-украинской войны», опубликованному ECCRI, методы работы украинской «кибер армии» не сложны: операторы каналов предоставляют инструменты для распределенных атак типа «Отказ в обслуживании» (DDoS) и публикуют списки целей 2-3 раза в неделю, что позволяет волонтерам использовать эти инструменты для запуска атак на перечисленные веб-сайты⁶. Добровольцы иногда используют свои навыки взлома, чтобы парализовать интернет-сервисы другой стороны, включая банки, налоговые службы и другие важные объекты⁷.

В настоящее время преобладает концепция «технологического национализма». Странам не хватает доверия к зарубежным сетевым технологиям и им не хочется делиться своими интернет-достижениями [6]. Технологические барьеры усилили разрыв между странами, создав риски не только кибербезопасности, но и породили такие явления как «киберколониализм» и «кибергегемония».

⁵ По: 2024 Нян Цюанью DDoS Гунци Тайши Фэньсибаогао 2024 年全球 DDoS 攻击态势分析报告 [Отчет об анализе ситуации с глобальной DDoS-атакой в 2024 году] [сайт]. URL: <https://www.vzkoo.com/document/20250610a2bce130e89a495d45693082.html> (дата обращения: 09.03.2025).

⁶ Grossman, T., Kaminska, M., Shires, J., Smeets, M. The Cyber Dimensions of the Russia-Ukraine War. April 2023 // National Security Archive: [сайт]. URL: https://nsarchive.gwu.edu/sites/default/files/documents/2023-04-00_ECCRI_REPORT_The-Cyber-Dimensions-of-the-Russia-Ukraine-War.pdf (дата обращения: 09.03.2025).

⁷ DDoS-атаки по политическим причинам. Выступление Путина на ПМЭФ задержали на 2 часа. Пентест сайта. 20.06.2022 // «MaskSafe» – территория Кибербезопасности: [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/YrA7pkZmzG2vRnez?ysclid=m7kstb4f79415421244> (дата обращения: 09.03.2025).

1.2. Проблема международных норм

Следует констатировать, что общепринятые международные нормы в киберпространстве не сформированы, что вызывает недоверие и провоцирует развитие «серых зон» без правил. Основная причина задержки с установлением международных норм поведения в киберпространстве, на наш взгляд, сложившееся различное отношение к нормам «ответственного поведения государств». США и некоторые страны Европейского союза выступают против «государственного управления», считая, что чрезмерное вмешательство правительства может привести к авторитаризму в Интернете, тем самым, ослабляется жизнеспособность киберпространства. Они выступают за ослабление роли правительства и внедрение «свободного управления» [7].

С другой стороны, такие страны как Китай и Россия, придерживаются модели межправительственного управления «с центром в правительстве и под руководством ООН». Они полагают, что киберсуверенитет является расширением национального суверенитета в киберпространстве, подчеркивая доминирующее положение правительства среди заинтересованных сторон и выступают против пропаганды свободы Интернета [8].

Западные страны первыми подняли вопрос об особенностях международного права к киберпространству, подчеркивая важность его применения/или отсутствия в этой области. В 2011 г. США приняли «Международную стратегию в отношении киберпространства», утверждая, что разработка национальных норм поведения не требует создания нового международного обычного права⁸. Однако, многие страны выступили против этой позиции. Например, Китай, Россия и другие страны ШОС и БРИКС неоднократно предлагали создать новый кодекс поведения в кибербезопасности и гонке кибервооружений⁹.

Международное право в киберпространстве имеет пробелы и неясности, поэтому ряд стран отказались от многосторонних стандартов, создав свои национальные, что вызвало рост односторонних законодательств и затруднило установление общих международных правил.

1.3. «Кемпинги» в международном киберпространстве

Управление кибербезопасностью включает:

- сетевую безопасность;
- защиту инфраструктуры;
- борьбу с киберпреступностью;
- контроль над вооружениями.

Судя по текущей политике стран мира в области развития киберпространства, между членами международного сообщества существует как сотрудничество, так и

⁸ International Strategy for Cyberspace. Prosperity, Security, and Openness in a Networked World. May 2011 // The White House. President Barack Obama: [сайт]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/internationalstrategy_cyberspace.pdf (дата обращения: 09.03.2025).

⁹ Чжун го вайцзяобу: «Синьсианьцюань гоцзи синвэйчжуньцзэ» (2015 Нян 1 Юе Сюдинбэнь) 国外交部: «信息安全国际行为准则» (2015年1月修订本) [Министерство иностранных дел Китая: “Международный кодекс поведения в области информационной безопасности” (пересмотрен в январе 2015 года)]: [сайт]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zcwj_674915/201109/P020211024558111904717.pdf (дата обращения: 09.03.2025).

конкуренция. Однако в стратегической игре по национальной кибербезопасности почти все страны, активно или пассивно, окажутся втянутыми в противостояние между лагерем западных стран-гегемонов и лагерем азиатских стран¹⁰.

Во-первых, тенденция к поляризации в киберпространстве приведет к более выраженным различиям между членами международного сообщества в отношении кибербезопасности. Споры между «лагерями» могут вызвать цепную реакцию, обостряя конфликты и затрудняя международное сотрудничество. Например, между США и Китаем есть разногласия по милитаризации киберпространства, что привело к поляризованной конфронтации и препятствует прогрессу в переговорах по контролю над кибероружием [9].

Во-вторых, «тенденция кампизации» киберпространства обостряет международное противостояние, объективно приводит к тому, что страны, принадлежащие к разным лагерям, неосознанно отказываются от диверсифицированных подходов к управлению при формировании внутренней политики и выбирают киберполитику, диаметрально противоположную политике противоположного лагеря. Например, ряд стран в целом придерживаются киберсуверенитета как основы управления кибербезопасностью. Соединенные Штаты и ряд европейских стран, в основном, придерживаются модели «слабого суверенитета» с участием многих заинтересованных сторон [10].

В-третьих, разделение лагерей в киберпространстве может сдерживать действия в достижении общих интересов. Киберпространство отличается от реальной политики, и интересы кибербезопасности между странами не так тесно связаны, как интересы в реальном мире. Например, Китай против легализации «превентивной самообороны» в киберпространстве. ЕС разделяет эту позицию, но вынужден поддерживать США по вопросам кибербезопасности. В итоге ЕС соглашается с предложением США о «превентивной самообороне» [11].

2. Дилеммы в управлении безопасностью киберпространства и их причины

2.1. Безопасность в киберпространстве

После окончания холодной войны логика международной политической безопасности была основана на взаимодействии соперничества за власть и взаимной зависимости между странами. Однако в киберпространстве, до того, как в международном сообществе будут установлены эффективные нормы поведения, каждая страна сталкивается с проблемой недостаточной безопасности, даже те, у кого есть передовые кибертехнологии. Неуверенность государств в поддержании безопасности в виртуальном пространстве привела к возникновению у них опасений по поводу эффективных мер безопасности.

С технической точки зрения защита от кибератак и отслеживание их источника являются двумя основными проблемами, с которыми сталкиваются страны при поддержании кибербезопасности. Логически, кибератакующие имеют преимущество [12]. Однако, из-за технических ограничений, трудно обеспечить эффективную защиту в киберпространстве. Эта логика определяет общее направление национальной политики в области кибербезопасности. Будучи рациональными участниками, ряд

¹⁰ NATO to up Security Links with Japan, South Korea, Australia, NZ. July 04.07.2024 // Nikkei Asia: [сайт]. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Indo-Pacific/NATO-to-up-security-links-with-Japan-South-Korea-Australia-NZ> (дата обращения: 09.03.2025).

стран увеличивают инвестиции в ресурсы для укрепления своих собственных возможностей, чтобы усилить сдерживание кибератак.

Традиционно безопасность страны определяется ее общей технологической мощностью. Лидеры в военной, технологической и экономической сферах чаще получают гарантии безопасности. Появление нетрадиционных угроз безопасности изменило логику. В условиях наличия «неопределенных врагов» национальная мощь не всегда решает вопросы безопасности. Несмотря на значительные инвестиции, неопределенные угрозы и уязвимость не дают странам полной уверенности в защите. Дисбаланс в логике кибербезопасности приводит к острой конкуренции в области кибертехнологий и тенденции к милитаризации киберпространства.

Соответственно, разные страны, исходя из своих собственных возможностей в киберпространстве, выбирают разные политики безопасности. Первые добиваются преимуществ в плане безопасности для себя, усиливают собственные возможности в области кибератак и активной обороны; вторые полагаются на технологические возможности или формируют альянсы, чтобы получить больше гарантий кибербезопасности.

Следовательно, отсюда возникновение монополий на кибертехнологии, кибервоенные экспансии, стремление к абсолютной безопасности, кибергегемонии, кибернетическому сдерживанию, кибернетической юрисдикции «с длинными руками» и превентивной политике кибербезопасности. По сравнению с «либеральной» логикой управления на заре Интернета, нынешнее беспокойство членов международного сообщества по поводу кибербезопасности толкает страны на более агрессивный путь гонки кибервооружений [13].

2.2. Конфликты интересов в киберпространстве между разными лагерями

В настоящее время международное управление безопасностью в киберпространстве фактически сформировало две системы лагерей: группа интересов развитых стран во главе с США; другая сторона объединяет развивающиеся страны, возглавляемая Китаем и Россией. Разногласия между сторонами по сетевому управлению вызваны разными интересами.

Западные страны поддерживают управление киберпространством и методы сотрудничества, отражающие либеральные ценности. Например, США утверждают, что их сотрудничество в области кибербезопасности основано на «общих ценностях, интересах и концепции многостороннего управления». Политика западных стран в киберпространстве направлена на «защиту критически важной инфраструктуры», «укреплении киберзащиты», «поддержке свободы в киберпространстве» и «участии многих заинтересованных сторон». Они также стремятся создать альянсы для укрепления своих возможностей в кибербезопасности¹¹.

Второй лагерь, включая Китай и Россию, усиливают защиту «кибернетического суверенитета», испытывают недостаток технологического потенциала и поддержки [14]. Однако, западные страны, призывая другие государства открыть киберпространство, одновременно крадут информацию о безопасности, нарушают суверенитет и вмешиваются во внутренние дела [15].

¹¹ National cybersecurity strategy of the United States of America. September 2018 // The White House: [сайт]. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 09.03.2025).

Сильные в технологическом отношении страны доминируют в разработке сетевых технологий и стандартов, слабые страны сталкиваются с технологическими блоками и ограничениями доступа.

2.3. Этические проблемы и «моральные загадки»

Развитие сетевых технологий позволило человечеству перейти от индустриального общества к информационно-интеллектуальному обществу. Ценности «сетевой эпохи» в некоторой степени вступают в конфликт с ценностями политики, экономики, общего права и прав человека, культуры и другими аспектами, возникшими в индустриальном обществе, что порождает этические проблемы в киберпространстве [16].

Например, существуют противоречия между утечкой и защитой безопасности личных данных (личной конфиденциальности), между открытостью доступа к информации и ее распространению. Такие проблемы, как «алгоритмическая дискриминация», вызванная автоматическими системами принятия решений, основанными на искусственном интеллекте, требуют своего решения. Для каждой страны невозможно создать отдельные моральные консенсусы для реального мира и киберпространства, или полностью применять существующие законы к киберпространству. Этические конфликты, нерегулируемые способы применения цифровых технологий усложняют разработку киберполитики. В разных странах понимание этих этических конфликтов различается, что создает проблемы для сотрудничества.

В силу отсутствия единой социальной ценностной ориентации современная этика киберпространства демонстрирует сильную черту прагматизма: сталкиваясь с моральными дилеммами, киберценности часто склоняются к более удобным и процедурным вариантам, игнорируя этические и моральные проблемы.

В настоящее время достичь консенсуса по вопросам киберэтики не получилось, что приводит к взаимным атакам. Например, Европейский союз критикует Россию за то, что она не уделяет достаточного внимания вопросам киберэтики. Россия считает, что Европейский союз намерен использовать спорные этические вопросы в качестве моральных барьеров для ограничения развития российского цифрового суверенитета [17].

С точки зрения характеристики самого интернета, эти технологии нейтральны. Однако, с точки зрения использования государством интернет-ресурсов, его технологическая нейтральность постепенно меняется. Интернет-технологии универсальны: подходят для военного и гражданского использования [18]. В настоящее время коммерческие технологии, продукты и услуги Интернета больше не считаются технологически нейтральными: «инцидент со Сноуденом» вызвал тревогу для международного сообщества и изменил традиционную логику безопасности Интернета. Подозрительность между странами увеличивает стоимость технологий и усложняет их обмен, а также усиливает недоверие по вопросам кибербезопасности.

3. Стратегии реагирования России и Китая на международные вызовы в области кибербезопасности

Учитывая текущую международную ситуацию и вызовы, связанные с кибербезопасностью, мир должен разработать соответствующие стратегии управления для решения различных проблем.

3.1. Формирование национальной культурной идентичности.

3.1.1. По мнению специалистов, для создания надежной правовой системы обеспечения кибербезопасности многим странам следует ускорить разработку законодательства в области кибербезопасности, разумно сократить законодательный цикл и процедуры¹², обеспечивая при этом качество законодательства, разработать базовый закон о кибербезопасности, который обеспечивал бы всеобъемлющее руководство по решению вопросов кибербезопасности, уточнить определение полномочий правоохранительных органов и усовершенствовать законы и нормативные акты, связанные с кибербезопасностью [19].

3.1.2. Киберпространство способствует обмену и распространению различных культур, зачастую его используют как инструмент экспорта ценностей, распространяя многочисленные онлайн-культуры, которые наносят ущерб развивающимся странам [20].

Во-первых, развивающиеся страны должны стремиться укреплять свое чувство идентичности и принадлежности к собственной национальной культуре, повышать осведомленность о мерах национальной кибербезопасности и проявлять бдительность в отношении вторжения неприемлемых политических и культурных идеологий. Одновременно они должны повышать привлекательность и влияние своей собственной культуры в киберпространстве.

Во-вторых, правоохранительные органы должны усилить ежедневный мониторинг онлайн-контента, важно защищать свои национальные ценности. Необходимо бороться с контентом, который атакует или дискредитирует правительство и нацию, следует использовать Big Data для анализа и формирования общественного мнения. Это поможет предотвратить негативные настроения в киберпространстве и контролировать поведение в интернете, которое угрожает национальной безопасности и социальной стабильности.

3.2. Совершенствование государственных механизмов.

Рекомендации исследователей сводятся к следующему.

1. В целях совершенствования государственных механизмов управления сетевой безопасностью на уровне управления связями с общественностью правительство должно создать сообщество национальных стратегий кибербезопасности, чтобы вовлечь все слои общества в процесс обеспечения безопасности для достижения социального консенсуса по вопросам кибербезопасности.

На административном уровне необходимо сформировать систему управления безопасностью, распределив обязанности между различными ведомствами, обеспечить их координацию и взаимодействие.

2. Укрепление защиты сетевой инфраструктуры, как основы для обеспечения безопасности в сети, предполагает приоритетное внимание со стороны государственных органов управления кибербезопасностью [21], обеспечить устойчивость к потенциальным рискам.

¹² Бобылев Р. Директор ФСБ призвал депутатов Госдумы ускорить принятие законов о регулировании рунета. 23.06.2017 // Афиша Daily: [сайт]. URL: <https://daily.afisha.ru/news/9264-direktor-fsb-prizval-deputatov-gosdumy-uskorit-prinyatie-zakonov-dlya-regulirovaniya-runeta/> (дата обращения: 24.04.2025).

3. Усовершенствование сетевой системы оценки рисков и мониторинга для более эффективного выявления и реагирования на угрозы кибербезопасности¹³. Необходимо создание комплексной платформы для постоянного мониторинга и контроля кибербезопасности, что позволит усилить наблюдение за важными данными и обеспечить их конфиденциальность [22].

3.3. Развитие национальных систем кибербезопасности.

Как демонстрирует большинство опубликованных мнений, страны должны сотрудничать с международными организациями для создания сообществ с общей судьбой киберпространства, совершенствования международных правил и механизмов, создания справедливого и разумного порядка. Поэтому в процессе решения проблем международной кибербезопасности важно сосредоточиться на налаживании взаимовыгодного международного сотрудничества

Руководствуясь принципом многосторонности, международное сообщество должно создать механизм сетевой платформы, где страны по всему миру смогут обсуждать, сотрудничать и обмениваться информацией, одновременно совершенствуя международные правила в киберпространстве [23].

Заключение

В настоящее время проблема международного сетевого пространства становится все более актуальной. Отсутствие единых международных правил в киберпространстве и доминирование национальных законов создали неравномерное развитие системы управления международной безопасностью в этой сфере. Для того, чтобы не допустить монополии западных стран на управление кибербезопасностью, необходимо повысить вес и влияние Китая, России и других государств на международной арене киберпространства.

Как считает большинство исследователей, необходимо наращивать инвестиции в новые информационные технологии и интернет-приложения, стимулировать появление оригинальных технологических инноваций и прорывов в области сетевых технологий нового поколения, а также внедрять современные стандарты защиты интернет-технологий. В то же время, в области международного права, при создании общих правил поведения в киберпространстве, необходимо следовать принципу многосторонности, чтобы преодолеть долгосрочную монополию отдельных государств на дискурсивную власть в сфере международного законодательства киберпространства. В современной ситуации, где единых международных норм и стандартов в области кибербезопасности не разработано, управление безопасностью в цифровом мире, вероятно, должно быть подчинено принципам «национального суверенитета» и приоритетам национальной безопасности каждой страны.

Таким образом, предложенное исследование, анализируя современное состояние международной кибербезопасности, приходит к выводу, что для эффективного решения проблем управления кибербезопасностью государствам необходимо ускорить развитие цифровой культуры и правовой базы, противостоять проникновению чужеродных идеологий, уделить особое внимание созданию

¹³ Путин заявил, что Россия создаст свою собственную схему регулирования интернета. 29.10.2020 // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9850521?ysclid=mastfjs4zn528463728> (дата обращения: 23.03.2025).

государственного киберуправления и активно реагировать на такие тенденции, как «кибергегемония», расширить формы и принципы международного киберсотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фан Биньсин 方滨兴, Цзоу Пэн 邹鹏, Чжу Шибин 朱诗兵. Ванло кунцзянь чжуцюань яньцзю 网络空间主权研究 [Исследование суверенитета в киберпространстве] // Чжунго гунчэн кэсюе 中国工程科学 [Китайский журнал инженерных наук]. 2016. № 18 (06). С. 1–7.
2. Klimburg, A. *The Darkening Web: The War for Cyber-space*. New York: Penguin Press, 2017, 440 p.
3. Чжи Чжэнь Фэн 支振锋. Жуцюань ши ванло кунцзянь аньцюань де чжаньэ чжичэн дян 主权是网络空间安全的战略支撑点 [Суверенитет – стратегическая опора безопасности киберпространства] // Чжунго синьси аньцюань 中国信息安全 [Информационная безопасность Китая]. 2017. № 01. С. 46–47.
4. Lewis, J.A. *Sovereignty and the Role of Government in Cyberspace* // *Brown Journal of World Affairs*. 2010. Vol. 16. No. 2. P. 55–65.
5. Степанов С.А., Иванова Е.А. Проблема «суверенного интернета» в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 2. С. 195–209. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-195-209>.
6. Carri, A. *Techno-Nationalism and Diplomacy*. 02.10.2020 // *Hinrich Foundation*. [эл. доступ]. URL: <https://www.hinrichfoundation.com/research/wp/tech/techno-nationalism-and-diplomacy/> (дата обращения: 09.03.2025).
7. Weiss, M., Jankauskas, V. *Securing Cyberspace: How States Design Governance Arrangements* // *Governance*. 2019. Vol. 32. Iss. 2. P. 259–275. <https://doi.org/10.1111/gove.12368>.
8. Лин Шэнли 凌胜利. Бай дэн чжэнфу дуй хуа ванло кунцзянь чжэнцэ юй чжунго индуй 拜登政府对华网络空间政策与中国应对 [Политика администрации Байдена в отношении Китая в киберпространстве и ответные меры Китая] // Хэпин юй фачжань 和平与发展 [Мир и развитие]. 2022. № 1. С. 38–57.
9. Ван Гуйфан 王桂芳, Ван Нань 王南. Мэйго ванло лянмэн дуй вого де инсян 美国网络联盟对我国的影响 [Развитие Американского интернет-альянса и его влияние на нашу страну]. // Жунго синьси аньцюань 中国信息安全 [Информационная безопасность Китая]. 2019. № 09. С. 39–41.
10. Glen, C.M. *Internet Governance: Territorializing Cyberspace?* // *Politics & Policy*. 2014. Vol. 42. Iss. 5. P. 635–657. <https://doi.org/10.1111/polp.12093>.
11. Чжан Хуа 张华. Ванло кунцзянь шиюн цывэй цюань де фалу бу цюедин син юй чжунго личан бяода — — цзюй синьцзинь гэгэ личан вэньцзянь де сыкао 网络空间适用自卫权的法律不确定性与中国立场表达 —— 基于新近各国立场文件的思考 [Правовая неопределенность применения права на самооборону в киберпространстве и выражение позиции Китая – соображения, основанные на недавних позиционных документах различных стран] // Юньнань шэхуй кэсюе 云南社会科学 [Социальные науки провинции Юньнань]. 2021. № 06. С. 81–92. [эл. доступ]. URL: <https://library.ttc dw.com/dev/upload/webUploader/202201/1643268183495c50ed73029270.pdf> (дата обращения: 09.03.2025).
12. Чжан Чанхэ 张长河. Данцян ванло кунцзянь аньцюань цзишу тиси де цюесян юй тупо 当前网络空间安全技术体系的缺陷与突破 [Дефекты и прорывы в существующей системе технологий обеспечения безопасности в киберпространстве] // Синьси аньцюань яньцзю 信息安全研究 [Исследования в области информационной безопасности]. 2017. № 12. С. 1141–1144. [эл. доступ]. URL: <http://www.sicris.cn/EN/Y2017/V3/I12/1141> (дата обращения: 09.03.2025).
13. Cattaruzza, A., Danet, D., Taillat, S., Laudrain, A. *Sovereignty in Cyberspace: Balkanization or Democratization* // *International Conference on Cyber Conflict (Cycon U.S.)*, October 21–23, 2016, Washington. DC. USA. IEEE, 2016. P. 1–9. <https://doi.org/10.1109/CYCONUS.2016.7836628>.
14. Ромашкина Н. Информационный суверенитет или почему России нужна стратегия информационной безопасности // Российский совет по международным делам (РСМД): [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/informatsionnyy-suverenitet-ili>

rochemu-rossii-nuzhna-strategiya-informatsionnoy-bezopasnosti/?ysclid=m835t3qbjm17475463 (дата обращения: 09.03.2025).

15. Чжоу Ниннань 周宁南, Ли Яоян 李摇艳. Бай дэн чжэнфу ванло аньцюань цзюйцо лоди е цинкуан юй фачжань тайши пингу 拜登政府网络安全举措落地情况与发展态势评估 [Оценка внедрения и тенденций развития инициатив администрации Байдена в области кибербезопасности] // Ванло кунцянь чжаньэ луньтань 网络空间战略论坛 [Форум по стратегии в киберпространстве]. 2022. № 2. С. 5–59.
16. Болгов Р.В., Еременко А.А. Модели государственного регулирования прав человека в цифровом пространстве // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 3. С. 62–85. <http://doi.org/48612/rg/RGM.27.3.4>.
17. Малик Е.Н. Киберагрессия коллективного Запада как геополитическая угроза цифровому суверенитету России // Вестник Прикамского социального института. 2023. № 2 (95). С. 126–132.
18. Demchak C.C. New Security in Cyberspace: Emerging Intersection between Military and Civilian Contingencies // Journal of Contingencies and Crisis Management. 1999. Vol. 7. Iss. 4. P. 181–198. <https://doi.org/10.1111/1468-5973.00112>.
19. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17. https://doi.org/10.12737/art_2018_2_1.
20. Ань Цзин 安静. Ванло аньцюань яньцзю юй чжунго ванло аньцюань чжаньлэ 网络安全研究与中国网络安全战略 [Исследования в области кибербезопасности и стратегия кибербезопасности Китая] // Бэйцзин: Чжунго шэхуй кэсюе чубань шэ 北京:中国社会科学出版社 [Пекин: Издательство социальных наук Китая]. 2018. С. 44–46.
21. Лин Юйхао 令宇豪. Цун э у чунту кань ванло чжань де фа чжань юй ми сы 从俄乌冲突看网络战的发展与迷思 [Развитие и мифы кибервойны с точки зрения российско-украинского конфликта] // Синьси аньцюань юй тунсинь баоми 信息安全与通信保密 [Информационная безопасность и конфиденциальность коммуникаций]. 2022. № 11. С. 36–44.
22. Сунь Жуйин 孙瑞英, Ма Хайцюнь 马海群. Дичжи ванло синьси бацюань де бои фэньси юй дуйцэ яньцзю 抵制网络信息霸权的博弈分析与对策研究 [Анализ игр и исследование контрмер для противодействия гегемонии онлайн-информации] // Цинбао кэсюе 情报科学 [Наука об интеллекте]. 2015. № 33 (03). С. 112–117.
23. Цюе Тяньшу 阙天舒, Ли Хун 李虹. Ванло кунцянь минюнь гунтунти: Гоуцзянь цюаньцю ванло чжили синь чжисюй де чжунго фанань 网络空间命运共同体:构建全球网络治理新秩序的中国方案 [Сообщество единомышленников в киберпространстве: план Китая по созданию нового порядка глобального киберуправления] // Дандай шицзе юй шэхуй чжуи 当代世界与社会主义 [Современный мир и социализм]. 2019. № 03. С. 172–179.

REFERENCES

1. Fan Binsin 方滨兴, Zou Peng 邹鹏, Zhu Shibing 朱诗兵. Wangluo kongjian zhuquan yanjiu 网络空间主权研究 [Research on Cyberspace Sovereignty]. *Zhongguo gongcheng kexue* 中国工程科学 [Chinese Journal of Engineering Science]. 2016. No. 18 (06). P. 1–7. (In Chinese).
2. Klimburg, A. The Darkening Web: The War for Cyber-space. New York: Penguin Press, 2017, 440 p.
3. Zhi Zhenfeng 支振锋. Zhuquan shi wangluo kongjian anquan de zhanlue zhiching dian 主权是网络空间安全的战略支撑点 [Sovereignty is the Strategic Support Point for Cyberspace Security]. *Zhongguo xinxi anquan* 中国信息安全 [China Information Security]. 2017. No. 01. P. 46–47. (In Chinese).
4. Lewis, J.A. Sovereignty and the Role of Government in Cyberspace. *Brown Journal of World Affairs*. 2010. Vol. 16. No. 2. P. 55–65.
5. Stepanov S.A., Ivanova E.A. The Problem of the «Sovereign Internet» in Russia. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 195–209. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-195-209>.
6. Capri, A. Techno-Nationalism and Diplomacy. 02.10.2020. *Hinrich Foundation*. Available at <https://www.hinrichfoundation.com/research/wp/tech/techno-nationalism-and-diplomacy/> (accessed: 09.03.2025).
7. Weiss, M., Jankauskas, V. Securing Cyberspace: How States Design Governance Arrangements.

Governance. 2019. Vol. 32. Iss. 2. P. 259–275. <https://doi.org/10.1111/gove.12368>.

8. Ling Shengli 凌胜利. Bai deng zhengfu dui hua wangluo kongjian zhengce yu zhongguo yingdui 拜登政府对华网络空间政策与中国应对 [The Biden Administration's Cyberspace Policy Toward China and China's Response]. *Heping yu fazhan* 和平与发展 [Peace and Development]. 2022. No. 1. P. 38–57. (In Chinese).

9. Wang Guifang 王桂芳, Wang Nan 王南. Meiguo wangluo lianmeng dui woguo de yingxiang 美国网络联盟对我国的影响 [The Impact of the US Cyber Alliance on my country]. *Zhongguo xinxi anquan* 中国信息安全 [China Information Security]. 2019. No. 09. P. 39–41. (In Chinese).

10. Glen, C.M. Internet Governance: Territorializing Cyberspace? *Politics & Policy*. 2014. Vol. 42. Iss. 5. P. 635–657. <https://doi.org/10.1111/polp.12093>.

11. Zhang Hua 张华. Wangluo kongjian shiyong ziwei quan de falu bu quding xing yu zhongguo lichang biaoda — jiyu xinjin geguo lichang wenjian de sikao 网络空间适用自卫权的法律不确定性与中国立场表达——基于新近各国立场文件的思考 [Legal Uncertainty Regarding the Right of Self-Defense Applicable to Cyberspace and China's Position: a Reflection Based on Recent Position Papers of Various Countries]. *Yunnan shehui kexue* 云南社会科学 [Yunnan Social Sciences]. 2021. No. 06. P. 81–92. Available at <https://library.ttc dw.com/dev/upload/webUploader/202201/1643268183495c50ed73029270.pdf> (accessed: 09.03.2025). (In Chinese).

12. Zhang Changhe 张长河. Dangqian wangluo kongjian anquan jishu tixi de quexian yu tupo 当前网络空间安全技术体系的缺陷与突破 [Defects and Breakthroughs of Current Cyberspace Security Technology System] *Xinxi anquan yanjiu* 信息安全研究 [Journal of Information Security Research]. 2017. No.12. P.1141-1144. Available at <http://www.sicris.cn/EN/Y2017/V3/I12/1141> (accessed: 09.03.2025). (In Chinese).

13. Cattaruzza, A., Danet, D., Taillat, S., Laudrain, A. Sovereignty in Cyberspace: Balkanization or Democratization. *International Conference on Cyber Conflict (Cycon U.S.)*, October 21–23, 2016, Washington. DC. USA. IEEE, 2016. P. 1–9. <https://doi.org/10.1109/CYCONUS.2016.7836628>.

14. Romashkina N. Informacionnyj suverenitet ili pochemu Rossii nuzhna strategija informacionnoj bezopasnosti [Information Sovereignty or Why Russia Needs an information Security Strategy]. 06.08.2019. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD) [The Russian Council on International Affairs (RIAC)]*. Available at <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/informatsionnyy-suverenitet-ili-pochemu-rossii-nuzhna-strategiya-informatsionnoj-bezopasnosti/?ysclid=m835t3qbjm17475463> (accessed: 09.03.2025). (In Russian).

15. Zhou Ningnan 周宁南, Li Yaoyan 李摇艳. Bai deng zhengfu wangluo anquan jucuo luodi yu qingkuang yu fazhan taishi pinggu 拜登政府网络安全举措落地情况与发展态势评估 [Assessment of the Implementation and Development of the Biden Administration's Cybersecurity Initiatives]. *Wangluo kongjian zhanlue luntan* 网络空间战略论坛 [Cyberspace Strategy Forum]. 2022. No. 2. P. 5–59. (In Chinese).

16. Bolgov, R.V., Eremenkov, A.A. Models of State Regulation of Digital Human Rights. *Russia in the Global World*, 2024. Vol. 27. Iss. 3. P. 62–85. (In Russian). <http://doi.org/10.48612/rg/RGW.27.3.4>

17. Malik, E.N. Cyber-Aggression of the Collective West as a Geopolitical Threat to Russia's Digital Sovereignty. *Bulletin of the Prikamsky Social Institute*. 2023. No. 2 (95). P. 126–132. (In Russian).

18. Demchak C.C. New Security in Cyberspace: Emerging Intersection between Military and Civilian Contingencies. *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 1999. Vol. 7. Iss. 4. P. 181–198. <https://doi.org/10.1111/1468-5973.00112>.

19. Talapina E.V. Law and Digitalization: New Challenges and Prospects. *Journal of Russian Law*. 2018. No. 2 (254). P. 5–17. (In Russian). http://doi.org/10.12737/art_2018_2_1.

20. An Jing 安静. Wangluo anquan yanjiu yu zhongguo wangluo anquan zhanlue 网络安全研究与中国网络安全战略 [Cybersecurity Research and China's Cybersecurity Strategy]. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe 北京:中国社会科学出版社 [Beijing: China Social Sciences Press]. 2018. P. 44–46. (In Chinese).

21. Ling Yuhao 令宇豪. Cong e wu chongtu kan wangluo zhan de fa zhan yu mi si 从俄乌冲突看网络战的发展与迷思 [The Development and Myths of Cyber Warfare from the Perspective of the Russia-

Ukraine Conflict]. *Xinxi anquan yu tongxin baomi* 信息安全与通信保密 [*Information Security and Communication Confidentiality*]. 2022. No. 11. P. 36–44. (In Chinese).

22. Sun Ruiying 孙瑞英, Ma Haiqun 马海群. Dizhi wangluo xinxi baquan de boyi fenxi yu duice yanjiu 抵制网络信息霸权的博弈分析与对策研究 [Game Analysis and Countermeasures of Resisting Internet Information Hegemony]. *Qingbao kexue* 情报科学 [*Information Science*]. 2015. № 33 (03). P. 112–117. (In Chinese).

23. Que Tianshu 阙天舒, Li Hong 李虹. Wangluo kongjian mingyun gongtongti: Goujian quanqiu wangluo zhili xin zhixu de zhongguo fangan 网络空间命运共同体:构建全球网络治理新秩序的中国方案 [A Community of Shared Future in Cyberspace: China's Plan for Building a New Global Cyber Governance Order] // Dangdai shijie yu shehui zhuyi 当代世界与社会主义 [The Contemporary World and Socialism]. 2019. № 03. P. 172–179. (In Chinese).

Сведения об авторах / Information about authors

Чжан Цзинькай – аспирант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: 519030552@qq.com

ORCID: 0009-0003-7553-5800

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Zhang Jinkai – PhD student at the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: 519030552@qq.com

ORCID: 0009-0003-7553-5800

The author confirms that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 14.05.2025.

Одобрена после рецензирования 18.05.2025.

Принята 19.05.2025

Received 14.05.2025.

Approved after reviewing 18.05.2025.

Accepted 19.05.2025

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

научная статья / research article
УДК: 903-01+930.1+679.8+212
EDN: [YOZBGB](#)
DOI: 10.48612/RG/RGW.28.2.12

Научная специальность ВАК:
5.6.2. Всеобщая история

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License \(CC BY-NC 4.0\)](#)

Технологии каменного века и поиски начала человеческой истории

Волков Павел Владимирович

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия
 volkov100@yandex.ru

Аннотация

Введение. Принято считать, что отмечаемый археологами прогресс в технологии обработки камня в палеолите всегда был косвенным отражением эволюции интеллектуальных способностей Homo. Появление первых признаков исследователи связывают с находками орудий труда или с появлением каких-либо инноваций в процессе их производства. Единого мнения об отличии результатов труда первых людей от следов работы с камнем прочих приматов в археологии нет. В настоящей работе предложены критерии, позволяющие выделять признаки использования особых технологий при изготовлении древнейших орудий, свойственные исключительно человеку, что позволило отчётливо определить маркер начала нашей истории.

Методы и материалы. Основные методы исследования – технологический анализ производства орудий из камня в эпоху палеолита и трасологический анализ орудий труда человека. Оба метода базируются на экспериментальных и сравнительных исследованиях эталонных и археологических коллекций каменных артефактов, полученных в результате раскопок палеолитических местонахождений в Африке и Евразии.

Результаты. Проведённый анализ зафиксировал появление в истории древних технологий двух уникальных явлений. 1. Особенность технологического мышления человека при работе с камнем проявлялась не только в способности использовать достаточно широкую совокупность технических приёмов воздействия на обрабатываемый материал, но и способности человека к объёмному моделированию (планированию) процесса расщепления камня. Следы реализации двух различных подходов к расщеплению камня отчётливо фиксируются при экспериментально-технологическом анализе древних каменных изделий эпохи раннего палеолита и могут быть использованы как археологический маркер начала рода Homo. 2. Исследования процесса развития древнейших технологий зафиксировали время появления в инструментарии первых неутилитарных (не использовавшихся в повседневной работе) инструментов, назначение которых можно уверенно интерпретировать как орудия для

совершения культовых действий, радикально отличающих человека от синхронно обитавших с ним примитивных приматов.

Дискуссия. Особым явлением в истории палеолита стали зафиксированные в результате технологических исследований следы совершения человеком действий по расщеплению камня, как первых иррациональных, не ориентированных на производство утилитарных орудий. Обнаружение и анализ следов процессов такого рода даёт основание для истолкования как совершение первых символических обрядов.

Заключение. Изложенные в настоящей работе тезисы о религиозности как основного свойства человека, отличающего его от всех иных приматов, вне сомнений, дискуссионны, но необходимость в поиске наиболее значимых маркеров в истории появления человека в мире всегда насущна.

Ключевые слова: технологии; этапы эволюции; каменный век; палеообезьяны; человек; мышление

Для цитирования: Волков П.В. Технологии каменного века и поиски начала человеческой истории // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 2. С. 162–181. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.12

© Волков П.В., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

The Technologies of the Stone Age and the Search for the Beginning of Human History

Pavel V. Volkov

Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russia
 volkov100@yandex.ru

Abstract

Introduction. It is generally accepted that the progress in stone processing technology in the Paleolithic noted by archaeologists has always been an indirect reflection of the evolution of the intellectual abilities of our ancestors. Researchers associate the appearance of the first traces of human presence with the finds of the first tools or with the emergence of some innovations in the process of their production. There is no consensus in archeology on the difference between the results of the labor of the first men and the traces of work with stone by other primates. In this paper, criteria are proposed that allow us to identify signs of the use of special technologies in the manufacture of ancient tools, which are characteristic exclusively of humans, which made it possible to clearly determine the marker of the beginning of our history.

Methods and materials. The main research methods are technological analysis of the production of stone tools in the Paleolithic era and trace analysis of human tools. Both methods are based on experimental and comparative studies of reference and archaeological collections of stone artifacts obtained as a result of excavations of Paleolithic sites in Africa and Eurasia.

Results. The conducted analysis recorded the appearance of two unique phenomena in the history of ancient technologies. 1. The peculiarity of human technological thinking when working with stone was manifested not only in the ability to use a fairly wide range of technical methods of influencing the processed material, but also in the human ability to volume's modeling (planning) the process of stone knapping. Traces of the implementation of two different approaches to splitting stone are clearly recorded in the experimental and technological analysis of ancient stone products of the Early Paleolithic era and can be used as an archaeological marker of the beginning of the genus Homo. 2. Studies of the development of ancient technologies recorded the time of appearance in the toolkit of our ancestors of the first non-utilitarian (not used in everyday work) tools, the purpose of which can be confidently interpreted as tools for performing cult actions that radically distinguish man from the primitive primates that lived synchronously with him.

Discussion. A special phenomenon in the history of the Paleolithic was the traces of man's first irrational actions of stone knapping, not oriented towards the production of utilitarian tools, recorded as a result of technological research. The discovery and analysis of traces of such processes gives grounds for interpreting them as the performance of the first religious rites.

Conclusion. The theses presented in this work about religiosity as the main property of man, distinguishing him from all other primates, are undoubtedly debatable, but the need to search for the most significant markers in the history of man's appearance in the world is always urgent.

Keywords: technologies; stages of evolution; stone age; apes; man; thinking

For citation: Volkov, P.V. The Technologies of the Stone Age and the Search for the Beginning of Human History. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 2. P. 162–181. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.12

© Volkov, P.V., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Исследователи в таких областях знаний как общая биология, генетика, палеонтология, антропология и др., имеют огромный опыт изучения процесса эволюции человека и свои представления об особенностях его генезиса. Археология всегда стремилась и стремится к корреляции своих наблюдений с данными, получаемыми из такого рода источников. Вместе с тем, накопив достаточно большую базу необходимых данных о материальной культуре людей эпохи палеолита, археология способна в настоящее время составить и самостоятельный очерк нашей истории.

Начало истории рода *Homo* исследователи определяют по-разному. Сторонники версии о наибольшей продолжительной истории человека относят первые следы его появления ко времени около 1 млн. л.н. и даже более. Таковых энтузиастов сейчас абсолютное большинство и дискуссия в их рядах идёт только о деталях. Однако не совсем забыто и предположение о появлении человека только в эпоху неолита [1]. Широко распространено представление о первых «анатомически современных людях», как творцов материальной культурой периода среднего палеолита [2].

Взяв за основу версию о крайне продолжительной истории *Homo*, попробуем рассмотреть временную последовательность эволюции древнейших технологий обработки камня; отметим наиболее значимые открытия в таких областях знаний как физика расщепления изотропных тел, свойства сопротивления материалов при их обработке и прочих знаний элементарной механики, необходимых при производстве орудий в эпоху палеолита. Всё это, несомненно, окажется полезным для понимания человека в различные периоды его истории.

Целью настоящей работы является попытка выделить серию эпизодов, которые можно интерпретировать как ключевые при изучении адаптивных способностей человека к условиям изменяющейся среды и способные дополнить уже сложившуюся периодизацию истории эволюции палеолитических технологий.

Методы и материалы

Основной метод анализа материалов в настоящей работе – технологический и функциональный анализ орудий труда из камня эпохи палеолита. Оба метода базируются на экспериментальных и сравнительных исследованиях эталонных и археологических коллекций артефактов по методикам, изложенных в публикациях

С.А. Семенова [3], Г.Ф. Коробковой [4], Лоуренса Кили [5] и ряде работ автора настоящей публикации [6; 7].

Материалы для исследований получены из публикаций результатов археологических раскопок последних десятилетий на палеолитических местонахождениях в Африке и Евразии. Микроскопическому анализу были подвергнуты артефакты из археологических коллекций, собранных на территориях РФ (в основном: Приморье, бассейн р. Амур, Байкальский регион, Алтай, бассейна р. Дон), Монголии (Монгольский Алтай), Израиля (долина р. Иордан), Франции (территории Парижского бассейна, провинции Дордонь, Перигор).

Сырьё, использованное для проведения экспериментальных технологических и трасологических исследований, было получено с местонахождений близ палеолитических памятников Дальнего Востока, Центральной Азии, Кавказа, Востока и Севера Европы, Ближнего Востока.

Предшествующие авторские публикации касались различных аспектов рассматриваемой в данной работе темы: функциональному анализу кремневых микроножей Селемджинской позднепалеолитической [8] и Громатухинской неолитической [9] культуры. О результатах экспериментально-технологического и трасологического анализа леваллуазского расщепления сообщалось на конференции [10], публиковалось в академической печати [11]. Особенности технологии галечного расщепления рассматривались как в кратких публикациях [12], так и в обобщающей монографии по экспериментальной археологии [13].

В настоящей публикации все ранее изложенные тезисы собраны воедино для предлагаемой формулировки технологического критерия отличий следов работы с камнем человека, от последствий раскалывания камня прочими приматами, обоснованию гипотезы о предполагаемой религиозной активности человека в самой глубокой древности. Принятие совокупности таковых признаков начала рода *Homo* позволит заметно скорректировать выделяемые археологами этапы эпохи палеолита.

Результаты и обсуждение

Первые орудия

Наиболее примитивным и, предположительно, древнейшим способом производства орудий исследователям палеолита представляется примерно так: каменное сырьё (преимущественно, речная галька) подвергалось почти хаотичному «ударному воздействию» до тех пор, пока оно не приобретало форму, достаточно похожую на желаемое орудие (рис.1). Таковы орудия «олдувайской археологической культуры», период существования которой определяется археологами по-разному – чаще всего интервалом от 1,5–2 млн. до 500 тыс. л.н. В это время орудие воспринималось его изготовителем как «одноразовый» инструмент, создававшийся только в каждой конкретной операции с обрабатываемым материалом (мясо, кость, дерево и т.п.). Для работы на следующий день, например, *Homo habilis* своё орудие не хранит. Изготовил – использовал – выбросил. Технология производства таких изделий сравнительно проста, не требует особых физических данных или качественно иной структуры мозга, чем она была у ранних австралопитеков.

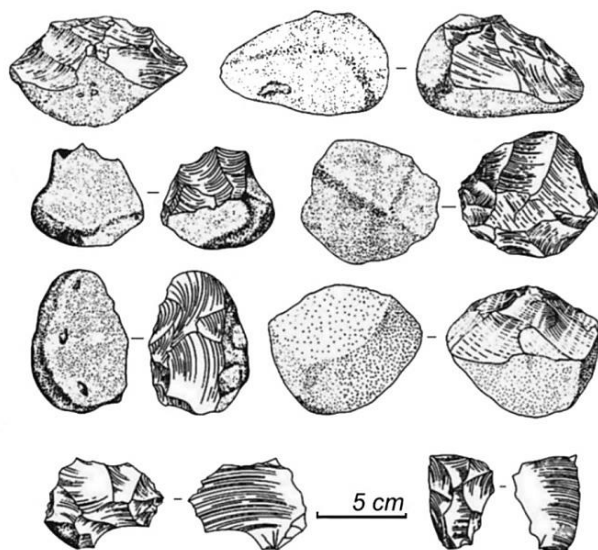

Рис. 1. Орудия эпохи олдувая, по: [14].
Fig. 1. Tools of the Oldowan period, according to: [14].

Появление массивных двусторонне обработанных (преимущественно рубящих) орудий («бифасов», «кливеров» и т. п.) характерно для эпохи «ашельской археологической культуры». Время её существования приблизительно определяется периодом более от 1 млн. до 150 тыс. л. н. По мнению практически всех археологов, используемый в это время каменный инструментарий свидетельствует о появлении на планете особо способных «производящих существ» [15, с. 145–147].

Галечные орудия олдувая и ашельские бифасы имеют принципиально различное происхождение. Эти изделия «родились» в результате абсолютно несходного «отношения» к труду, в итоге несопоставимых планов их изготовления и реализации абсолютно несхожих предварительных технологических «задумок», в рамках иного мышления при планировании действий с камнем и радикально иной технологии, нежели олдувайские изделия.

В ашеле «...каждая форма орудия представлена в наборе большим числом стандартизированных экземпляров. Изготовители этих более совершенных орудий, несомненно, уже обладали языком и мышлением. Резкий контраст между этими орудиями и орудиями, представляющими самую раннюю стадию эволюции каменной индустрии, свидетельствует о том, что у изготовителей последних отсутствовало высокое развитие умственных способностей и, соответственно, язык» [15, с. 146]. «Последние», как следует из контекста – это изготовители олдувайских изделий. В технологии производства олдувая «отсутствуют правила действий, которые предопределяли бы форму орудий» [15, с. 146].

Ашель характеризуется определённой стандартизацией продукции из камня. Знаменитый археолог Гордон Чайлд пишет: «Стандартизованное орудие есть само по себе ископаемая концепция... Воспроизвести образец – значит знать его, а это знание сохраняется и передаётся обществом» [16, с. 30].

Это очень важное замечание.

Изготовители олдувайских инструментов могли знать определённый набор технических приёмов. Но при работе с камнем их действия обычно выражались в интуитивном поиске-переборе того, что может иногда «сработать» для достижения

цели. В то же время человек несравнимо глубже понимал суть и значение спектра возможностей реализации технических приёмов, то есть только он владел технологией как таковой. Только человек способен построить логически последовательную цепочку действий, которая всякий раз становилась оптимальной для достижения каждой из конкретных целей.

Перечисленные признаки отличий труда человека и, условно говоря, палеообезьяны, конечно, значительны, но всё же отмеченная грань, отделяющая наших предков от «умелых» обезьян, «на словах» выглядит довольно расплывчато. Вполне можно предположить, что со временем указанные различия, пока ещё не известными нам путями, были преодолены, но, как показал опыт специальных исследований, в технологическом мышлении человека и палеообезьяны было ещё одно очень важное, радикальное отличие. Речь идёт об особенностях пространственного восприятия.

Реконструкция последовательности действий и определение направленности наносимых на сырьевой блок ударов позволяет утверждать, что оператор эпохи олдувая воспринимал сырьевой блок как предмет от которого можно отделять его части путём плоскостного стёсывания. Как, например, срезается ножом «лишняя» часть картофелины (рис. 2 а).

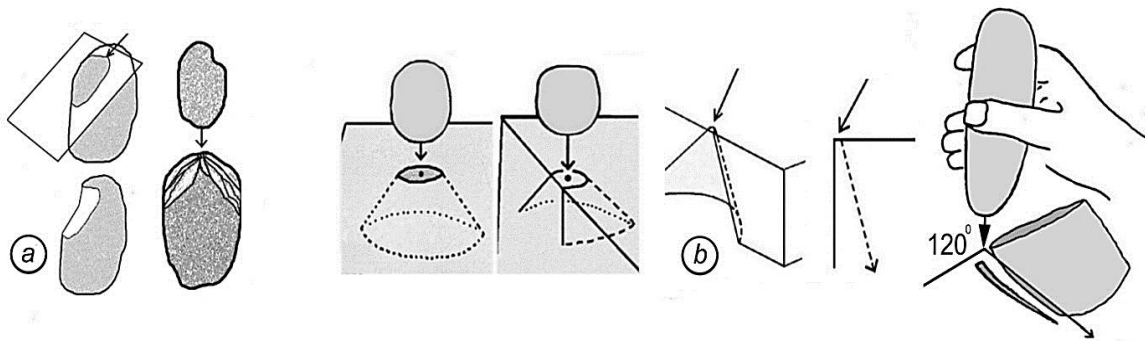

Рис. 2. Схемы образования трещины при расщеплении камня в представлении «умелых палеообезьян» (а) и человека (б), по: [17].

Fig. 2. Schemes of crack formation during splitting of stone as imagined by “skillful paleoapes” (a) and humans (b), according to: [17].

В реальности формирование расщепляющей камень трещины происходит иначе, как результат характерного распространения ударной волны внутри камня (рис. 2 б). И более того, при изготовлении сравнительно более сложных изделий, чем чоппер, необходимо понимание, что формировании скалывающей трещины будет зависеть ещё и от результатов отражения ударной волны от краёв заготовки, от имеющихся природных трещин в сырье, от естественных посторонних, инородных по структуре, включений и т.д. и т.п.

Упрощенно говоря: технологическое мышление «способной обезьяны» подчёркнуто плоскостное; технологическое мышление человека всегда объёмно. В первом случае оператор мыслит исключительно в категориях геометрии, второй – знаком ещё и со стереометрией. Для человека расщепление камня есть «управление» не плоскостью, но объёмным конусом образующейся в камне трещины. Следы реализации двух данных подходов к расщеплению камня всегда отчётливо фиксируются при экспериментально-технологическом анализе древних каменных изделий.

Практика показывает, что для раскалывания камня «плоскостного воображения» может быть и вполне достаточно. То есть, в принципе, без таких «премудростей» изготовить чоппер или чоппинг, типичные изделия олдувайской культуры, вполне возможно.

Особенность мышления человека проявляется в его способности просчитывать возможные последовательности формоизменений обрабатываемого сырья, в использовании достаточно широкой совокупности технических приёмов воздействия на обрабатываемый материал. Только человек обладает способностью эффективно планировать процесс производства каменного инструментария и гибко адаптировать его практическую реализацию.

От палеолита раннего до позднего

В Восточной Африке галечная культура олдувая является самой древней и имеет очень долгую историю. Самые ранние находки датируются временем, как правило, не менее 1 млн. л.н. Орудия олдувая обычно относительно небольшого размера – это расколотые гальки и орудия из разнообразных, полученных при их расщеплении, мелких отщепов.

Находки артефактов ашельской культуры совершенно иного типа. Хотя орудия раннего ашеля ещё сравнительно редко доведены до совершенных форм [18, с. 73–76], от олдувайских изделий они заметно отличаются. И что для нас особенно интересно – «самой отличительной особенностью... коллекции ашельских орудий, – пишет крупнейший знаток палеолита Африки, Дж.Д. Кларк, – является её неожиданное появление среди общей массы материала...» [18, с. 76–77]. Более того – «в Восточной Африке ашель не является продолжением олдувайской культуры» [18, с. 77].

Орудия ашельской культуры появляются в истории как бы внезапно, без каких-либо предпосылок. Причём следы их технологического генезиса отсутствуют именно в Восточной Африке, т. е. там, где их логичнее всего было бы наблюдать.

Дж. Д. Кларк отмечает: «Ашельские стоянки, относящиеся к концу среднего плейстоцена, дают большее разнообразие ретушированных орудий и показывают заметное усовершенствование техники их обработки. При производстве рубил и кливеров теперь применяется так называемая техника „мягкого“ удара (при которой вместо каменного отбойника, используется отбойник из особых пород дерева, кости или оленьего рога). В результате откалываемые отщепы оказываются длиннее и тоньше, и получаемое в конечном счёте орудие обладает правильными формами. На это затрачивалось гораздо больше труда и умения, чем требовалось для изготовления простейших изделий» [18, с. 85]. Особенности ашеля проявляются не только в сравнительно прогрессивной технологии. По убеждению исследователя бифасы ашеля «представляют собой первое свидетельство появления у человека эстетического чувства, и, хотя общая для этих орудий форма не постоянна, они являются первыми в истории человека изделиями, „соответствующими стандартам“ и изготовленными по установленным образцам» [18, с. 86]. Это означает, что в ашельский период человек не испытывал тотальной зависимости от природных форм сырьевых заготовок (колол не только гальку), мыслил и принимал технологические решения уверенно, без особой оглядки на условия, диктуемые окружающей средой.

Носители ашельской культуры заселили Африку и Евразию достаточно быстро. Несмотря на различия в климате и вероятные особенности в хозяйственной деятельности, специфики сырьевых источников особой региональной спецификой в изготовлении характерных для эпохи орудий не проявилось. Ашель столь

неординарен, что, как мы видим, сравнивать его с олдуваем можно только ради поиска новых и новых различий.

Солидарны в оценках необычности ашельских орудий и специалисты экспериментально-технологических исследований. А.Е. Матюхин, изучая орудия раннего палеолита, пишет, что «самое существенное отличие бифасов от галечных орудий заключается в увеличении у первых зоны обработки, сложности и разнообразия технологии изготовления, протяжённости рабочих лезвий, усложнении роли отделки при выделении основных и вспомогательных элементов и т. д. Уже ранние ашельские материалы свидетельствуют о явной способности палеолитических людей мысленно моделировать некоторые формы бифасов, способы, варианты и приёмы их изготовления» [19, с. 165].

Бифасы ашельской культуры — изделия, как отмечал В.М. Ранов, «от которых трудно оторвать глаза. Одни поражают своей совершенной формой, целесообразной и красивой обработкой, размерами или тонкостью сечения, другие интересны тщательной ретушью, изящно охватывающей всю поверхность изделия. Наверное, нет более красивого и, я бы сказал, волнующего орудия каменного века, чем бифас или, как его ещё называют, ручное рубило» [20, с. 47].

Об артефактах олдувая такого не скажешь. «Типичная олдувайская индустрия была продуктом животной, условно-рефлекторной производственной деятельности. Она была творением не людей...» [15, с. 148]. Для изготовления всех этих колотых галек или орудий из корявых отщепов, для всех этих мелких, характерных для доашельского периода изделий, человеческого интеллекта явно не требовалось.

Орудия ашельской культуры имеют яркие, высокие эстетические и технологические характеристики. Их производство требует развитого технологического мышления, большого количества знаний, опыта, возможностей этот опыт накапливать, фиксировать и передавать. На основе данных, полученных в результате экспериментально-технологических исследований древнейшего каменного инструментария, можно уверенно сказать, что генетической взаимосвязи между следами «олдувая» и культурой «ашеля» не существует. Ашельская культура уникальна, возникает внезапно, без фиксируемых археологическими методами «корней».

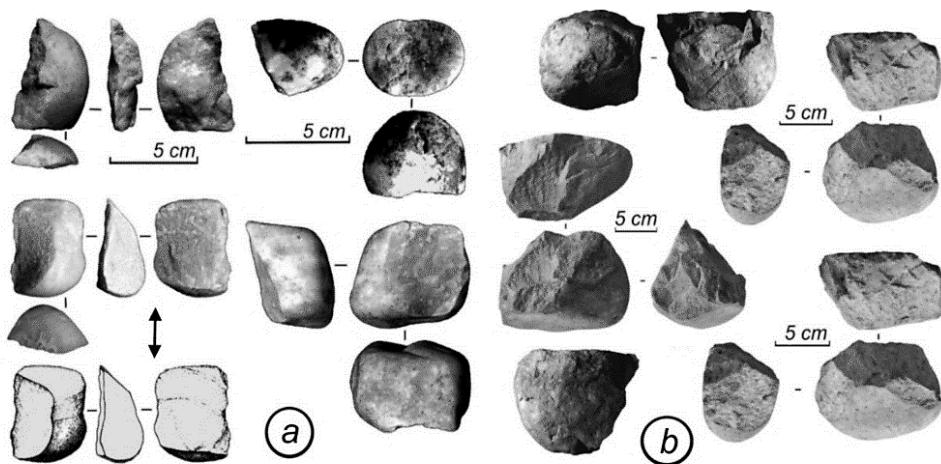

Рис. 3. Орудия чернополосых капуцинов (а), по: [23] и орудия неизвестных существ «в олдувайском стиле» (b) датированные 3 млн. л.н., по: [21].
Fig. 3. Tools of black-banded capuchins (a), according to: [23] and tools of unknown creatures "in the Oldowan style" (b) dated to 3 million years ago, according to: [21].

Говорить что-либо о «культуре» олдувая, как о первых следах человека, после ряда публикаций начала XXI века [14; 21; 22; 23], становится уже несерьёзно (рис. 3).

Сравнительный анализ древнейших технологий позволяет говорить об «ашельском феномене». Появление первых следов ашеля, несомненно, является знаковым началом нового этапа в истории технологии обработки камня в палеолите.

Для понимания феномена ряда артефактов из ашельского инструментария необходимо сделать небольшое отступление и рассмотреть изделия значительно более позднего времени. Функциональный анализ несколько необычных изделий позднего палеолита поможет нам заметить их удивительное сходство с назначением некоторых ашельских артефактов.

При изучении находок позднего палеолита Дальнего Востока России [8; 9] была отмечена необычайная выразительность форм некоторых каменных орудий. Практически каждый функциональный тип инструментов отличался, причём иногда достаточно разительно, своим внешним видом. Нож, например, для разделки мяса отличался своей формой от ножа для обработки рыбы и уж никак не походил на нож для строгания дерева или рога; скребок для обработки шкур крупных животных, радикально отличался от инструмента для работы со шкурами сравнительно небольшими.

Как показали эксперименты, форма каждого из типов орудий, в то время, оптимально подходила для выполнения специализированной работы. Более того, древние мастера с большим вниманием относились и к материалу, из которого они изготавливали свои инструменты. Использовался не просто камень, удобный для расщепления и производства изделия – особое внимание уделялось ещё и таким его свойствам, которые должны были проявиться уже после изготовления из него орудия. Учитывались особенности взаимодействия инструмента и того сырья, которое им придётся обрабатывать.

Вместе с тем, экспериментально-трассологический анализ инструментария раннеолитических памятников региона выявил ряд его странностей. В сериях функционально однотипных орудий отмечены изделия, выполненные из халцедона, материала крайне «неудобного» при расщеплении и, часто, настолько неэффективных в работе, что прямое утилитарное назначение подобных изделий представилось маловероятным.

Существование подчёркнуто «красивых» изделий в инструментарии можно было бы объяснить всегда присущим человеку стремлением к прекрасному, но более вероятным представляется их предназначение для выполнения функций, связанных с некой иррациональной деятельностью. К таковой можно отнести действия, продиктованные особым – религиозным чувством.

Красота орудия в таких случаях была явно важнее его не столь высоких «рабочих» характеристик. Отсюда вполне объяснимо и обращение к ярким, внешне эффектным материалам – полосчатый жёлтый агат, кровавых цветов сард или, напоминающий жилистое мясо, сердолик. Если за обычным завтраком человек мог с успехом пользоваться тривиальным «столовым ножом» из обычного отщепы, то для совершения аналогичного, но уже ритуального действия требовался, конечно же, неординарный инструмент. Лавролистный нож из камня необычного, яркого цвета

вполне мог быть тем самым ритуальным орудием, которое требовалось человеку при участии в культовых трапезах.

Как показывает опыт, орудие, которое мы можем сравнительно уверенно определить как сакральное, должно:

- иметь легко отличимую от обычного утилитарного инструмента форму или быть изготовленным из неординарного материала;
- быть узкоспециализированным (не использоваться в иных, обычных, профанных, работах);
- иметь следы использования в действиях, которые могут быть интерпретированы как культовые (ритуальные, обрядовые, символические, сакральные).

Для периода раннего неолита всё упомянутое выше звучит более или менее естественно. Если к уже известному набору «традиционно сакральных артефактов» в виде фигурок птиц, людей, животных и т. п. добавятся ещё и «сакральные орудия», то в археологии сенсации это не вызовет, а в нашем представлении о жизни человека и в финале древнекаменного века ничего особо не изменит. Но есть ли что-нибудь подобное среди более ранних материалов палеолита?

О функциях бифасиальных орудий эпохи ашеля

Подавляющее большинство ашельских инструментов не имели отчётливо выраженных форм – в качестве функционально универсальных орудий обычно употреблялись слабо обработанные или вовсе неподправленные отщепы, или сколы (рис. 4 а). В то же время, периодически, носители ашельской культуры, из сырья всегда наивысшего качества, создавали орудия, заметно отличавшиеся от привычного в те времена инструментария и по форме, и по своему назначению. В период развитого ашеля эти изделия были уже столь совершенны, что дальнейшая история технологий, пожалуй, не знает примеров достижения столь выдающихся успехов в ударной обработке камня (рис. 4 б).

Важной особенностью «ашельских бифасов» была их исключительная специализация. В.Е. Щелинский, при исследовании ашельских бифасов приходит к очень важному экспертному заключению: все интересующие нас орудия представлены «мясными разделочными ножами для длительного пользования». Роль этих тщательно отделанных, морфологически ярко выделяющихся из общего набора более примитивных орудий ещё и «как бы оттенена тем, что на стоянках, начиная с олдувайской эпохи, они встречаются с массой простых, недифференцированных в функциональном отношении орудий» [24. С. 35] и, пожалуй, наиболее важной особенностью этих орудий является их функциональная специализация — «разделка туш животных» (очевидно, столь же неординарных).

Нетрудно заметить, что «ашельские бифасиальные орудия» обладают практически всеми признаками, которые можно считать обязательными для характеристики сакральных изделий. Если предположить, что для совершения первых в истории жертвоприношений человеку реально необходим только один инструмент – жертвенный нож, то этим орудием вполне могли быть древнейшие бифасы, явно находящиеся вне ряда обычных, бытовых, повседневно используемых предметов.

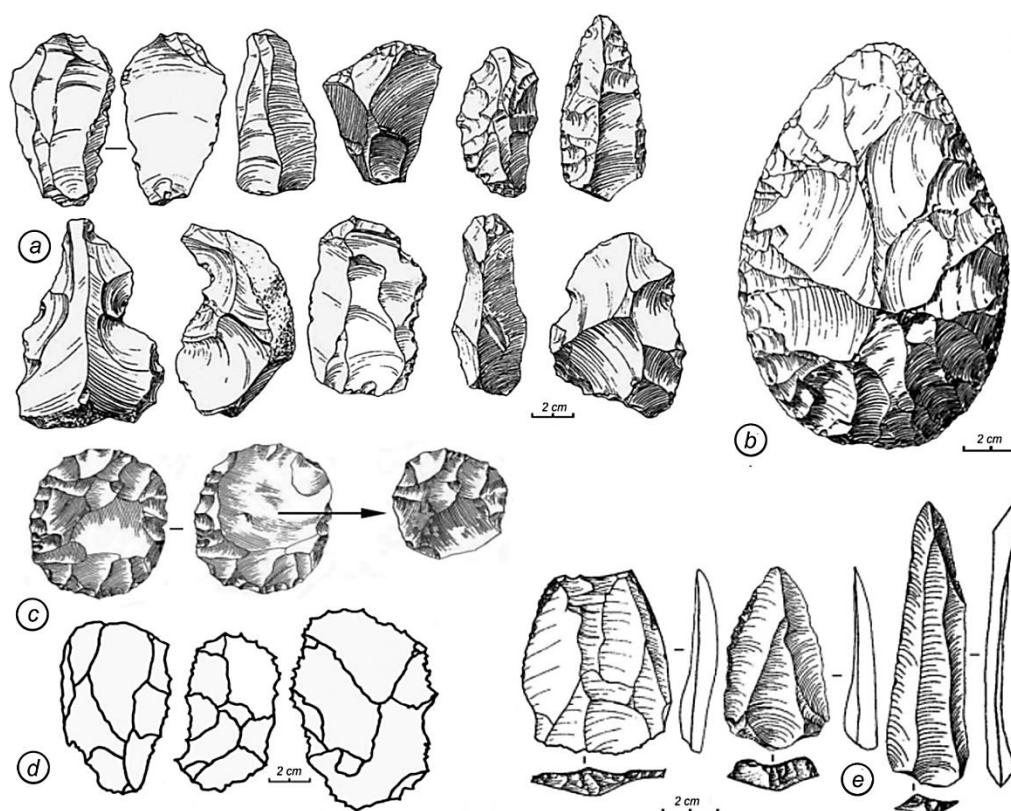

Рис. 4. Орудия ашельской культуры (а); ашельский бифас (b); пренуклеус, нуклеус и финальный отщеп в процессе леваллуа (с); абрис типичных черепаховидных снятий леваллуа из экспозиции Музея доистории (Лез-Эзи-де-Тайак-Сирёй, Франция) (d); мустьерские снятия из IX слоя пещеры Табун (е), по: [25; 26]

Fig. 4. Tools of the Acheulean culture (a); Acheulean biface (b); pre-core, core and final flake in the Levallois process (c); outline of typical Levallois turtle-shaped removals from the exposition of the Museum of Prehistory (Les Eyzies-de-Tayac-Sireuil, France) (d); Mousterian removals from layer IX of Tabun Cave (e), according to: [25; 26]

Появление бифасиальных изделий в инструментарии человека вполне можно считать своеобразным маркером этапа эволюции в истории производства орудий из камня в эпоху палеолита.

Орудия в эпоху мустье

Средний палеолит часто ассоциируется с таким понятием как «мустье», культурно-технологическим комплексом и соответствующей ему эпохой.

На основе внешних различий и наблюдаемых особенностей в технологии работы с камнем в археологической литературе распространены, например, такие дефиниции, как «типичное мустье», «мустье с ашельской традицией», «зубчатое мустье», «шарантское мустье» [27, с. 182–184] и др. Вариаций «мустье» выделяется довольно много и их появление зависит ещё и от того, как тот или иной исследователь понимает термин «археологическая культура».

Однако в целом для историка древних технологий, более естественным является понимание начала мустьерской эпохи с того момента, когда человек стал более экономно использовать каменное сырьё. В раннем палеолите для изготовления каждого каменного орудия человек использовал отдельный цельный блок породы, что было довольно расточительно. Раскалывающие камень люди догадались, что с одного, заранее подготовленного пренуклеуса, можно скалывать несколько стандартных

заготовок в виде крупных отщепов или пластин и уже именно из них делать необходимые инструменты, что очень рационально.

Особенность эпохи среднего палеолита – распространение такого явления, как «леваллуа». Действия человека с камнем в этом процессе представляются весьма неоднозначными.

С термином «леваллуа» в археологической литературе, сразу после обнаружения этого явления, появилось много неясностей. Часто под ним понимается особая техника расщепления камня. При попытке дать этой технике определение большинство исследователей остановилось в своём поиске на формулировке, пожалуй, самого авторитетного специалиста в морфологии каменных артефактов Франсуа Борда: «Отщеп леваллуа – это отщеп, форма которого предопределена тщательной подготовкой нуклеуса перед снятием этого отщепа» [28, с. 14].

Предложенное Ф. Бордом определение стало почти классическим, но никого не удовлетворило. Дело в том, что перед снятием любого отщепа происходит «подготовка нуклеуса» и делается это всегда по возможности «тщательно». Формулировка «по Борду» получилась слишком расплывчатой, абстрактной.

На осмысление того, что же такое «леваллуа», у археологов ушло более столетия. Наиболее полный обзор дискуссий на эту тему можно найти в статьях и в монографической работе П.Е. Нехорошева [29], где после очень детального рассмотрения всех существующих, а также вышедших из оборота толкований, автор приходит к заключению, что «леваллуа – это ряд различных технологий расщепления камня, применявшихся при плоскостном, протопризматическом расщеплении и ниже-среднепалеолитической технике скола, состоявших из совокупности технических приёмов, употреблявшихся в определённой последовательности, направленных на получение симметричных уплощённых и прямо профильных сколов с ровным режущим краем максимальной протяжённости и примерно одинаковым, или плавно меняющимся углом заострения краёв» [29, с. 36].

Принять такую формулировку безоговорочно тоже трудно — большинство археологов свои представления о леваллуа вырабатывали не на основе необходимого экспериментально-технологического анализа этого явления, а лишь на сумме своих суждений о форме этих артефактов.

Экспериментальные исследования показали, что способ получения «отщепов леваллуа» сложен и многократно описан.

Сначала древний мастер готовил пренуклеус, по возможности, правильной дисковидной формы. Одна сторона пренуклеуса должна быть уплощённой, противоположная – слегка выпуклой.

На втором этапе расщепления, на верхнем крае дисковидного изделия оформлялась ударная площадка по форме напоминающая головной убор французского жандарма («chapeau de gendarme»). Важная особенность этой площадки в том, что на её поверхность предполагалось нанести только один удар, причём в определённую точку. Чтобы исключить промах, это место делалось немного выступающим на рельефе ударной площадки.

Миллиметровое смещение точки нанесения удара в сторону от оптимальной делало весь процесс леваллуа невозможным. Скалывание или не происходило, или разрушался пренуклеус.

После подготовки начиналось самое главное: выверенным по массе отбойником, в определённую точку на площадке пренуклеуса, под очень точно рассчитанным углом к его длинной оси, в направлении к его основанию, движением, сориентированным параллельно его боковым сторонам, наносился удар, скалывающий относительно массивный «черепавидный отщеп».

На этом процесс леваллуа завершался. Нуклеус выбрасывался. Отщеп – тоже. Это – первая странность.

Несмотря на всю тщательность подготовки дисковидного пренуклеуса и опыт в исполнении скалывающего удара, результат расщепления всегда оставался абсолютно непредсказуемым – очертания отлетевшего отщепа могли иметь самую различную форму.

Процесс леваллуа – процесс не только сложный, но и «дорогостоящий». Расход сырья огромный – более 90% объёма сырьевой заготовки. Результат ничтожный – всего один отщеп. Всё это, в нашем понимании, далеко от рационального.

Технология среднего палеолита предполагает расщепление камня, ориентированное на получение нескольких снятий с нуклеуса. Полученные мустьерские заготовки могут иметь подпрямоугольные, подтреугольные, пластинчатые или любые иные относительно симметричные формы. Все они достаточно удобны для подправки и легко превращаются в потребный человеку инструментарий.

Сколы леваллуа могут быть округлы, подовальны в плане, но они всегда отчётливо «черепавидные» [30, с. 24]. Все иные формы нуклеусов и основных сколов с них – есть результаты подобных, но иных действий человека с камнем в эпоху мустье.

Леваллуа и мустье... – приёмы схожи; цели – нет.

Леваллуа – феномен вне рамок разнообразных культур мустьерской эпохи и использовавшихся в то время техник расщепления камня.

В.Е. Щелинский отмечает, что «скалывание леваллуазского отщепа было лишь завершающей операцией, которой предшествовал ряд других, предварительных операций. Именно поэтому конкретные трудовые акты, слагающие леваллуазскую технику, имели динамичный характер, а изготавливаемые сколы отличались нестандартностью формы» [24, с. 85].

Иначе говоря, трудов на получение снятия леваллуа всегда требовалось много, а результат всегда оставался непредсказуемым. Вожделенный черепавидный скол в результате процесса может получиться, а может – и нет. Более того, форма скола леваллуа вообще непредсказуема. Это очень важное обстоятельство.

Таким образом, в истории палеолита мы впервые встречаем осознанное отношение к действию как к особому, полностью самодостаточному процессу с заранее непредсказуемым формальным результатом.

Это – очень важный момент.

Осознанная нерациональность действий человека и его участие в процессе леваллуа на протяжении сотен тысяч лет не могут быть случайными.

Удивительно, но такого рода парадокс остаётся незамеченным в современной археологии. Происходит это, как мне кажется, вследствие существования

своеобразного порога восприятия – мы привыкли думать в рамках явно устаревающей парадигмы: «в материальной культуре всё должно быть утилитарно».

Рассмотрим леваллуа более детально.

Процесс леваллуа

Основная техническая сложность леваллуазского расщепления состояла, конечно, в подготовке пренуклеуса. Следовало сделать так, чтобы края финального леваллуазского снятия были относительно равноконечными. Любое нарушение пропорций пренуклеуса перед заключительным снятием ведёт к утрате симметричности финального скола (рис. 4 с).

Процесс леваллуа требует от мастера высочайшей квалификации. Но и этого недостаточно. Тут нужна ещё и удача.

Возникает вполне естественный вопрос: какое практическое преимущество имел отщеп, скалываемый с этого нуклеуса, при всех трудностях его изготовления и не всегда правильной форме, перед обыкновенными качественными отщепами, полученными различными другими приёмами расщепления камня?

Эксперименты показали, что использование черепаховидного леваллуазского снятия в качестве рабочего инструмента без его специального ретуширования, без дополнительной, часто формообразующей подработки, практически невозможно. Использованию отщепа леваллуа в качестве ножа мешают выступы шипов, образовавшиеся от рёбер пренуклеуса. Они же затрудняют использование отщепа как инструмента для обработки шкур. О применении сколов такого типа при работе с деревом, рогом или костью вообще речь не заходит. Можно уверенно утверждать, что отщеп леваллуа не только не мог считаться «готовым к употреблению» орудием, но и в качестве заготовки будущего инструмента не обладал преимуществами перед отходами расщепления, образовавшимися при подготовке пренуклеуса, равно как и перед обычными серийными снятиями эпохи среднего палеолита (рис. 4 d,e).

Не подтвердил гипотезу об утилитарности отщепов с пренуклеусов леваллуа и специальный экспериментально-трасологический анализ. Следы износа, которые могли бы свидетельствовать о применении в древности этих снятий в качестве орудий, специалисты находят столь редко, что можно сказать прямо: черепаховидные отщепы в качестве орудий обычно не использовались.

С рациональной точки зрения получается какой-то нонсенс: процесс трудоёмок, продукт – бесполезен. Впечатление таково, что процесс леваллуа более напоминает какую-то сложную игру, чем производство орудия. Похоже, что решение «загадки леваллуа» из области поиска рационального объяснения, явно ускользает.

Отщеп леваллуа, как представляется, должен только зафиксировать финал процесса, цель которого не утилитарна. Иначе говоря, в феномене леваллуа запечатлено особое действие.

Последнее снятие важно, как таковое, но оно не есть то «единственное», ради чего затевалась эта многоэтапная и технически многосложная работа с камнем. Здесь вероятны совсем другие причины наблюдаемого процесса.

Мартин Хайдеггер, наиболее логичный и последовательный атеист XX века, в своей классической работе [31, с. 177], пишет о неспособности своей блистательной логики познать Сущее без внесения в философскую систему опыта «из метафизики». Похоже, что не обойтись без этого и в археологии.

Позволю себе напомнить, что совершение религиозного культа не всегда предполагает наличие и необходимость использования каких-либо специальных предметов. Если в процессе леваллуа попытаться увидеть ритуал, то это позволит нам получить объяснение целому ряду «недоразумений». Станет объяснима относительная редкость черепаховидных снятий в археологических коллекциях и вместе с тем достаточно широкая их географическая распространённость в масштабах ойкумены. Доступным для понимания станет неутилитарность снятий леваллуа и значительная сложность процесса.

Если предположение о символическом характере процесса леваллуа верно, то его появление в нашей истории приобретает огромное значение. Особенно важным моментом является здесь даже не факт достаточно раннего проявления «религиозности» человека – наиболее значимым является понимание леваллуа как начала эпохи, когда сакральной перестаёт быть исключительно вещь. Иначе говоря, леваллуа вполне логично понимать, как явление, знаменующее в человеческой истории начало этапа, когда в статус сакрального был возведён процесс.

Ряд вопросов без ответа остался. Почему, например, большинство палеолитических орудий изготовлено из обычных серийно получаемых заготовок, или даже случайных снятий, но никак не из финальных леваллуазских отщепов? Почему для процесса леваллуа избиралось, как правило, самое лучшее сырьё? Ответы на подобные вопросы становятся очевидными.

С хронологией леваллуа тоже не всё просто. Как это ни удивительно, но леваллуа древнее эпохи мустье. Между временем появления леваллуа и началом среднего палеолита лежит хронологическая дистанция в сотни тысяч лет. Следы расщепления леваллуа археологи обнаруживают ещё в эпохе ашеля, то есть в самом раннем палеолите, почти в самом начале нашей истории [32, р. 554; 33, с. 744; 34, с. 32]. Местами следы леваллуа прослеживаются даже в позднем палеолите, а на территории современных Египта, Ливана и на Дальнем Востоке леваллуа «доживает» до неолита [25, с. 355; 35, с. 137; 36], когда появляются первые признаки совершения людьми ритуальных действий, заметные даже «невооружённым» взглядом скептически настроенных археологов (красящая охра в могилах или цветы на телах погребённых, странные «нежилые постройки» и «предметы культа» в виде непонятных нам поделок из камня, кости и рога). Появляется то, что мы называем «искусством позднего палеолита», которое вполне можно счесть отражением религиозных переживаний человека.

Получается, что леваллуа выпадает из «истории материальной культуры»? Не совсем так. Это лишь означает, что леваллуа просто не связано с магистральной линией эволюции технологии обработки камня.

Технологический анализ каменных артефактов даёт основания к пересмотру привычного понимания тезиса Ф. Борда: «леваллуа – технология; мустье – культура». Леваллуа тесно связано с мустье и, вместе с тем, оно всегда остаётся явлением абсолютно уникальным, существовавшим вне утилитарных технологий работы человека с камнем, неординарного по своей природе и цели – сакрального действия человека.

Процесс леваллуа во многом схож с ритуальными действиями человека более позднего времени. Так, например, в достаточно сложном обряде римских авгуров

(предсказателей), например, кульминация их действий наступала в момент рассечения жертвенного животного, когда послания богов становились «читаемыми». Вполне вероятно, что схожий опыт познания человек получал и после своего финального удара в сакральном процессе леваллуа.

Суть феномена леваллуа станет нам более понятной, если мы осознаем его как сакральное стремление человека взять в свои руки «говорящую форму» его финального скола, получение «ответа» на своё обращение к силам иного мира.

Слово «религия» означает «связь»; её обретение, равно и как её утрата – важнейшие этапы в истории человечества.

Заключение

Изложенные в настоящей работе тезисы о генезисе религиозности, как основного свойства человека, отличающего его от всех иных приматов, вне сомнений, дискуссионные. Плодотворность их критики, как и концепция автора об особенностях генезиса рода Номо, отчасти опубликованная в популярной литературе [37], будет зависеть не только от целей исследователей, но и от дилеммы их ориентиров – что мы хотим познать: человека эпохи палеолита или только его материальный след.

Необходимость в поиске значимых маркеров в истории материальной культуры насущна – это почти единственная возможность на пути нашего познания этапов становления человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии. СПб.: Алетейя: Историческая книга, 2007. 713 с.
2. Nitecki D.V., Nitecki M.H. *Interdisciplinary Contributions to Archaeology*. Chicago: Springer Science & Business Media, 2013. 324 p.
3. Семенов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) // *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 54. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.
4. Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. *Технология древнейших производств. Мезолит – энеолит*. Ленинград: Наука, 1983. 265 с.
5. Keeley L.H. *Experimental Determination of Stone Tool Uses: A Microwear Analysis*. Chicago: The University of Chicago Press. 1980. 212. p.
6. Волков П.В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. 192 с.
7. Волков П.В. *Эксперимент в археологии*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 324 с.
8. Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон. *Селемджинская позднелевваллитическая культура*. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 336 с.
9. Окладников А.П., Деревянко А.П. *Громатухинская культура*. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1977. 286 с.
10. Volkov Pavel. *Levallois as a Tool // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM. Conference Proceedings. Vol. 5 Sciences and Society. Sofia, 2018. P. 183–189.*
11. Волков П.В. Леваллуа как маркер // *Universum Humanitarium*, 2017, № 1 (4). С. 168–181.
12. Волков П.В. Экспериментально-технологические исследования галечного расщепления в палеолите // *Археология и палеоэкология Евразии: Сборник статей*. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. С. 80–94.
13. Волков П.В. *Опыт эксперимента в археологии*. СПб.: Нестор-История, 2013. 416 с.

14. Malaivijitnond S., Lekprayoon C., Tandavanittj N., Panha S., Cheewatham C., Hamada Y. Stone-tool usage by Thai long-tailed macaques (*Macaca fascicularis*) // *American Journal of Primatology* February. 2007. Vol. 69. Iss. 2. P. 227–233. <https://doi.org/10.1002/ajp.20342>.
15. Семёнов Ю.И. На заре человеческой истории. М.: Мысль, 1989. 319 с.
16. Чайлд Г. Археологические документы по предыстории науки // *Вестник истории мировой культуры* 1957. № 1. С. 24–42.
17. Волков П.В. Технологические различия процессов производства орудий из камня (человек и человекообразные обезьяны) // *Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии: в честь юбилея Г.Ф. Коробковой*. СПб., 2003. С. 78–93.
18. Кларк Дж.Д. Доисторическая Африка. М.: Наука, 1977. 264 с.
19. Матюхин А.Е. Орудия раннего палеолита // *Технология производства в эпоху палеолита*. Л.: Наука, 1983. С. 134–187.
20. Ранов В.А. Семиганч – новое мустьерское местонахождение в Южном Таджикистане // *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 185. Книжная серия ИИМК / ИА АН СССР. М., М.–Л., Л.: 1941–1972. Палеолит и неолит СССР. Т. VII. Посвящается 60-летию П.И. Борисковского. 1972. С. 100–110.
21. Haslam M., Luncz L., Pascual A-G., Falótico T., Malaivijitnond S., Gumert M. Archaeological excavation of wild macaque stone tools // *Journal of Human Evolution*. Vol. 96. July 2016. P. 134–138. <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2016.05.002>.
22. Harmand S., Lewis J.E., Feibel C. S., Lepre C. J., Prat S., Lenoble A., Boes X., Quinn R.L., Brenet M., Arroyo A., Taylor N., Clement S., Daver G., Brugal J-P., Leakey L., Mortlock R.A., Wright J. D., Lokorodi S., Kirwa C., Kent D.V., Roche H. 3.3-million-2025-old stone tools from Lomekwi 3, West Turkana, Kenya // *Nature*. 2015. Vol. 521. P. 310–315. <https://doi.org/10.1038/nature14464>.
23. Proffitt T., Luncz L.V., Falótico T., Ottoni E.B., Torre I., Haslam M. Wild monkeys flake stone tools // *Nature*. Published online 19 October 2016. P. 85–88. <https://doi.org/10.1038/NATURE20112>.
24. Щелинский В.Е. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // *Технология производства в эпоху палеолита*. Л.: Наука, 1983. С. 72–133.
25. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
26. Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Т. III: Ашельская и бифасиальная индустрия в Африке и Азии: Левант, Аравия, Иран, Индия, Вьетнам и основная часть Юго-Восточной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СОРАН, 2018. 572 с.
27. Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СОРАН, 1994. 288 с.
28. Bordes F. Technique levallois et «levalloisen ancien» // *L'Anthropologie*. 1953. Vol. 56. № 5–6. P. 554–556.
29. Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб.: Европейский дом, 1999. 274 с.
30. Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение грота Оби-Рахмат. Ташкент: Фан, 1972. 171 с.
31. Хайдеггер М. Время и бытие (статьи и выступления). М.: Республика, 1993. 447 с.
32. Bordes F. Typologie du paleolithique ancien et moyen // *Memoir*. № 1. Bordeaux: Impr. Delmas, 1961. 85 p.
33. Любин В.П. К вопросу о методике нижнепалеолитических каменных орудий // *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 131. Палеолит и неолит СССР. Т. V. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР 1965. С. 7–75.
34. Григорьев Г.П. Проблемы леваллуа // *Материалы и исследования по археологии СССР*. №185. Палеолит и неолит СССР. Т. VII. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 68–74.
35. Окладников А.П. Древнее поселение на р. Тадуши у дер. Устиновки и проблема дальневосточного мезолита // *Четвертичный период Сибири*. М.: Наука, 1966. С. 352–372.
36. Osypiński P., Osypińska M. Optimal adjustment or cultural backwardness? New data on the latest Levallois industries in the Nile Valley // *Quaternary International*. Vol. 408. Part B. 15 July 2016. P. 90–105.
37. Волков П.В. Человек за камнем. Археология в последнее время. СПб.: Изд-во РХГА, 2020. 220 с.

REFERENCES

1. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoj istorii: problemy paleopsihologii [On the Beginning of Human History: Problems of Paleopsychology]. SPb.: Aleteia: Historical Book, 2007. 713 p. (In Russian).
2. Nitecki D.V., Nitecki M.H. Interdisciplinary Contributions to Archaeology. Chicago: Springer Science & Business Media, 2013. 324 p.
3. Semenov S.A. Pervobytnaya tekhnika (opyt izucheniya drevneyshikh orudiy i izdeliy po sledam raboty) [Primitive Technology (an Experience of Studying the Oldest Tools and Products Based on Traces of Work)]. Materials and Research on Archaeology of the USSR. No. 54. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957. 240 p. (In Russian).
4. Semenov S.A., Korobkova G.F. Tekhnologiya drevneyshikh proizvodstv [Technology of the Oldest Productions]. Mezolit - eneolit. Leningrad: Nauka, 1983. 265 p. (In Russian).
5. Keeley L.H. Experimental Determination of Stone Tool Uses: A Microwear Analysis. Chicago: The University of Chicago Press. 1980. 212. p.
6. Volkov P.V. Trasologicheskiye issledovaniya v arkheologii Severnoy Azii [Trace Research in the Archaeology of Northern Asia]. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 1999. 192 p. (In Russian).
7. Volkov P.V. Eksperiment v arkheologii [Experiment in Archaeology]. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2010. 324 p. (In Russian).
8. Derevyanko A.P., Volkov P.V., Lee Hongjeong. Selemdzhinskaya pozdnepaleoliticheskaya kultura [Selemdzhinskaya Late Paleolithic Culture]. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 1998. 336 p. (In Russian).
9. Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. Gromatukhinskaya kultura [Gromatukhinskaya Culture]. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1977. 286 p. (In Russian).
10. Volkov Pavel. Levallois as a Tool. 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM. Conference Proceedings. Vol. 5 Sciences and Society. Sofia, 2018. P. 183–189.
11. Volkov P.V. Levallua kak marker [Levallois as a Marker]. *Universum Humanitarium*. 2017. No. 1 (4). P. 168–181. (In Russian).
12. Volkov P.V. Eksperimentalno-tekhnologicheskiye issledovaniya galechnogo rasshchepleniya v paleolite [Experimental and Technological Studies of Pebble Knapping in the Paleolithic]. *Arheologiya i paleoekologiya Evrazii: Sbornik statej [Archaeology and Paleoecology of Eurasia: Collection of Articles]*. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2004. P. 80–94. (In Russian).
13. Volkov P.V. Opyt eksperimenta v arkheologii [Experience of Experiments in Archaeology]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013. 416 p. (In Russian).
14. Malaivijitnond S., Lekprayoon C., Tandavanittj N., Panha S., Cheewatham C., Hamada Y. Stone-tool usage by Thai long-tailed macaques (*Macaca fascicularis*). *American Journal of Primatology February*. 2007. Vol. 69. Iss. 2. P. 227–233. <https://doi.org/10.1002/ajp.20342>.
15. Semenov Yu.I. Na zare chelovecheskoj istorii [At the Dawn of Human History]. Moscow: Mysl, 1989. 319 p. (In Russian).
16. Child G. Arkheologicheskiye dokumenty po predystorii nauki [Archaeological Documents on the Prehistory of Science]. *Vestnik istorii mirovoy kultury [Bulletin of the History of World Culture]*, 1957. No. 1. P. 24–42. (In Russian).
17. Volkov P.V. Tekhnologicheskiye razlichiya protsessov proizvodstva orudiy iz kamnya (chelovek i chelovekoobraznyye obezyany) [Technological Differences in the Processes of Producing Stone Tools (Humans and Apes)]. *Peterburgskaya trasologicheskaya shkola i izucheniye drevnikh kultur Yevrazii: V chest yubileya G.F. Korobkovoy [St. Petersburg Traceological School and the Study of Ancient Cultures of Eurasia: in Honor of the Anniversary of G.F. Korobkova]*. St. Petersburg, 2003. P. 78–93. (In Russian).
18. Clark J.D. Doistoricheskaya Afrika [Prehistoric Africa]. Moscow: Nauka, 1977. 264 p. (In Russian).
19. Matyukhin A.E. Orudiya rannego paleolita [Early Paleolithic Tools]. *Tekhnologiya proizvodstva v epokhu paleolita [Production technology in the Paleolithic era]*. L., 1983. P. 134–187. (In Russian).

20. Ranov V.A. Semiganch – novoye mustyerskoye mestonakhozhdeniye v Yuzhnom Tadzhikestane [Semiganch – A New Mousterian site in Southern Tajikistan]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archeology of the USSR]. No. 185. L., 1972. P. 100–110. (In Russian).
21. Haslam M., Luncz L., Pascual A-G., Falótico T., Malaivijitnond S., Gumert M. Archaeological excavation of wild macaque stone tools. *Journal of Human Evolution*. Vol. 96, July 2016. P. 134–138. <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2016.05.002>.
22. Harmand S., Lewis J.E., Feibel C.S., Lepre C.J., Prat S., Lenoble A., Boes X., Quinn R.L., Brenet M., Arroyo A., Taylor N., Clement S., Daver G., Brugal J-P., Leakey L., Mortlock R.A., Wright J.D., Lokorodi S., Kirwa C., Kent D.V., Roche H. 3.3-million-2025-old stone tools from Lomekwi 3, West Turkana, Kenya. *Nature*. 2015. Vol. 521. P. 310–315. <https://doi.org/10.1038/nature14464>.
23. Proffitt T., Luncz L.V., Falótico T., Ottoni E.B., Torre I., Haslam M. Wild monkeys flake stone tools. *Nature*. Published online 19 October 2016. P. 85–88. <https://doi.org/10.1038/NATURE20112>.
24. Shchelinsky V.E. K izucheniyu tekhniki, tekhnologii izgotovleniya i funktsiy orudiy mustyerskoy epokhi [On the Study of the Technique, Manufacturing Technology and Functions of Mousterian Tools]. *Tekhnologiya proizvodstva v epokhu paleolita* [Technology of production in the Paleolithic era]. Leningrad, 1983. P. 72–133. (In Russian).
25. Bray W., Tramp D. Arkheologicheskiy slovar [Archaeological Dictionary]. Moscow: Progress, 1990. 368 p. (In Russian).
26. Derevyanko A.P. Tri globalnyye migratsii cheloveka v Yevrazii [Three Global Human Migrations in Eurasia]. Vol. III: Ashelskaya i bifacialnaya industriya v Afrike i Azii: Levant, Araviya, Iran, Indiya, Vyetsnam i osnovnaya chast Yugo-Vostochnoy Azii [Acheulean and Bifacial Industry in Africa and Asia: Levant, Arabia, Iran, India, Vietnam and the Main Part of Southeast Asia]. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2018. 572 p. (In Russian).
27. Derevyanko A.P., Markin S.V., Vasiliev S.A. Paleolitovedeniye: vvedeniye i osnovy [Paleolithic Studies: Introduction and Basics]. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1994. 288 p. (In Russian).
28. Bordes F. Technique levallois et «levalloisen ancien». *L'Anthropologie*. 1953. Vol. 56. № 5–6. P. 554–556.
29. Nekhoroshev P.E. Tekhnologicheskiy metod izucheniya pervichnogo rasshchepleniya kamnya srednego paleolita [Technological Method for Studying Primary Stone Knife-Fracture in the Middle Paleolithic]. St. Petersburg: European House, 1999. 274 p. (In Russian).
30. Suleimanov R.Kh. Statisticheskoye izucheniye grota Obi-Rakhmat [Statistical Study of the Obi-Rakhmat Grotto]. Tashkent: Fan, 1972. 171 p. (In Russian).
31. Heidegger M. Vremya i bytiye (stati i vystupleniya) [Time and Being (articles and speeches)]. Moscow: Republic, 1993. 447 p. (In Russian).
32. Bordes F. Typologie du paleolithique ancien et moyen [Typology of the Early and Middle Paleolithic]. *Memoir*. № 1. Bordeaux: Impr. Delmas, 1961. 85 p. (In France).
33. Lyubin V.P. K voprosu o metodike nizhnepaleoliticheskikh kamennykh orudiy [On the issue of the methodology of Lower Paleolithic stone tools]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR]. No. 131. Paleolithic and Neolithic of the USSR. T. V. M.; L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR 1965. P. 7–75. (In Russian).
34. Grigoriev G.P. Problemy levallua [Levallois problems]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR]. No.185. Paleolithic and Neolithic of the USSR. Vol. VII. L. Nauka, Leningrad Branch, 1972. pp. 68–74. (In Russian).
35. Okladnikov A.P. Drevneye poseleniye na r. Tadushi u der. Ustinovki i problema dalnevostochnogo mezolita [Ancient Settlement on the Tadushi River Near the Village. Ustinovka and the problem of the Far Eastern Mesolithic]. *Chetvertichnyy period Sibiri* [Quaternary Period of Siberia]. Moscow: Nauka, 1966. P. 352–372. (In Russian).
36. Osypiński P., Osypińska M. Optimal adjustment or cultural backwardness? New data on the latest Levallois industries in the Nile Valley. *Quaternary International*. Vol. 408. Part B. 15 July 2016. P. 90–105.

37. Volkov P.V. Chelovek za kamnem [The Man behind the Stone]. *Arkheologiya v posledneye vremya* [Recent Archaeology]. SPb.: Publishing House of the Russian Chemical Society, 2020. 220 p. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Волков Павел Владимирович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный консультант Института археологии и этнографии СО РАН.

E-mail: volkov100@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9303-4565

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Volkov Pavel V. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Scientific Consultant of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: volkov100@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9303-4565

The author confirms that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 14.04.2025.

Одобрена после рецензирования 05.05.2025.

Принята 06.05.2025.

Received 14.04.2025.

Approved after reviewing 05.05.2025.

Accepted 06.05.2025.

«Россия в глобальном мире»

Том 28. Выпуск 2

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Лицензия зарегистрированного сетевого издания СМИ Эл № ФС77-84167 от 09.11.22

Редакция журнала:

Лбова Л.В. – главный редактор
Погодин С.Н. – ответственный редактор
Сидорчук И.В. – ученый секретарь журнала
Лютинская О.В. – компьютерная верстка

Подписано в печать	Печать цифровая	Формат 60x84/16
Усл. печ.	Тираж	Заказ

*Отпечатано с готового оригинал-макета
В Издательско-типографическом центре Политехнического университета
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29*

«Russia in the Global World»

Volume 28. Issue 2

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg State Polytechnic University”

Mass media registration certification EL № FS 77 – 84167, dated 09.01.2022

Editorial Board:

Lbova L.V. – Editor in Chief
Pogodin S.N. – Executive Editor
Sidorchuk I.V. – Scientific Secretary of the Journal
Liutinskaia O.V. – WEB Editor DTP

Signed for printing	Format 60x84/16	
Conventional Printed Sheet	Circulation	Order

*Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251*

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ в журнале «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Россия в глобальном мире» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием.

С 2012 г. журнал выпускался два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание под двойным названием: «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World» с правом опубликования статей на русском и английском языках. С 2021 г. издание выходит 4 раза в год.

В системе "Международной стандартной нумерации сериальных изданий" (International standard serial numbering) ему присвоен номер ISSN 2304-9472.

Информация обо всех публикациях журнала отображается в библиографической базе Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала рассылаются в ведущие библиотеки России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

При отборе статей редколлегией руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики <https://russiaglobal.spbstu.ru/>. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При цитировании статей и перепечатке материалов журнала ссылка обязательна.

Журнал освещает проблемы изучения взаимоотношений России с другими странами в контексте процессов глобализации. Публикует научные обзоры, статьи проблемного и научно-практического характера, в которых рассматриваются региональные: экономические, политические, социокультурные и правовые аспекты международных отношений. Издание имеет междисциплинарный характер и адресовано специалистам в области регионоведения, истории, философии, культурологии, политологии, социологии и экономики.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ

Статья должна содержать законченный и логически цельный материал, посвященный актуальной научной проблеме. Во введении необходимо обосновать проблему исследования и актуальность работы, сформулировать задачи исследования, представить краткий обзор по тематике. Отдельный раздел представляет собой описание исследовательских методов и фактических материалов (источников) изучения. Рекомендуется завершить обсуждением научных результатов и выводами или рекомендациями по практическому использованию результатов исследования в практике. Название статьи должно отражать основную идею ее содержания. В названии не рекомендуется использовать аббревиатуры и сокращения. Принимаются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, содержащие самостоятельно полученные авторами научные результаты и публикуются в соответствии с тематическими разделами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Объем статей не менее 10 страниц формата А-4, с учетом графических вложений. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух; литературных источников – **не менее двенадцати**.

2. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (1–2 стр., актуальность, существующие проблемы, постановка и описание исследовательских задач); основная часть (изложение материалов и суть

основных научных результатов, дискуссия); заключительная часть (0,5–1 стр., выводы, предложения).

3. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

4. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

5. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, интервал – множитель 1,2; таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 2,7 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2,7 см. Текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1,3 см.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ

Статья оформляется в соответствии с приведенной структурой:

- **УДК** в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- **сведения об авторах блоком / authors** (на русском / английском языке) на каждого автора заполняется отдельно: фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, e-mail;
- **название статьи** (до 12 слов, включая предлоги) на русском и английском языках;
- **аннотация / abstract** (на русском / английском языке): не менее 200 слов: с указанием проблемы и новизны исследования, методов, использованных при его проведении, результатов исследования, заключения;
- **ключевые слова / keywords** (на русском / английском языке);
- **текст статьи** на русском языке или на английском языке, излагается в соответствии с техническими требованиями (структура IMRAD);
- **список источников** (научные статьи и монографии) на русском языке должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. "Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления". Цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи **в порядке упоминания**. Порядковый номер в тексте заключается в квадратные скобки. References оформляется на английском языке.
- **подстрочные ссылки** оформляются на официальные документы или новостные сайты организаций.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Монография

1. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945–1980. 3-е изд., доп. М.: Мысль, 1980. 638 с.

1. Borisov, O.B., Koloskov, B.T. Soviet-Chinese Relations. 1945–1980. 3rd ed., suppl. Moscow: Mysl, 1980. 638 p. (In Russian).

Научные статьи в журналах и сборниках

2. Алескерова Н.Э. Некоторые сведения об истории и мировоззрении средневекового суфийского братства Халватийа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение и африканистика. 2011. Вып. 4. С. 13–23.

2. Aleskerova, N.E. Some Information about the History and Worldview of the Medieval Sufi Brotherhood Khalwatiyya. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 13. Oriental and African Studies*. 2011. Iss. 4. Pp. 13–23. (In Russian).

Научные статьи в сетевых изданиях

3. Чусовлянова С.В. Инженерное образование в Китае – анализ образовательной инициативы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 4–4 (91). С. 140–143. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-4-4-140-143>.

3. Chusovlyanova, S.V. Engineering Education in China – Analysis of Educational Initiative. *International Journal of Humanitarian and Natural Sciences*. 2024. No. 4–4 (91). Pp. 140–143. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-4-4-140-143>.

Пример оформления автореферата и диссертации

4. Иванова Н.А. Особенности правового регулирования труда медицинских работников в условиях реформирования здравоохранения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Издат. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. 30 с.

4. Ivanova, N.A. Features of Legal Regulation of Labor of Medical Workers in the Context of Health Care reform: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences. Ekaterinburg: publishing house "Ural State Law Academy", 2012. 30 p. (In Russian).

5. Крольман М.Л. Партиципативная демократия: генезис современных форм и тенденции развития: дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д: Ростовский гос. эконом. ун-т, 2014. 142 с.

5. Krolman M.L. Participatory Democracy: Genesis of Modern Forms and Development Trends: diss. ... cand. philosophical sciences. Rostov-on-Don: Rostov State Economic University, 2014. 142 p. (In Russian).

Электронные библиотеки.

6. Белослудцев А.Н., Дзюба Е.В. Релокация как социальноэкономический и правовой институт // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 2. [эл. доступ]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54075220> (дата обращения: 25.07.2024).

6. Belosludtsev, A.N., Dziuba, E.V. Relocation as a Socio-Economic and Legal Institution. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 2. Available at <https://elibrary.ru/item.asp?id=54075220> (accessed: 25.07.2024). (In Russian).

Научные статьи на английском языке.

7. Li, J. Development of BRICS Cooperation Mechanism in New Geopolitical Conditions // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography. Bolgov, R., Atnashev, V., Gladkiy, Y., Leete, A., Tsyb, A., Pogodin, S. (eds) Springer Geography. Springer, Cham, 2021. P. 303–312. https://doi.org/10.1007/978-3-030-58263-0_27.

Научные статьи на китайском языке

8. Ван Шучунь 王树春, Ван Чэньшэн 王陈生, Цзян Хунфэй 江洪飞. Цяньси чжун э «Чанцзян – Фуэрцзяхэ» цюйюй хэцзо 浅析中俄“长江—伏尔加河”区域合作 [Краткий анализ китайско-российского регионального сотрудничества «Янцзы-Волга»] // Оуяцзинци 欧亚经济 [Евразийская экономика]. 2021. № 1. С. 97–116.

8. Wang Shuchun 王树春, Wang Chensheng 王陈生, Jiang Hongfei 江洪飞. Tsyansi chzhun e «Chantszyan – Fuertszyakhe» tsyuyuy khetszo 浅析中俄“长江—伏尔加河”区域合作 [Brief Analysis of the Russian-Chinese Cooperation within Volga–Yangtze Program]. *Ouyatszintzi* 欧亚经济 [Journal of Eurasian Economy]. 2021. № 1. P. 97–116. (In Chinese).

Научные статьи на турецком языке

9. Abdullayev, C. Uluslararası hukuk çerçevesinde hazarin statüsü ve doğal kaynaklarının işletilmesi sorunu // Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi. 1999. Cilt 48. Sayı 1. S. 255–290. https://doi.org/10.1501/Hukfak_0000000631.

9. Abdullayev, C. The problem of the status of the Caspian Sea and the exploitation of its natural resources within the framework of international law. *Ankara University Faculty of Law Journal*. 1999. Volume 48. Issue 1. P. 255–290. (In Turkish). https://doi.org/10.1501/Hukfak_0000000631.

Текст статьи должен содержать ссылки **на все источники** из списка.

Статьи без пристатейных библиографических списков к рассмотрению не принимаются.

РАССМОТРЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Предоставление всех материалов осуществляется через электронный адрес редакции <https://russiaglobal.spbstu.ru/>, через систему электронной редакции. Все поступившие статьи публикуются по итогам слепого двойного рецензирования, в случае соответствия критериям актуальности, новизны, практической значимости и проблематике разделов журнала.

Авторы несут полную ответственность за представляемое качество материалов, оформленные ссылки на исходные публикации, в том числе с указанием на авторов и сайты, включенных Министерством юстиции РФ в актуальный (на момент выхода выпуска) список иностранных агентов.

Редакция осуществляет научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости корректирует их по согласованию с автором. Присланные материалы и корректуры авторам не возвращаются.

Редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи в течение 45 дней.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Публикация всех научных статей осуществляется бесплатно.

Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.

Тел. редакции 8 (812) 606-62-42

E-mail редакции: russiaglobal@spbstu.ru

Сайт редакции: <https://russiaglobal.spbstu.ru>